

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Исторический факультет

На правах рукописи

Винюкова Надежда Валерьевна

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЦЕРКОВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

И.И. ФУДЕЛЯ (1864–1918)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., доцент Ф.А. Гайда

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЖИЗНЬ И ВЗГЛЯДЫ И.И. ФУДЕЛЯ ДО ПРИНЯТИЯ СВЯЩЕННОГО САНА	50
§1. Ранняя биография.....	50
§2. Студенческие годы.....	54
§ 3. И.И. Фудель и К.Н. Леонтьев	73
§ 4. Решающий выбор	100
ГЛАВА 2. ВЕХИ СЛУЖЕНИЯ И.И. ФУДЕЛЯ	109
§ 1. Служение в Северо-Западном крае (1889–1892).....	109
§2. Служение в Бутырской Пересыльной тюрьме (1892–1907).....	124
§ 3. И.И. Фудель в арбатский период жизни (1907–1918)	142
ГЛАВА 3. И.И. ФУДЕЛЬ И ПРОБЛЕМА ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ	158
§1. И.И. Фудель о проблеме народного образования.....	158
§2. «Внутренняя миссия среди интеллигенции» в работах и деятельности И.И. Фуделя.....	169
ГЛАВА 4. И.И. ФУДЕЛЬ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО–ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВВ.	189
§1. Приходской вопрос в 1890-е – начале 1900-х гг.	189
§2. И.И. Фудель, Л.А. Тихомиров и Первая русская революция	202
§3. И.И. Фудель и «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви»	212
§4. Братство Святителей Московских и приходская жизнь в 1910-е гг.	226
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240
ПРИЛОЖЕНИЯ	246
БИБЛИОГРАФИЯ	249

Введение

Предгрозовое время конца XIX – начала XX вв. таило в себе те глубинные процессы на разных уровнях общественной и народной жизни, которые привели Российскую империю к потрясениям 1917 г. Долгое время взоры историков, изучающих этот период, были устремлены преимущественно на проблемы экономики, политики и материальной культуры, тогда как такое едва уловимое явление, как духовная жизнь, оставалось сферой внимания философов и богословов. Тем не менее, приблизиться к его осмыслению с исторической точки зрения, на наш взгляд, возможно посредством обращения к вопросам общественной мысли и церковной жизни. Такую возможность дает обращение к биографии деятеля этого времени. В центре нашего исследования стоит человек на фоне эпохи – священник Иосиф Иванович Фудель (1864–1918).

Актуальность диссертации обусловлена не только неординарностью биографии личности, выбранной для исследования, но и спецификой того контекста, в котором происходили изучаемые события. Православная Российская Церковь на рубеже XIX–XX вв., в условиях значительных социально-экономических и политических перемен и констатируемого современниками и исследователями духовного кризиса, особенно остро нуждалась в пастырях – подвижниках, готовых примером своей жизни, своим словом и способностью организовать приходскую жизнь служить нравственным и духовным ориентиром для всех сословий Российской империи. На фоне растущей секуляризации, бурного развития прессы, появления множества общественных организаций, подъема революционных настроений, размывания сословий – духовенство как никогда должно было быть способным отвечать на вызовы времени, и изучение его поведения в этих условиях сохраняет свою актуальность.

Мощный отток из духовного сословия (открытый с конца 1860-х гг.), при отсутствии соизмеримой компенсации, истощал его, авторитет духовенства падал. Несмотря на активное развитие сети духовно-учебных заведений, уровень качественной подготовки священнослужителей в начале XX в. снизился по

сравнению с серединой XIX в¹. Почти половина из них не имели законченного среднего образования, большая часть выпускников семинарий и академий вовсе не собирались связывать свою жизнь с церковью. Низкое материальное положение духовенства постоянно было предметом обсуждения на разных уровнях со времен «Великих реформ», с того же времени остро ставился и вопрос оживления церковно-приходской жизни, находящейся в упадке. При этом происходило расширение круга функций священнослужителя, связанных с основным родом занятий: преподавание Закона Божьего в учебных заведениях, внебогослужебные собеседования, организация воскресных школ, проповедническая и миссионерская деятельность и многое другое². Духовенство выступало не только носителем духовной культуры, но и помогало проведению социальной работы государства. Посредством духовенства церковь и государство пронизывали все сферы жизни общества.

В таких непростых условиях принял сан отец Иосиф Фудель. Для нас особо значимо, что вышел он из секулярной среды, происходил не из духовного сословия и получил университетское образование. Принятие им священства в 1889 г. было решением незаурядным – оно требовало мощной мотивации и несло за собой значительную ответственность. Пример Иосифа Фуделя, совершившего переход из одной социальной группы в противоположную ей по духу, открывает нам в том числе и проблему отчужденности интеллигенции от церкви – острый общественный вопрос эпохи (сохраняющий свою актуальность по сей день), который волновал обе стороны, собирая целые общества и кружки. Эту раздвоенность времени наш герой пережил на себе, отдав немало сил на ее преодоление – как в личном плане, так и в общественном. Феномен его социальной трансформации открывает нам и особый тип людей, перешедших из «мира» в церковь, который выглядит парадоксально на фоне возрастающей секуляризации.

¹ Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX — начало XX века). Челябинск, 2006. С. 204.

² Там же. С. 205.

Жизненный путь И.И. Фуделя развивался нелинейно, что дает исследователю его биографии выход на вопросы, простирающиеся за пределы исключительно церковной истории. Это связано как с его происхождением, так и с разными по своей специфике местами службы (Северо-Западный край, Бутырская тюрьма, арбатский приход), а также разноплановостью его деятельности (литературная, издательская, благотворительная, приходская, просветительская). Его неординарная судьба, с переходом в замкнутое в то время духовное сословие и постоянной проблематизацией темы христианской интеллигенции, приоткрывает остро стоявшую тогда проблему конфликта сакрального и секулярного.

Иосиф Фудель был известным московским пастырем, однако немногие разрозненные сведения, имеющиеся в литературе, не позволяют составить цельного представления о нем. Стоит отметить, что в настоящий момент для историографии не характерно обращение к биографии «рядового» священника с прослеживанием его взглядов, мотиваций, разных сторон взаимодействия с обществом. Немаловажно и то, что в существующей историографии Фудель присутствует преимущественно в связи с именем философа К.Н. Леонтьева, другом и посмертным издателем произведений которого он был, а самостоятельное лицо его до сих пор неизвестно. К тому же, степень влияния Леонтьева на Фуделя еще нуждается в уточнении и может дополнить представление о самом философе и его наследии. Таким образом, мировоззрение И.И. Фуделя и различные аспекты его деятельности, заслуживают специального исследования.

В данной работе мы исследуем общественную и церковную деятельность И.И. Фуделя, стараясь вписать ее в контекст времени. В ходе исследования нами будут рассмотрены выступления И.И. Фуделя в печати и различных религиозно-философских организациях по актуальным вопросам общественной жизни (проблемы образования и христианского просвещения, взаимоотношений церкви и интеллигенции, национальной политики, внутрицерковного устройства и др.). Будут затронуты и разные стороны его социальной активности – тюремное служение, законоучительство, участие в кружках и в приходской жизни Москвы.

Таким образом, тема данного исследования дает выход на ряд важных проблем общественно-церковной жизни пореформенного периода, многие из которых изучены недостаточно. Предполагается, что исследование разных сторон жизни И.И. Фуделя не только позволит выявить взгляды и направления деятельности московского священника «из интеллигенции» на фоне бурных трансформаций эпохи, но и приведет к большему пониманию феномена церковной интеллигенции и внесет определенный вклад в изучение консервативной мысли. Представляя отца Иосифа в дискуссиях времени, автор работы стремился создать его цельный портрет и очертить то направление общественной жизни, которое он представлял.

Таким образом, **цель данной работы** – проследить жизненный путь И.И. Фуделя, анализируя его взгляды, общественную и церковную деятельность в историческом контексте. Достижению этой цели способствует решение следующих **задач**:

1. Реконструировать раннюю биографию И.И. Фуделя и определить истоки и основы его мировоззрения, а также оценить характер взаимоотношений Фуделя с К.Н. Леонтьевым и роль последнего в его жизни и взглядах.

2. Восстановить основные вехи служения Фуделя и раскрыть узловые проблемы и направления его деятельности во время службы в Северо-Западном крае и Бутырской тюрьме, а также в арбатский период жизни.

3. Прояснить эволюцию взглядов Фуделя на проблему христианского просвещения – вопрос о народном образовании и о взаимоотношении церкви с интеллигенцией.

4. Выяснить позицию Фуделя по вопросу оживления церковно-приходской жизни, определить его роль в церковной жизни Москвы и характеризовать то общественно-церковное направление, которое он представлял.

Объектом исследования в работе выступает общественная и церковная деятельность И.И. Фуделя.

Предметом исследования являются взгляды И.И. Фуделя в их развитии, а также содержание и основные принципы различных направлений его деятельности.

Хронологические рамки работы соответствуют датам жизни И.И. Фуделя – это 1864–1918 гг. При этом основное внимание уделяется времени зрелости и наибольшей активности Фуделя, которые проявлялись со второй половины 1880-х гг. вплоть до его смерти в октябре 1918 г. (т.е. исследование несколько выходит за рамки синодального периода истории Русской церкви).

Методологической основой исследования являются как базовые для историка научные принципы историзма и системности, так и принципы, продиктованные биографическим характером работы. Особое внимание в работе уделяется прослеживанию идей И.И. Фуделя, выяснению основных влияний, сформировавших его позицию, и процессов, на фоне которых она складывалась, в связи с чем автор исследования прибегает к историко-генетическому методу и компаративному анализу, сопоставляя данные и раскрывая их в хронологической и тематической последовательности. Использование разнообразных источников дает возможность проанализировать поставленные проблемы в соответствии с принципом научной объективности и верифицируемости.

В работе используются подходы интеллектуальной и микроистории, а также истории повседневности. Отчасти это определяется их особым пониманием места биографии в исторических исследованиях, признанием за ней существенной роли в формировании картины исторического процесса, отчасти – тем, что ведущую роль в работе играют публицистика и источники личного происхождения. Очерчивая интеллектуальную биографию И.И. Фуделя и анализируя его тексты, автор стремится соотнести их с индивидуальными целями, интересами, мировоззренческими ориентациями его творца, а также с тем дискурсом, в котором они возникали. Исследуя биографию «простого священника», а также среду, в которой он действовал, автор выходит на более глобальные проблемы общественной мысли и церковной жизни.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые обстоятельно исследована биография И.И. Фуделя. В работе восстановлены многие ранее неизвестные стороны деятельности и факты жизни отца Иосифа, при этом она содержит пересмотр или уточнения некоторых устоявшихся

представлений о нем. Введен в научный оборот значительный пласт новых источников, в том числе архивных.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Отец Иосиф Фудель был представителем особого социального типа вернувшегося в церковь интеллигента и одновременно – пастыря по призванию (а не «по наследству»). Идея «православного народничества», высказанная Фуделем еще в студенческие годы, с одной стороны, была оригинальна, с другой – шла в русле развития неославянофильской мысли и была созвучна многим ее представителям. Мысль о необходимости христианского просвещения, тесно связанная с идеей миссии церкви среди интеллигенции, занимала в публицистике Фуделя центральное место.

2. Отец Иосиф в начале XX в. выступал как главный хранитель памяти К.Н. Леонтьева, неся также функции интерпретатора и ретранслятора его идей. Будучи одним из самых близких философу людей в последние годы его жизни, Фудель все же не стал его продолжателем и учеником, однако, отдавая дань его таланту, стал первым издателем собрания его сочинений.

3. По некоторым проблемам рубежа XIX–XX вв. И.И. Фудель занимал особую позицию, которая порой выбивалась из официального курса Синода. В вопросе конфессиональной политики в северо-западных землях Фудель не поддерживал репрессивные меры правительства и церкви. Также он выступал решительным апологетом распространения православных братств, представляя меньшинство и «идеалистическое» крыло в вопросе об оживлении церковно-приходской жизни (тогда как опыт советских лет впоследствии показал востребованность церковью этих идей).

4. Многогранной была деятельность Иосифа Фуделя во время служения в Бутырской тюрьме, где он снискал горячую любовь заключенных. Бутырский период жизни отца Иосифа раскрывает как некоторые противоречия дореволюционной тюремной системы, так и содержание функций священника в ней и представления самого Фуделя о задачах тюрьмы, участии заключенных и миссии пастыря.

5. Участвуя в «Кружке ищущих христианского просвещения» и Братстве Святителей Московских, олицетворявших ортодоксальное и антимодернистское течение в «религиозно-философском ренессансе» эпохи, Фудель был вовлечен в просветительскую деятельность этих сообществ и их труды по приближению поместного собора. В 1917–1918 гг. будучи председателем московских пастырских собраний и одним из инициаторов создания «Совета объединенных приходов», Фудель играл одну из ведущих ролей в приходской жизни Москвы, представляя собой пример подвижнического поведения православного священника.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы для дальнейшего изучения общественной мысли и истории Русской Православной Церкви конца XIX–начала XX вв.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы диссертации могут привлекаться при составлении общих и специальных курсов по отечественной истории XIX–начала XX вв., в частности – истории церкви и общественной мысли.

Апробация работы состоит в том, что основные научные результаты диссертации были опубликованы в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова, а также были представлены на нескольких научных конференциях.

По своей **структуре** работа состоит из введения, основной части и заключения. Следуя по тематико-хронологическому принципу, мы рассматриваем юность и формирование мировоззрения И.И. Фуделя, а также его дальнейшую разноплановую деятельность и позицию, которую он занимал по главным для него вопросам. Четыре главы основной части соответствуют основным вехам жизни и деятельности И.И. Фуделя:

Глава 1. Жизнь и взгляды И.И. Фуделя до принятия священного сана

Глава 2. Вехи служения И.И. Фуделя

Глава 3. И.И. Фудель и проблема христианского просвещения

Глава 4. И.И. Фудель в русской общественно-церковной жизни конца XIX – начала XX вв.

Степень разработанности темы. На сегодняшний день нет исследований, специально посвященных данной теме. До революции 1917 г. И.И. Фудель практически не фигурировал в историографии, а после нее его личность была предана забвению, и появилась в научной литературе только в конце 2000-х гг. Поэтому традицию изучения биографии отца Иосифа можно проследить лишь на современном этапе историографии. При этом контекст его биографии существенно раскрывают работы, связанные с разными сторонами его жизни и деятельности (посвященные Северо-Западному краю, тюремному служению Православной церкви, приходскому вопросу, некоторым аспектам общественной мысли и др.). Эту часть историографии можно разделить на дореволюционную, советскую, эмигрантскую и современную. С начала 1990-х гг. наступил наиболее плодотворный для этих тем период, характеризующийся ревизией многих ранее затронутых вопросов, а также развитием новых научных трендов (в частности, это касается интеллектуальной истории и социокультурного подхода³).

Специфика работы позволяет построить обзор литературы по проблемно-хронологическому принципу. Это связано с тем, что мы не найдем каких-либо крупных исследований дореволюционного или советского периода, непосредственно затрагивающих нашу тему. Современные же исследователи уделяли И.И. Фуделю немного внимания. Поэтому, проследив, как фигурировал в историографии И.И. Фудель, мы обратимся к вопросам, проясняющим разные стороны его жизни и деятельности, а также их исторический контекст.

Первая статья о Фуделе появилась уже при его жизни – в словаре Брокгауза и Эфрона, что говорит о его незаурядности в глазах современников. В небольшой биографической справке содержится перечень основных его работ и перечислены

³ Подробнее см.: *Ретина Л.П.* Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25 (I). С. 5-11. Она же. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. 2010. Т. 10. С. 10-40.

периодические издания, где он публиковался⁴. Советская историография не касалась деятельности И.И. Фуделя: для нее фигура этого священника, вероятно, была недостаточно крупной или же «неудобной». Его личность и деятельность обойдена и эмигрантской литературой, по всей видимости, из-за недостатка источников (его родственники остались в Советской России).

Более содержательные статьи появляются только в постсоветское время. В энциклопедии, посвященной русским философам, С.М. Половинкин очерчивает основные вехи жизни Фуделя, опираясь в основном на его «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли» и мемуары Сергея Иосифовича Фуделя⁵. Неполнота источниковой базы отразилась на степени достоверности некоторых суждений автора.

Расширяет данные о Фуделе статья С.В. Хатунцева⁶. В ней факты биографии представлены несколько полнее, дан более широкий перечень сочинений Фуделя и воспоминаний о нем. Автором бегло намечены некоторые направления деятельности Фуделя. Заметно, что основным источником для написания статьи также служили мемуары С.И. Фуделя. Хатунцев, равно как и Половинкин, затрагивает содержание лишь ранней брошюры Фуделя о молодежи и некоторых его статей о Леонтьеве, в то время как основная часть его публицистики остается без внимания.

Особый вклад в изучение биографии отца Иосифа вносит статья сотрудницы Дома Русского Зарубежья А.И. Солженицина (ДРЗ) Т.Ф. Соколовой с обзором архивных материалов, входящих в архивный фонд семьи Фуделей. Однако она носит преимущественно описательный и скорее справочный характер⁷.

Личность И.И. Фуделя не могла быть обойдена Л.И. Сараскиной и свящ. Н. Балашовым при написании биографии его сына С.И. Фуделя, привлечшего

⁴ Фудель И.И. // ЭСБЕ. Т. XXXVIa. Спб., 1902. С. 856.

⁵ Половинкин С.М. Фудель Иосиф Иванович // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. То же в: Русская философия: Энциклопедия. Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2007.

⁶ Хатунцев С.В. Фудель И.И. // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века. Энциклопедия. Отв. Ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С.449-551.

⁷ Соколова Т.Ф. Три поколения семьи Фуделей: по архивным материалам Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2010. С. 479-490.

внимание издателей и исследователей в постсоветское время⁸. Однако и в данной работе единственным источником об отце Иосифе послужили «Воспоминания» С.И. Фуделя, что нельзя посчитать достаточным для объективного портрета.

В историографии И.И. Фудель фигурирует в основном в связи с философом К.Н. Леонтьевым, изучение наследия которого особенно популярно в последние десятилетия. Но такой подход не может не вносить свою специфику в формируемый образ. Любопытно, что в статье А.П. Козырева из сборника «К.Н. Леонтьев. Pro et contra» с разбором полемики вокруг Леонтьева Фудель практически выведен за скобки (несмотря на присутствие двух его статей в этом сборнике) – он упоминается лишь в конце как один из последователей мыслителя⁹.

Единственный исследователь, попытавшийся детально углубиться в биографию И.И. Фуделя, – О.Л. Фетисенко, филолог и издательница «Полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева»¹⁰, а также автор крупной монографии об этом философе¹¹. Фигура Фуделя, разумеется, заинтересовала Ольгу Леонидовну, ведь он был не только постоянным корреспондентом Леонтьева в последние годы его жизни, но также и первым издателем собрания его сочинений. Ей было издано отдельное «Приложение» к Собранию¹² с публикацией переписки Леонтьева и Фуделя, в предисловии к которому последнему было уделено особое место¹³. Здесь впервые делается попытка детальной реконструкции биографии Фуделя, в основном на материалах, попавших в руки автора, благодаря изучению наследия Леонтьева. Биографические подробности О.Л. Фетисенко устанавливала в основном по письмам Фуделя к К.Н. Леонтьеву, переписке Леонтьева с Н.А. Умановым, а также по воспоминаниям С.И. Фуделя, С.Н. Дурьлина и Л.А. Тихомирова.

⁸ Балашов Н.В., *прот.*, Сараскина Л.И. Сергей Фудель. М., 2011.

⁹ Козырев А.П. Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников // К. Н. Леонтьев. Pro et contra. Антология. В 2 кн. СПб., 1995. Т. 1. С. 434.

¹⁰ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. СПб., 2000-2012.

¹¹ Фетисенко О.Л. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012.

¹² «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012.

¹³ Фетисенко О.Л. «Отче и друже мой»: отец Иосиф Фудель – друг, ученик и издатель К. Леонтьева // Преемство от отцов. С. 52.

Однако многие существенные источники привлечены автором не были. Так, был обойден вниманием Центральный государственный архив города Москвы, тогда как там можно обнаружить немаловажные материалы, проливающие свет на биографию Фуделя, например, его студенческое дело, данные которого порой служат опровержением или дополнением некоторых фактов и выводов Ольги Леонидовны (в части места рождения Фуделя, имени и вероисповедания его матери). На степени объективности оценок сказалось и то, что исследователем не был изучен весь пласт публицистических работ Фуделя и огромное количество материалов, связанных с его активной общественно-церковной деятельностью в период с 1891 до 1918 года: вопросы просвещения и приходской жизни, работа в бутырской тюрьме (не использован его «Дневник священника пересыльной тюрьмы»), участие в различных обществах и т.д. Кроме того, интерпретация использованных материалов, наш взгляд, нуждается в некоторых уточнениях: в первую очередь это касается характеристики отношений Фуделя и Леонтьева как системы «учитель – ученик»¹⁴.

Дальнейшее развитие этот сюжет получил в следующей крупной работе автора – «Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики». Недаром труд написан филологом: для него характерны насыщенный язык, скрупулезно проведенный текстологический анализ. Введение в научный оборот большого количества новых материалов, стремление вписать Леонтьева в контекст консервативной мысли эпохи – высокая заслуга автора. В то же время заметно и то, что в повествовании сильна привязка к источникам (историческая реальность представляется скорее глазами Леонтьева). Кроме того, остаются некоторые терминологические вопросы. Например, в книге не содержится определения и критериев применения заданного в заглавии термина «ученики», причем И.И. Фудель представлен здесь как «самый преданный ученик»

¹⁴ В этом смысле примечательны следующие рецензии на книгу: *Тесля А. А.* Хранители и пророк (рец. на кн.: «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. СПб., 2012). Русский журнал, 2012. URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Hraniteli-i-prorok#_ftn10 (дата обращения: 14.01.2017). *Тесля А. А.* "... для сохранения и постоянного подновления любви": о переписке К. Н. Леонтьева и О. И. Фуделя. Хабаровск, 2012. С. 3-18.

Леонтьева¹⁵. Правда, прямо о «гептастилизме» как «школе» не говорится, зато употребляется понятие «течение». Сомнения относительно убедительности концепции «гептастилизма» высказывались, например, в рецензии А.А. Тесли, где он отметил, что этот термин выражает содержание тех мыслей Леонтьева 1882—1885 гг., которые еще не нашли своего места в печати и высказывались им лишь в узком кругу¹⁶. Отсутствие в книге критического анализа «гептастилизма» и желание ее автора избежать обобщения фактологического материала отмечались в рецензии А.В. Хорошевой¹⁷. Иными словами, вводимые новые термины неизбежно вызывают дискуссии. Представляется, что удачная попытка реконструкции и анализа взглядов Леонтьева несомненно имеет место, но проблема существования связанных с философом школы или течения еще заслуживает доработки.

Большая часть монографии посвящена взаимоотношениям Леонтьева с его современниками. С одной стороны, нельзя не отметить, что автором использован и переработан гигантский пласт источников, и это придает книге фундаментальность. Но с другой, сам замысел книги с прорисовыванием портретов «собеседников и учеников» К. Леонтьева – требует от автора огромной ответственности, ведь необходимо показать самостоятельные персонажи (пусть и в диалоге с мыслителем), а не только их образ в представлении Леонтьева. Неслучайно даже главы о каждом озаглавлены «по-леонтьевски», какой-нибудь его яркой характеристикой.

Мы же коротко коснемся того, как представлен И.И. Фудель в отдельной главе о нем – «"Германский дух на православной почве": отец Иосиф Фудель». Как отмечает Ольга Леонидовна, ее книга целиком «леонтьевцентрична»¹⁸. Это не могло не отразиться на том, как преподносится образ И.И. Фуделя. Перед нами предстает взгляд на его личность исключительно через призму К.Н. Леонтьева,

¹⁵ Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 280.

¹⁶ Тесли А. А. Константин Леонтьев в кругу собеседников и учеников (рец. на кн.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012) // «Новое литературное обозрение», 2013. № 3 (121), с. 352–356.

¹⁷ Хорошева А.В. Конфликт двух исторических систем // Российская история, 2014, №2. С. 31.

¹⁸ Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 11.

отчего разрушается цельность восприятия. Глубоко затронув тему отношений Леонтьева и тогда еще юного Фуделя, автор все же неизбежно оставляет портрет последнего незавершенным. Фудель в работе представлен главным образом как приверженец мыслителя (что, впрочем, естественно при написании труда о Леонтьеве). По сравнению со вступительной статьей к «Преемству от отцов», глава о Фуделе содержит некоторые дополнения. Прежде всего, это касается обращения к периоду жизни Фуделя после смерти Леонтьева (а это практически половина его жизненного пути). Несомненным достоинством «Гептастилистов» является то, что О.Л. Фетисенко представляет тщательный разбор деятельности Фуделя по изданию собрания сочинений Леонтьева, используя деловую переписку Фуделя с разными лицами (хранящуюся в РГАЛИ). В связи с этим, в нашем исследовании мы не будем уделять отдельного места этому сюжету.

Тема этих взаимоотношений была развита и Т.Н. Резвых¹⁹, опубликовавшей также замечательный очерк С.Н. Дурылина, посвященный отцу Иосифу. Закономерно, что исследователь, занимающаяся Дурылиным, который был увлечен наследием Леонтьева, также представляет Фуделя в связи с этим сюжетом и оценивает его как «леонтьевца». Отношения Леонтьева с Фуделем затрагиваются также в статьях А.А. Тесли, опирающихся на труды О.Л. Фетисенко²⁰.

Одним из исключений в историографии служит взгляд на И.И. Фуделя как самостоятельную фигуру в контексте полемики о национализме, который представляет в своей статье А.Э. Котов. Он показывает, что в ряде аспектов своего отношения к национализму отец Иосиф остался ближе к В.С. Соловьеву, чем к К.Н. Леонтьеву²¹. Автор использует не только переписку Фуделя с Леонтьевым, его статьи о «национальном», но и затрагивает сюжет, связанный с Северо-Западным краем и печатной полемикой Фуделя с А.А. Владимировым,

¹⁹ Резвых Т.Н. «Я чувствовал себя как бы его внуком – через сына – через о. Иосифа...» (Отец Сергей Дурылин – исследователь творчества К. Н. Леонтьева) // Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7. С. 257-357. Она же. «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С. Н. Дурылина // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 (59). С. 83-118.

²⁰ Тесли А.А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014.

²¹ Котов А.Э. Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме // Russian Colonial Studies. 2019. № 2. С. 56-75.

полагая, что в ней отец Иосиф отстоит от леонтьевского «консервативного романтизма». Тем самым работа затрагивает одну из сторон в разногласиях и пересечениях с Леонтьевым, которые еще требуют дальнейшего изучения.

Как становится видно из вышесказанного, самостоятельного исследования об И.И. Фуделе не существует, а имеющиеся работы оставляют много вопросов и массу неохваченных источников. Ввиду необходимости обозначить основы мировоззрения Фуделя и прояснить тот фон, на котором проходила его деятельность, нам нужно прибегнуть к исследованиям, посвященным соответствующим сюжетам и общественно-церковным проблемам рубежа XIX–XX вв.

Истории Русской Православной Церкви в пореформенный период посвящен ряд работ дореволюционного²², советского²³, эмигрантского²⁴ и современного²⁵ этапов историографии в рамках обзорных трудов (разумеется, внимание к церковной истории существенно возросло в постсоветское время в связи с ее деидеологизацией). Для дореволюционной историографии характерен критический подход к синодальной системе, внимание к правовым и материальным аспектам, к проблемам приходской жизни и духовного образования²⁶. Работам советского периода присущ антицерковный и агитационный характер, господствовало отношение к Русской Православной Церкви как к «служанке самодержавия», а к духовенству – как классу эксплуататоров, крайне негативно оценивалась деятельность приходских клириков в области народного образования. В то же время в этот период появился ряд работ, на новом уровне изучающих правовое положение и сословный статус приходского духовенства, некоторые из которых обладают богатой фактологией и

²² Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого. Казань, 1873.

Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. М., 1883-1893.

²³ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930; Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969.

²⁴ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

²⁵ Цытин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700-2005. М., 2012.

²⁶ См., напр.: Голубинский Е.Е. О реформе в быте русской церкви. М., 1913.

Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб., 1903.

Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1908-1909.

высокой фундированностью архивными материалами – работа П.Н. Зырянова до сих пор признается классической²⁷.

В позднесоветское время ситуация начала меняться²⁸. Из эмигрантских трудов, написанных вдали от отечественных архивов, по-прежнему не теряют актуальность работы И.К. Смолича, о. Г.В. Флоровского, А.В. Карташева. Несмотря на обобщающий характер работ, авторы выделяли разные акценты в происходящих процессах. Применительно к нашей теме, особенно примечательны разделы, посвященные приходскому духовенству и духовному образованию в работе историка-эмигранта И.К. Смолича²⁹, и конфессиональной политике и церковным реформам В.А. Федорова³⁰, работа С.В. Римского о церковной реформе 60 – 70-х гг. XIX в³¹., где автор сделал заключение о ее отрицательных результатах (используя многочисленные архивные материалы, которые были недоступны И.К. Смоличу, он пришел во многом ко схожим выводам).

Отдельно отметим современные историографические работы по истории Русской церкви: литература революционного и раннесоветского периодов рассмотрена в монографии Д.Б. Павлова³², развитию зарубежной и отечественной историографии в XX в. уделяет внимание П.Г. Рогозный³³, в свете актуальных подходов к изучению духовенства рассматривает современные исследования А.М. Феофанов³⁴.

Объективному обобщению, несомненно, должна предшествовать аналитика конкретного материала – как на региональном, так и на индивидуальном уровне. За последние десятилетия защищено немало диссертаций, посвященных региональному духовенству синодальной эпохи (городскому и сельскому,

²⁷ Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905— 1907 гг. М., 1984.

²⁸ Русское православие. Вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989.

²⁹ Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700-1917. М., 1997.

³⁰ Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003.

³¹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы России 1860-1870-х годов). М., 1999.

³² Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений. 1917-1922. М., 2011.

³³ Рогозный П.Г. Григори Фриз – американский историк русского православия // Фриз Г. Губительное благочестие: Российская церковь и падение империи. СПб., 2019.

³⁴ Феофанов А.М. Корпоративная идентичность православного духовенства Российской империи: историография вопроса // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 90. С. 9-21.

столичному и провинциальному) на материалах отдельных епархий и в различных аспектах его повседневной жизни – с приведением статистики его численности, образования, материального и семейного положения и т.п.³⁵. Из монографий стоит выделить труд Т.Г. Леонтьевой, посвященный проблемам провинциального сельского духовенства в пореформенный период (преимущественно на материалах Тверской губернии)³⁶ и работу Ю.И. Белоноговой об истории приходского духовенства московской епархии в начале XX в., в которой детально проработаны материалы официального делопроизводства Московской Духовной Консistorии³⁷. На материалах консистории, а также некоторых периодических изданий, историком Т.В. Панкрат создано замечательное исследование о деятельности московских приходских попечительств³⁸. Эти работы вводят в оборот множество полезных статистических данных, раскрывают важные правовые, материальные и благотворительные стороны жизни духовенства.

Что касается уровня индивидуального – в новейший период историографии издается значительное количество личных источников и «жизнеописаний», но научные биографии представителей духовенства остаются редкостью (к тому же, в биографическом аспекте наибольшее внимание исследователей приковано к судьбам духовенства в советский период). В последние годы вышел ряд работ, посвященных некоторым известным священнослужителям рубежа XIX–XX вв., при этом чаще встречаются работы об архиереях, т.е. выбираются люди заведомо широкого масштаба³⁹. Для нас интересны попытки исследователей спуститься

³⁵ Подробнее см.: *Феофанов А.М.* Корпоративная идентичность православного духовенства Российской империи: историография вопроса // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 90. С. 9-21.

³⁶ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX-начале XX вв. М., 2002.

³⁷ *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века: (По материалам Московской епархии). М., 2010.

³⁸ *Панкрат Т.В.* Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы: вторая половина XIX-начало XX столетия. М., 2011.

³⁹ *Курляндский И.А.* Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. М., 2002; *Ильяшенко Ф.А.* Отец Иоанн Кронштадский в восприятии современников: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Кищенко Н.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006; *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858-1918). Саратов, 2006; *Фирсов С.Л.* Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М., 2011; *Зеленогорский [Гринберг] М.Л.* Жизнь и деятельность архиеп. Андрея (кн. Ухтомского). М., 1995; *Гаврилин А.В.* Рижский период

именно на микроуровень, и в этом отношении интересен опыт Т.Г. Леонтьевой, написавшей биографию провинциального иерея⁴⁰ (хотя существуют и биографические работы по более раннему периоду⁴¹). Автор подробно излагает перипетии жизни священника-бунтаря, претерпевавшего гонения со стороны начальства за резкую и «неортодоксальную» публицистику. Работа написана с широким использованием архивных материалов, однако в своем изложении исследователь зачастую «идет за источником», стараясь оправдать своего героя, относясь к нему с восторженностью, порой препятствующей научно-критическому взгляду на события.

Традиционно в историографии истории Русской церкви доминирует внимание к государственно-церковным отношениям или же к состоянию материального положения духовенства, это касается всех ее периодов. Основоположником исследования социальных аспектов в истории церкви можно назвать американского историка Г. Фриза, работавшего в советских архивах с 1970-х гг., его труды стали классическими. «Социокультурный поворот» постепенно происходит в новейшей историографии – в научную повестку все больше включаются проблемы социальной и микро-истории в разных ее проявлениях (темы социальной мобильности, внутрицерковных социальных групп, религиозности, повседневности и пр.). В последние годы все чаще стали появляться исследования, посвященные духовенству как социальному явлению и его проявлениям в крупных исторических процессах (модернизация, революция, автобиографика и русская литература, социальная идентичность и т. д.) – причем как отечественные⁴², так и зарубежные⁴³.

служения священноисповедника митрополита Агафангела (Преображенского) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 18. С. 47-61.

⁴⁰ Леонтьева Т.Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.; Тверь, 2012.

⁴¹ Захарова И.Е. Гавриил Иванович Чернышевский – представитель элиты провинциального духовенства первой половины XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011.

⁴² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 2; Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX — начало XX века). Челябинск, 2006; Беглов А.Л. Сословность православного приходского духовенства в России в начале XX века: региональные особенности // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Вып. 5 (21); Бик-Булатов А.Ш. Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX - начала XX века. СПб., 2018; Автобиографика и православие в России конца XVII - начала XX века / Сборник статей; под редакцией

Для данного исследования важны и специальные работы по истории церкви по ряду вопросов, дополняющих исторический контекст: о состоянии церкви в начале XX в. и предсоборном движении⁴⁴, положении духовенства и церкви в канун революции и первые советские годы⁴⁵, о деятельности РПЦ в рабочей среде (где, в частности, упоминается Фудель)⁴⁶ и церковной миссии⁴⁷, взаимоотношениях церкви со властью⁴⁸, приходском вопросе⁴⁹, православных

Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М., 2019; *Хондзинский П., прот.* Приходское духовенство конца XIX – начала XX века в русской духовной традиции: Доклад на ежегодной научно-богословской конференции в Санкт-Петербургской Духовной академии 30 сентября 2015 года. – [Электронный ресурс] – http://www.pstbi.ru/news/show/132-doklad_prot_Pavel_Khondsinskiy#cite_note-15 (дата обращения: 10.11.2019);

Лютко Е.И., диакон. Понятие «Филаретовское духовенство» в контексте развития пастырского богословия в России на рубеже XIX–XX вв. // *Филаретовский альманах.* 2019. № 15. С. 43–60; *Прокофьев А.В.* Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание приходского духовенства. М., 2010.

⁴³ *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России М., 2015; *Фриз Г.* Губительное благочестие: Российская церковь и падение империи / Сост., вступ. ст., комм. П.Г. Рогозного. СПб., 2019.

⁴⁴ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002; *Ореханов Г.,* свящ. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.

⁴⁵ *Голубцов С.,* протод. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999; *Рогозный П.Г.* Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917–1920. М., 2018; *Он же.* Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008; *Комиссарова Л., Яшина С.* Письмо благочинным Совета объединенных приходов Москвы // *Свет Христов просвещает всех: Альманах СФИ.* Выпуск 25. М., 2018. С. 91–98.

⁴⁶ *Медведев С.В.* Эксперимент Зубатова: легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018; *Грабко М. Е.* Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX - начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.

⁴⁷ *Кравецкий А.Г.* Церковная миссия в эпоху перемен. М., 2012.

⁴⁸ *Колоухин С.О.* Власть духовная и власть светская: направления взаимодействия с последней трети XIX века - по февраль 1917 года: по материалам Московской епархии: дисс. канд. ист. наук. Коломна, 2012; *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2006.

⁴⁹ *Freeze G.* The Parish Clergy in nineteenth-century Russia: Crisis, reform, counter-reform. New Jersey, 1981; *Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010; *Беглов А.Л.* «Община, учреждение, братство...». Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX – начала XX в. // *Диалог со временем.* 2014. № 48. С. 241–264; *Он же.* Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // *Российская история.* 2014. № 6. С. 104–127; *Он же.* Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви».* 2014. Вып. 6(61). С. 35–57; *Он же.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви».* 2014. № 2 (57). С. 56–81; *Он же.* Земские проекты переустройства православного прихода в 1860–1890-е гг. // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом.* 2014. № 1(32). С. 172–200; *Он же.* Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг.: (Обзор основных законодательных актов) // *Религии мира. История и современность.* 2006–2010. М., СПб., 2012. С. 371–388.; *Он же.* Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 года // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II История. История Русской Православной Церкви.* 2012. Вып. II: № 5(48). С. 39–61; *Он же.* Приходской вопрос в истории и в трудах Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // *Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов.* М., 2017. Т. 14. С. 5–81; *Он же.* Конформизм приходской реформы К. П. Победоносцева // *Quaestio Rossica.* 2014. № 3. С. 107–123; *Он же.* Кризис «государственной церковности» в фокусе приходского вопроса. 1860-е–1917 г. // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом.* 2019. № 1/2 (37). С. 58–89.

братствах⁵⁰, монашестве⁵¹, церковной журналистике⁵². Множество статей, связанных с этими темами и с отдельными персоналиями, содержит многотомная «Православная энциклопедия»⁵³.

Потому как Фудель вышел из университетской среды и писал о ней в ранние годы, отдельно стоит выделить несколько работ, посвященных университетскому образованию и студенчеству. Примечательно исследование советского автора Г.И. Щетининой об университетском Уставе 1884 года, богатое статистическими материалами⁵⁴. Анализу студенчества как особой социокультурной группы посвящены монографии А.Е. Иванова⁵⁵. В процессе исследования автор формирует собирательный образ русского студента конца XIX – начала XX в., выписывая как социально-психологические, так и политические типы учащейся молодежи. Работы написаны с использованием разноплановых источников, в том числе таких уникальных материалов, как студенческие «самопереписи». Уделяется внимание материальному положению студентов, их повседневной культуре, всевозможным студенческим организациям и прессе. Особенно интересен разбор А.Е. Ивановым вопроса о трансформации религиозного мировоззрения студентов и их отношения к вере⁵⁶. Непосредственно этой теме посвящена работа В.Д. Кузнецова⁵⁷. Проблемы образования волновали Фуделя и позднее, но уже в связи с начальным, «народным образованием». Тема церковно-приходских школ и просветительской деятельности духовенства остро стояла в то

⁵⁰ Журавский А.В. Братства православные // Православная энциклопедия. Т. 6. С. 205.

⁵¹ Запальский Г.М. Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825-1917 годах. М., 2009.

⁵² Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008. *Он же*. Либерализм в церковной журналистике начала XX в. // Вестник РХГА. Т. 14. Выпуск 2.

⁵³ Православная энциклопедия. М., 2000-2019. Т. 1-56 (издание продолжается). В исследовании были использованы статьи: Иларион (Алфеев), архиеп. Имяславие // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. 457-495; Анашкин Д.П. Екатерина (Ефимовская) // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 117-118; Соловьёв И., свящ. Живая церковь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 168-172; Знатнов А.В. Востоков // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 471-473; Галкин А.К., Дамаскин (Орловский), игум. Владимир (Богоявленский) // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 629-634.

⁵⁴ Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976.

⁵⁵ Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Он же*. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010.

⁵⁶ Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010. С. 274-284.

⁵⁷ Кузнецов В.Д. Российское студенчество в 1890-1917 гг.: между верой и неверием. СПб., 2005.

время, вызывая не только полемику в прессе, но и появление отдельных работ⁵⁸. Этой теме, в частности, посвящено современное исследование Р.Р. Исхаковой⁵⁹.

Факты служения Фуделя в Северо-Западном крае и Бутырской тюрьме требуют обращения к контексту его пребывания в этих непростых средах и выяснению места церкви в них. Статистические данные и нюансы этноконфессиональных проблем в крае можно почерпнуть в ряде дореволюционных и современных работ⁶⁰. За последние два десятилетия вышло несколько крупных работ, так или иначе освещающих проблемы Православной церкви в Северо-Западном крае после Польского восстания 1863-64 гг. Политике «веротерпимости» в Северо-Западном крае в 1863–1914 гг. посвящена монография белорусского историка А.Ю. Бендина⁶¹. Он рассматривает религиозно-этнические конфликты и попытки их правового урегулирования, отдельное внимание уделяет практике присоединений католиков к православию, а также политике «располячения» костела, но основная часть его работы посвящена началу XX в. Правительственные меры в конфессиональном вопросе в рамках внутренней политики империи в данном регионе в царствование Александра II отражены в монографии А.А. Комзоловой «Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ»⁶². Этот вопрос затрагивается также и в сборнике очерков о западных окраинах Российской империи и в работе

⁵⁸ *Благовидов Ф.В.* Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891; *Преображенский И.В.* Духовенство и народное образование. СПб., 1900; *Флоровский Г.В.* Воцерковление школы (На память о С.А. Рачинском) // Вопросы религиозного воспитания и образования. Выпуск II. Париж, 1928.

⁵⁹ *Исхакова Р.Р.* Создание церковно-приходских школ России в 1880-х гг.: политический курс и идейная борьба. Казань, 2002; *Винюкова Н.В.* И.И. Фудель о народном образовании (1890-е - начало 1900-х гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С. 100-109.

⁶⁰ *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб, 1890; *Папков А.А.* Братства: Очерк истории зап.-рус. правосл. братств. Сергиев Посад, 1900; *Извеков Н.Д.* Некоторые черты деятельности митрополита Макария (Булгакова) по управлению Литовской епархией // Богословский Вестник. 1892. №12. С. 411-434; *Миллер А.Л.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006; *Радченко А.А.* Славянофилы об «обрусении» Северо-Западного края Российской империи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Выпуск № 13 (84), том 15, 2010. С. 140-145.

⁶¹ *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.). Минск, 2010.

⁶² *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

М.Д. Долбилова⁶³ (монографиях, освещающих проблему через понятия «нациестроительства», «конфессиональной инженерии» и «практик насилия» имперских русификаторов). Несмотря на различие подходов и интерпретаций, все вышеуказанные авторы представляют Северо-Западный край как особо сложный регион по остроте сложившихся там этно-конфессиональных отношений и оценивают правительственную политику в нем скорее как неуспешную. Монография американского историка П. Верта посвящена «феномену поликонфессиональности» Российской империи в XIX – нач. XX вв. в целом. В частности, автор цитирует Фуделя в связи с заостряемым им вопросом о смешанных браках, иллюстрируя тем самым мнение духовенства⁶⁴.

Тема тюремного служения Русской Православной Церкви не получила должного внимания историков, несмотря на то что она сохраняет актуальность и сегодня. Мы не найдем специальных исторических исследований, посвященных месту церкви в пенитенциарной системе России рубежа XIX–XX вв. В исследованиях о тюрьмах роль церкви, как правило, либо не затрагивается, либо представлена тенденциозно⁶⁵. Так, в работе М.Г. Деткова церковь рассматривается как «инструмент духовного угнетения», который «проводил карательную линию правительства» и стремился «затормозить развитие общеполитического сознания личности»⁶⁶. В современных исследованиях к этой теме обращаются в связи социальными аспектами деятельности церкви, а также в рамках богословия⁶⁷. Слабо развито и изучение отдельных тюрем (так, об истории Бутырской тюрьмы мы найдем лишь небольшую статью научно-популярного характера)⁶⁸.

⁶³ Западные окраины Российской империи / Ред. М. Долбилов, А. Миллер; М., 2006. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

⁶⁴ *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 167.

⁶⁵ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1946.

⁶⁶ *Детков М.Г.* Исполнение наказания в дореволюционной России: организационно-правовые аспекты становления и развития системы исполнения наказания в виде лишения свободы. М., 1990. С. 50, 53.

⁶⁷ *Зубанова С.Г., Рузанова Н.П.* Русская Православная Церковь в России в XIX веке (социальный аспект деятельности). М., 2011; *Ходыкин И.* Миссионерское служение в местах лишения свободы: дис. ... канд. богословия. М., 2001.

⁶⁸ *Головкова Л.* Бутырский тюремный храм: (из истории Бутырской тюрьмы) // Московский журнал. 1993. № 2/3. С. 33-37.

Иосиф Фудель активно занимался литературной деятельностью и был близок со многими мыслителями своего времени. Учитывая, что эта часть его биографии была вписана в широкие процессы общественной жизни Российской империи 1880–1910-х гг., представляется необходимым осветить связанные с ними тенденции в историографии русской общественной мысли. Ее консервативное направление оказалось в историографии наиболее обделенным. Причинами тому отчасти служит традиционное представление об оппозиционности и «прогрессивности» русской интеллигенции, в связи с чем внимание приковывалось более к либеральным и левым течениям, отчасти с тем, что продолжительное время сохранялся статус консервативных мыслителей как однозначных идеологических врагов, что в свою очередь не способствовало желанию и возможностям разбираться в оттенках и значении консерватизма. В постсоветское время внимание к этому феномену начало нарастать, и до сих пор происходит своеобразное «открытие» консервативной мысли, фигуры консерваторов и их взаимодействие представляются во всей их интеллектуальной сложности и разнородности.

Сперва следует обратиться к ключевым работам по истории славянофильства, т.к. к нему апеллировали и в его русле шли многие деятели начала XX в., не исключая и И.И. Фуделя. Касательно идеологического окраса этого направления в историографии существует несколько концепций. Не ставя задачей представить обзор всей существующей литературы по этой теме, наметим некоторые тенденции в существующем на сегодняшний день спектре мнений. С 1980-х гг. преобладающей в историографии стала позиция Н.И. Цимбаева, высказанная им в получившей широкое научное признание работе о славянофильстве, где он причисляет славянофилов, так же как и западников, к либеральному флангу общественной мысли; для понимания славянофильства важна история происхождения и бытования данного термина, представленная в этом труде⁶⁹. Из современных исследователей точку зрения на славянофилов как

⁶⁹ Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986.

умеренных либералов разделяет, например, А.А. Тесля, усматривающий либерализм ядром славянофильского учения⁷⁰. Срединную линию примерно с 1980-х годов выдерживает историк В.А. Китаев, который, рассматривая общественно-политическую платформу славянофилов на рубеже 1850-1860-х гг. в русле либерального движения, все же не причисляет славянофильских мыслителей и публицистов к либералам безоговорочно и склонен говорить о дуализме их воззрений⁷¹. Проработанная трактовка славянофильства как консервативной антикапиталистической утопии представлена в исследовании польского историка А. Валицкого, написанном еще в 1964 г. и недавно переведенном на русский язык⁷². Как справедливо заметил А.А. Тесля, подход Валицкого заставляет пересмотреть расхожее понимание консерватизма, увидеть в нем как в современном феномене потенциал общественной трансформации и либерализации, осуществляемой косвенным образом⁷³. В то же время еще ранее русский историк-эмигрант о. Г.В. Флоровский отметил, что «славянофильство было, и стремилось быть, религиозной философией культуры. И только в контексте культурно-философской проблематики того времени оно и поддается объяснению»⁷⁴. Современный историк консерватизма А.Э. Котов вписывает славянофилов в консервативный контекст и относит их представителей к такому бытующему в современной литературе понятию как «либеральный консерватизм», видя в славянофильстве попытку либерально-консервативного консенсуса⁷⁵. Подобное разнообразие оценок, по всей видимости, объясняется тем, каким «аршином» мерить рассматриваемое явление: общественно-политическим или культурно-философским. Отсюда и проистекает полярность взглядов. Очевидно, осмысление славянофильства в его развитии неминуемо

⁷⁰ Тесля А.А. Последний из «отцов» биография Ивана Аксакова. СПб., 2015. С. 471.

⁷¹ Китаев В.А. Славянофилы после отмены крепостного права. Волгоград, 1994. *Он же*. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород, 2008.

⁷² Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019.

⁷³ Тесля А.А. Концепция славянофильства Анжея Валицкого в историографическом кругу // Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: НЛЮ, 2019.

⁷⁴ Флоровский Г.В., *прот.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 323.

⁷⁵ Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870 — 1890-х гг.: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010.

будет приводить к неоднозначным оценкам, которые вообще часто возникают при рассмотрении общественной мысли.

Можно заметить, что, если славянофильскую мысль примерно с 1980-х годов все чаще относят к либерализму, то с неославянофильской мыслью периода с 1886 (год смерти И.С. Аксакова⁷⁶) по 1917 гг. (тогда, когда в общественном пространстве действовал Фудель) ситуация обстоит значительно сложнее (чаще встречается приравнивание неославянофильства и позднего славянофильства, отнесение этого течения к консерватизму или «либеральному национализму»⁷⁷). С позднесоветских времен в историографии все чаще звучит мнение о существовании позднего славянофильства как оформленного течения общественной мысли⁷⁸. Но до сих пор это направление изучается фрагментарно⁷⁹, не имеет четкого определения и периодизации, и еще ждет своих исследователей.

На общем фоне несколько выделяется мнение С.М. Сергеева, который считает некорректным использование термина «неославянофильство» относительно обозначенного направления мысли, т.к. ничего принципиально нового в учение «московских славян», по его мнению, в поздний период внесено не было⁸⁰. Позднее славянофильство он считает прямым продолжением раннего и среднего, указывая на тенденцию к маргинализации данного движения. Немаловажно, что внутри него он выделил три крыла: центральное (И.С. Аксаков,

⁷⁶ Именно Фудель назвал И.С. Аксакова «последним из "отцов"». См.: Преемство от "отцов" (Письмо к кормчему "Благовеста") // Благовест. Вып. 5. 1890. 15 окт.

⁷⁷ *Котов А.Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010.

⁷⁸ Подробнее об историографии направления см.: *Медоваров М.В., Снежницкая С.И.* Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №5. С. 38-39.

⁷⁹ См., напр.: *Андреев Н.Ю.* Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2014; *Паромов К.Я.* Политическое и церковное в мировоззрении "славянофилов" начала XX в. (А. А. Киреев, Ф. Д. Самарин, Д. Н. Шипов) // Вестник ПСТГУ. Серия II: "История. История Русской Православной Церкви. Март-Апрель 2016. № 2 (69). С. 31 – 48; *Соловьев К.А.* Кружок "Беседа". В поисках новой политической реальности, 1899 – 1905. М., 2009. Он же. Кружок москвичей // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века. М., 2010. С. 256-257; *Медоваров М.В.* Александр Киреев. СПб.: Наука, 2019; *Он же.* О редакционной политике журнала "Русское обозрение" (по материалам базы данных содержания журнала) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1. 2019. С. 44 – 54; *Он же.* Проблемы православия на страницах журнала «Русское обозрение» в период редакторства А.Ф. Филиппова (1901-1903 гг.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков: Материалы XVI Международной научной конференции. Иваново, 2017. Ч. 1. С. 167-173; *Ведерников В.В.* Русское обозрение // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века. Энциклопедия. Отв. Ред. В. В. Шелохаев. М., 2010. С. 432-436.

⁸⁰ *Сергеев С.М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80-90-х гг. XIX в.: дисс. ... к.и.н. М., 2002. С. 52.

С.Ф. Шарапов), левое (А.В. Васильев, Н.П. Аксаков, О.Ф. Миллер) и правое (А.А. Киреев, Ф.Д. Самарин, Д.А. Хомяков)⁸¹. Отмечая существование в этом направлении мысли либеральных тенденций, историк относит как классическое, так и позднее славянофильство к консерватизму. Пытаясь обозначить общие черты позднего славянофильства, исследователь В.А. Фатеев выделял в нем такие характеристики как «критическое отношение к западной цивилизации, утверждение самобытного пути России, приверженность православию и уважительно-преемственное отношение к наследию ранних славянофилов»⁸². Правовед Н.Ю. Андреев, приравнял термины «неославянофильство» и «позднее славянофильство», увидев в этом течении «договаривание» славянофильских идей и их развитие применительно к новым обстоятельствам времени⁸³.

В последние годы непосредственно к термину «неославянофильство» прибегал К.А. Соловьев, отмечая при этом как его малую изученность, преимущественно неполитический характер, так и наличие внутри него разных течений⁸⁴. Созвучен ему взгляд А.А. Тесли, который характеризует «неославянофильство» как условное и неустоявшееся понятие, используемое для обозначения целого ряда весьма разнородных направлений, начиная с историософских построений Н.Я. Данилевского и заканчивая разнообразными идеологическими течениями 2-й половины XX века, при этом в своей статье он рассматривает его как течение, охватывающее идеи, присущие Д.А. Хомякову, Ф.Д. Самарину, А.А. Кирееву и С.Ф. Шарапову⁸⁵. Опыт неославянофильства интересующего нас периода, в котором, по справедливому замечанию А.А. Тесли, постепенно размывается политическая повестка, и на передний план выходят

⁸¹ *Сергеев С.М.* Проблема позднего славянофильства – [Электронный ресурс] – <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php> (дата обращения: 10.08.2019).

⁸² *Фатеев В.А.* В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2006. С. 7–54. Цит. по: *Медоваров М.В., Снежницкая С.И.* Раскол среди поздних славянофилов... С. 38.

⁸³ *Андреев Н.Ю.* Славянофильство и неославянофильство: единство и дифференциация // Новая правовая мысль. 2013. №3. С. 4–11.

⁸⁴ *Соловьёв К.А.* Генерал Киреев и его дневник // Дневник. 1905–1910 / Киреев А.А. М., 2010. С. 3-17.

⁸⁵ *Тесля А.А.* Неославянофильство в период первой русской революции и становления «думской монархии» (по материалам дневника А.А. Киреева 1905 – 1910 гг.). – [Электронный ресурс] – <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2224> (дата обращения: 10.10.19).

острые тогда церковные проблемы⁸⁶, на наш взгляд, говорит в пользу рассмотрения этого явления как консервативного варианта адаптации славянофильских идей к реалиям общественной жизни рубежа XIX–XX вв. (при этом время накладывало на это течение свою специфику и придавало особый синкретизм и мозаичность его идеям).

Заметно, что для исследователей консерватизма порой характерно стремление к типологизации консервативной мысли. Впрочем, выделение в нем разных осей и направлений естественно при попытке обобщения. Но сфера идей непросто поддается такому подходу: ему препятствуют, как минимум, высокая субъективность каждого из мыслителей и огромный охват поднимаемых ими вопросов (к тому же, с трудом разграничиваемых). Поэтому важно понимать, что для подобных исследований необходима фундаментальная база и что систематизация – лишь инструментарий, несущий в себе много условности и оговорок. Очевидно, что намечать закономерности в общественной мысли безусловно стоит, но их количество неизбежно будет велико, ибо попытки построения «бинарных парадигм» (даже в привычной оппозиции «либеральный» – «консервативный»), как правило, отдаляют исследователя от действительности. Наиболее продуктивный подход к изучению общественной мысли, на наш взгляд, сводится к проблемному изучению взглядов отдельной личности в контексте эпохи (к чему мы и прибегаем в данном исследовании) или же к исследованию общественных дискуссий по конкретным темам. Обобщающие же труды должны основываться на подобных исследованиях, стремясь к синтезу.

Контекст и направления, по которым развивалась русская консервативная мысль, отражены в ряде работ К.Ф. Шацилло⁸⁷, В.М. Камнева⁸⁸, А.А. Иванова⁸⁹, к пониманию важной для консерваторов рубежа веков «теории официальной

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Ред. Гросул В.Я. М., 2000.

⁸⁸ Камнев В.М. Хранители и пророки: Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб., 2010.

⁸⁹ Иванов А.А. Русские консерваторы: взгляд на проблемные точки Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А.А. Иванов, А.В. Репников // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014.

народности» в ее изначальном виде приближают работы М.М. Шевченко⁹⁰. Большой интерес представляет монография А.Э. Котова, посвященная публицистическому наследию русского политического консерватизма последней четверти XIX в.⁹¹ Важно, что внимание уделяется не печатной борьбе с противоположным лагерем, а именно внутриконсервативной полемике. Она представляет собой удачную, на наш взгляд, попытку осмысления опыта ведения общественной дискуссии в пореформенный период. В ней дан обстоятельный историографический очерк, достаточно убедительно представлен авторский взгляд на периодизацию, направления и критерии развития консервативной мысли, освещается полемика по сословному, церковному, национальному и некоторым другим вопросам. Церковный вопрос в консервативной мысли Котов рассматривает в рамках полемики о роли церкви в государственном строительстве и в основном делает упор на внешнеполитический аспект (отношение к разделению балканских церквей и к католицизму). Внутренние же вопросы (о социальной роли церкви, ее отношениях с государством и др.) в дискуссии консерваторов должного освещения не получили. Это не является упущением, поскольку не входит в задачи автора, т.к. он рассматривает консерватизм как светскую идеологию имперского периода, но лишней раз говорит о научной актуальности незатронутых вопросов. Замечательно, что, изучив контекст общественной мысли, Котов перешел к написанию работ по М.Н. Каткову и его кругу⁹².

Из обобщающих работ по консерватизму стоит особо обозначить монографии А.В. Репникова⁹³, поставившего перед собой такую масштабную задачу, как выявление консервативных концепций преобразования русского государства и анализ реакции консервативной общественности на

⁹⁰ *Шевченко М.М.* Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. 2002. № 4. С. 89–104; *Он же.* Конек одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.

⁹¹ *Котов А.Э.* Русская консервативная журналистика 1870 — 1890-х гг.: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010.

⁹² *Котов А.Э.* Птенцы гнезда Каткова: монография. СПб., 2013. *Он же.* "Царский путь" Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-1890-х годов. СПб., 2016.

⁹³ *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014. *Он же.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX - начало XX веков). М., 2006.

модернизационные процессы в разных сферах жизни. Автор представляет достаточно широкий историографический очерк, отмечая при этом необходимость расширения источниковой базы для дальнейшего изучения консерватизма⁹⁴. В исследованиях автор во многом делает упор на идеи таких консервативных мыслителей, как К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров – эти фигуры во многом являются ключевыми и для нашей работы. А.В. Репников, в отличие от А.Э. Котова, использует несколько иной подход, не столько исследуя дискуссии, сколько пытаясь синтезировать материал. Недаром уже заглавием работы определяется нацеленность на выявление «моделей». В то же время исследование несколько отягощает большой и нечетко выделенный хронологический период и недостаточная структурированность материала. Не случайно с трудом складывается единое мозаичное полотно – автор приходит к заключению, что консерваторам так и не удалось представить единой и ясной концепции преобразований и стать весомой политической силой. Отдельной главой в монографии выделены конфессиональный (преимущественно в контексте предсоборного движения начала XX в.) и национальный вопросы.

Для нашей темы важна биография Л.А. Тихомирова, написанная А.В. Репниковым в соавторстве с О.А. Милевским – подробное описание жизни одного из близких друзей Фуделя помогает провести любопытные параллели⁹⁵. Разные стороны его мировоззрения помогает прояснить и ряд статей о нем⁹⁶. Особенно интересна статья Ю.В. Пуцаева, затрагивающая тему взаимоотношений Тихомирова и К.Н. Леонтьева⁹⁷. Отметим, что для понимания мировоззрения и биографии самого К.Н. Леонтьева, помимо упомянутых работ

⁹⁴ Репников А.В. Консервативные модели... С. 78.

⁹⁵ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.

⁹⁶ Милевский О.А. Л. Тихомиров о взаимоотношениях православной церкви и самодержавного государства (1892-1905 гг.) // Вестник Томского гос. пед. университета. Вып. 3. Томск, 1997. С. 37-44; Сковородин А.Н. Взгляды и деятельность Льва Тихомирова в контексте обсуждения реформы русского прихода в начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск 3 (144). 2014. С. 22 – 29; Сергеев С.М. Творческий традиционализм Л.А. Тихомирова. [Электронный ресурс] – <https://www.portal-slovo.ru/history/41712.php> (дата обращения: 5.10.19).

⁹⁷ Пуцаев Ю.В. Отношение К.Н. Леонтьева к коммунизму/социализму. О несостоявшемся «союзе социализма... с русским самодержавием и пламенной мистикой» // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 81. С. 71-88.

О.Л. Фетисенко, важны также исследования Р.А. Глаголева⁹⁸, С.В. Хатунцева⁹⁹ и О.Д. Волкогоновой¹⁰⁰.

Отношения по линии «церковь и власть» в интересующий нас период раскрываются А.Ю. Полуновым в его монографии о К.П. Победоносцеве¹⁰¹. Рассматривая деятельность влиятельного обер-прокурора и развеивая многие устоявшиеся стереотипы, автор обозначает тенденции и противоречия общественно-церковного развития того времени. Предпринятый им анализ мировоззрения Победоносцева как яркого представителя консервативной мысли, а также задаваемого им направления общественной жизни, может служить своеобразным камертоном для суждения о других консерваторах, идущих в русле официальной политики или отклоняющихся от нее по отдельным вопросам.

В рамках нашего исследования неизбежно обращение к религиозно-культурному контексту эпохи. В этом отношении высокую ценность представляет труд о. Г. Флоровского «Пути русского богословия», написанный в эмиграции¹⁰². Его вторая часть посвящена пробуждению русской мысли и ее развитию с 30-х годов XIX в. до начала XX в., реакции появившейся интеллигенции на перемены в русской жизни, и, вместе с тем, кризису церковной культуры. Особое место уделяется осмыслению таких знаковых для общественной жизни явлений (не прошедших и мимо Фуделя), как славянофильство, а также творчество Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Феномену Ф.М. Достоевского в общественном дискурсе конца XIX – начала XX в. посвящено несколько работ разных периодов, где уделялось внимание и восприятию его идей русскими консерваторами¹⁰³. Применительно к И.И. Фуделю

⁹⁸ *Гоголев Р.А.* "Ангельский доктор" русской истории: философия истории К. Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007.

⁹⁹ *Хатунцев С.В.* Константин Леонтьев. Интеллектуальная биография, 1850-1874 гг. СПб., 2007.

¹⁰⁰ *Волкогонова О.Д.* Константин Леонтьев. М.: Молодая гвардия, 2013.

¹⁰¹ *Полунов А.Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. *Он же.* Славянофильское министерство. Победоносцев и граф Игнатьев в начале 1880-х годов // Родина, 2015, № 2. С. 31-34.

¹⁰² *Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия. М., 2009.

¹⁰³ *Гальцева Р.А., Роднянская И.Б.* Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале) // Неоконсерватизм в странах Запада. Ч. 2. М., 1982; *Белкина О.А.* Пушкинская речь Ф. М. Достоевского в восприятии К. Н. Леонтьева // Русская литература.

в этом аспекте стоит отметить статью О.Л. Фетисенко¹⁰⁴. Замечательно также исследование Г.Л. Ореханова, посвященное факторам формирования мировоззрения Л.Н. Толстого и различным аспектам его восприятия в России¹⁰⁵. Как зачастую и происходит, изучение отдельной личности выводит исследователя на масштабные проблемы современной его герою эпохи. В частности, автором раскрывается та атмосфера, в которой возникают и усугубляются кризисные процессы духовной жизни, и, как показывает автор, явление в ней Л. Толстого было естественным и закономерным. В сюжете, связанном с отлучением Толстого от церкви фигурировал И.И. Фудель.

Касаясь историографии темы интеллигенции¹⁰⁶, стоит отдельно отметить работу Б.И. Колоницкого, примечательную с точки зрения исторической семантики – в ней рассматривается восприятие термина «интеллигенция» его современниками на рубеже XIX – XX вв¹⁰⁷. Этот вопрос затрагивается и в обзорной работе В.В. Типикина¹⁰⁸. Непосредственно проблема взаимоотношений интеллигенции и церкви стала широко обсуждаться в постсоветское время, в этом отношении интересен сборник, вышедший по результатам конференции

1992. № 3; *Касаткина Т.А.* Феномен «Ф.М. Достоевский и рубеж XIX - XX веков» // Достоевский и XX век. Т. 1. М., 2007; *Фудель С.И.* Наследство Достоевского. М., 2016.

¹⁰⁴ *Фетисенко О.Л.* Достоевский, "русские мальчики" и "православные немцы" ("Годы учения" Иосифа Фуделя) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2010. С. 203-221.

¹⁰⁵ *Ореханов Г.Л., прот.* Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010.

¹⁰⁶ *Каблиц И. (Юзов).* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886; *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах. М., 1981; *Лотман М.Ю.* Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, май 1997. Сост. Б. А. Успенский. М., 1999; *Русская интеллигенция: История и судьба / Рос. акад. наук. Науч. совет по истории мировой культуры / Редкол.: Д.С. Лихачев. М., 1999; Типикин В.В.* Интеллигенция: культурный контекст. Иваново, 2008; *Сдвижков Д.А.* Сравнить несравнимое: общее и особенное в понятиях «образованного человека» // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 31-55; *Колеров М.А.* Не мир, но меч: Рус. религиоз.-филос. печать от "Проблем идеализма" до "Вех", 1902-1909. СПб., 1996; *Лосев А.Ф.* Владимир Соловьев и его время. М., 2009; *Гайда Ф.А.* Произведения С.Н. Булгакова 1909 – 1917 гг.: политический контекст. [Электронный ресурс] – <http://religionandculture.ru/page3872791.html> (дата обращения: 15.10.19); *Гордеева И.А.* «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003.

¹⁰⁷ *Колоницкий Б.И.* Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец 19 – начало 20 в.) // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001.

¹⁰⁸ *Типикин В.В.* Интеллигенция: культурный контекст. Иваново, 2008.

«Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее»¹⁰⁹, а также ряд отдельных работ по этой теме¹¹⁰.

Особый интерес представляет статья Ф.А. Гайды, в которой протягивается нить от народнических представлений об интеллигенции 1880-х годов (Г. Успенский, Н. Михайловский) к «новому христианству» начала XX века (Д. Мережковский)¹¹¹. При этом проводится противоположная линия – критики народничества с его секулярным пониманием миссии интеллигенции (В.А. Тернавцев, А.С. Глинка (Волжский), С.Н. Булгаков). Последнее направление важно для понимания мировоззренческой эволюции И.И. Фуделя. Следует сказать, что в этой полемике речь шла в основном о так называемом народничестве «либеральном» (в марксистской традиции) или «легальном» (в современной): его теоретики, Н.К. Михайловский, И.И. Каблиц, В.П. Воронцов, С.Н. Кривенко и др., отстаивали доктрину мирного, эволюционного пути к социалистическим идеалам. Об этом течении, в том числе и его критике справа, не исключая И.И. Фуделя, написал ряд работ Г.Н. Мокшин¹¹².

Немаловажное значение имеет работа И.В. Воронцовой о русской религиозно-философской мысли начала XX в.¹¹³ Описывая различные направления христианского модернизма русских «богоискателей», отдельное внимание автор уделяет и консервативной составляющей развития религиозной мысли «внутри церковной ограды» – деятельности «Кружка ищущих христианского просвещения», членом которого состоял и И.И. Фудель. В этом

¹⁰⁹ Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: Материалы XV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23-25 сент. 2004 г. / В.С. Меметов (отв. ред.). Иваново, 2004.

¹¹⁰ Лазарева А.Н. Интеллигенция и религия. К историческому осмыслению проблематики «Вех». М., 1996; Соловьев А.А. Интеллигенция и церковь в интеллектуальном поле России в конце XIX - начале XX века. Кострома, 2007; Гайда Ф.А. И.В. Воронцова. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века: М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. 424 с. [Рец.:] // Российская история. 2011. № 2. С. 201-202; Гайда Ф.А. Интеллигенция и Церковь: из истории взаимоотношений. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pravoslavie.ru/46664.html> (дата обращения: 22.11.2017).

¹¹¹ Гайда Ф.А. Христианство и миссия интеллигенции в публицистике русского освободительного движения (1882-1909) // Вопросы философии. 2019. № 9. С.141-149.

¹¹² Мокшин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX-начале XX вв. Воронеж, 2010. *Он же*. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007; *Он же*. Русское легальное народничество 60-90-х гг. XIX века: очерки истории и историографии. Воронеж, 2005; *Он же*. К. Н. Леонтьев, И. И. Фудель, Л. А. Тихомиров о проблеме сближения образовательного общества с народом // Власть и общественное движение в России имперского периода. Воронеж, 2005. С. 353-368.

¹¹³ Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале 20 века. М., 2008.

кружке автор видит подтверждение существованию альтернативного «новым христианам» пути религиозной активности¹¹⁴. Деятельность «Кружка» еще требует дальнейшего изучения, пока она раскрывается в ряде статей¹¹⁵. Не затронутым Воронцовой осталось Братство Святителей Московских, в составе руководства которого был Фудель. Задачи и деятельность этого братства рассматриваются в статье З.М. Дашевской¹¹⁶.

Можно заключить, что жизнь и деятельность И.И. Фуделя не нашла полноценного освещения в историографии (упоминается он лишь в энциклопедиях и работах о С.И. Фуделе и о К.Н. Леонтьеве), цельную картину его личности на основании существующей литературы восстановить невозможно. При этом в историографии закрепилось представление о Фуделе как о «леонтьевце», которым явно не исчерпываются идеи и дела отца Иосифа, и которому необходима научная проверка. Также мы имеем ряд работ, во многом способствующих внесению взглядов и деятельности И.И. Фуделя в систему координат эпохи.

Источниковая база исследования опирается на различные виды источников, такие как законодательные акты, делопроизводственная документация, публицистика и источники личного происхождения (мемуары, дневники, переписка). В работе были использованы как опубликованные, так и неопубликованные материалы архивов Дома Русского Зарубежья им. Солженицына (ДРЗ), Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ),

¹¹⁴ Там же. С. 312.

¹¹⁵ *Половинкин С.М.* Ревностная дружба // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 5–15; *Резвых Т.Н.* «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С. Н. Дурылина // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 (59). С. 83–118; *Ореханов Г.Л.* Ф. Д. Самарин и его архив // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв.- 1 февр. 1997 г.: Материалы. М., 1997. С. 117 – 120; *Полищук Е.С.* Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М.А. Письма к друзьям. М., 1994; *Никитина И.В., Половинкин С.М.* «Московский авва» // Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 9– 38; *Паромов К.Я.* Епископ Феодор (Поздеевский) и "Кружок ищущих христианского просвещения": по переписке участников // Христианское чтение: Научно-богословский журнал. 2012. № 3. С. 66 – 108; *Черепанов Д. Д.* От проектов приходской реформы к вопросу о «верном»: рецепция идей Братства Святителей Московских в творчестве С. И. Фуделя // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 80. С. 37-51.

¹¹⁶ *Дашевская З.М.* Обзор деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (1909 – 1917 гг.) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Выпуск 5. М., 2012. С. 131-150.

Российского Государственного Архива литературы и искусства (РГАЛИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Отделов рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ), Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и «Пушкинского дома» (РО ИРЛИ РАН). Ряд источников впервые вводится в научный оборот.

В работе был использован ряд *документов официального характера*. Из *законодательных актов* были использованы те, которые составляли правовую основу для деятельности И.И. Фуделя в приходской сфере (братства, благотворительность, просвещение). Братская активность определялась «Основными правилами для учреждения православных братств» 1864 г.¹¹⁷, хозяйственные, благотворительные и школьный вопросы «Положением о приходских попечительствах при православных церквях» 1864 г.¹¹⁸ и «Правилами о церковноприходских школах» 1884 г.¹¹⁹. Его работа в Бутырской тюрьме регулировалась «Уставом о содержащихся под стражей»¹²⁰, в который входят правила для тюремных священников.

Также в работе были использованы *делопроизводственные документы*. Новые сведения к биографии И.И. Фуделя открывает такой высокоинформативный источник, как студенческое дело, впервые вводящееся в научный оборот. В нем представлены различные прошения студента Иосифа Фуделя ректору Императорского Московского Университета (например, о переводе на другой факультет), гимназический и университетский аттестаты, метрическое свидетельство о времени рождения и крещения, свидетельство о венчании, послужной список отца, свидетельство о приписке к призывному участку для исполнения воинской повинности¹²¹. Информацию о месте проживания в студенческие годы мы также можем обнаружить в

¹¹⁷ Закон № 40863 // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание 1825—1881 гг., том 39 (1864). Ч. 1. С. 409-410.

¹¹⁸ Закон № 41144 // ПСЗРИ. Т. 39. Ч. 1.

¹¹⁹ Правила о церковноприходских школах от 13 июня 1884 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IV. СПб., 1887. С. 372-374.

¹²⁰ *Рябчиков А.Н.* Устав о содержащихся под стражей (Т. 14 св. зак., по продолж. 1902 г.) / Сост. Казан. губ. тюрем. инспектор А.Н. Рябчиков. Казань, 1903.

¹²¹ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619.

студенческом деле (дальнейшие адреса его проживания можно проследить в справочнике «Вся Москва»¹²²).

В архиве ДРЗ им. Солженицына хранятся такие документы, важные для прояснения различных аспектов биографии Фуделя, как «Свидетельство о венчании студента Московского университета Иосифа Ивановича Фуделя», «Формулярный список о службе прот. И. Фуделя за 1888 и 1889 гг.» и «Формулярный список о службе протоиерея церкви Николаевской в Плотниках Иосифа Иоанновича Фуделя за 1888–1907 гг.»¹²³. Некоторые сведения о «неблагонадежных» братьях И.И. Фуделя Николае и Павле, а также информацию об их матери А.А. Фудель, можно почерпнуть в делопроизводственных материалах в фондах ГАРФ¹²⁴. Полезные статистические сведения о количестве и составе заключенных содержат делопроизводственные документы Московской центральной пересыльной тюрьмы и Главного тюремного управления¹²⁵.

Контекст церковной деятельности отца Иосифа, обсуждение приходского и других церковных вопросов на московских пастырских собраниях, в Предсоборном Присутствии и на Поместном Соборе, а также партийные документы правых партий и ход некоторых следственных дел церковных деятелей в революционные годы раскрывают материалы ряда документальных сборников¹²⁶ и отдельные публикации источников (в частности – «Письма благочинным Совета объединенных приходов Москвы» от января 1918 г.¹²⁷).

Деятельность православных братств определялась уставами этих организаций, а результаты их деятельности можно проследить в составляемых

¹²² Вся Москва. Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов. М., 1908, 1911, 1916.

¹²³ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 15.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 252; Там же. Ф. 63. Оп. 26. Д. 1212; Там же. Ф. 102. Оп. 231. Д. 557; Там же. Ф. 102. Оп. 19. Д. 677; Там же. Ф. 124. Оп. 12. Д. 927.

¹²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 623; ГАРФ. Ф. 122.

¹²⁶ Материалы заседаний московских пастырских собраний и Совета объединенных приходов Москвы // Православная Москва в 1917–1921 годах: Сб. документов и материалов / Авт.-сост. А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова и др. М., 2004; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012–2017. Т. 1–19; Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия в 4-х томах. М., 2014; Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2-х тт. / Сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. М., 1998.

¹²⁷ Письмо благочинным после 1-ого собрания Совета объединенных приходов / публ. и комм. Комиссарова Л., Яшина С. // Свет Христов просвещает всех: Альманах СФИ. Выпуск 25. М., 2018. С. 91–98.

ими отчетах¹²⁸. Из неопубликованных делопроизводственных материалов стоит особо выделить прошение группы московских священников Патриарху Тихону (ориентировочно от декабря 1917 г.), одним из инициаторов и составителей которого был отец Иосиф¹²⁹. Примечателен и финансовый отчет приходского попечительства при Николаевской в Плотниках церкви за 1912 г.¹³⁰, который позволяет выяснить источники и размеры поступаемых средств, статьи расходов, основные направления деятельности попечительства и состав его членов. В работе также были использованы клировые ведомости – один из самых информативных источников для характеристики приходского духовенства. В клировых ведомостях церкви Николая Чудотворца в Плотниках (последнее место служения Фуделя) не только содержится информация о церковном причте, уровне доходов храма и социальном и количественном составе прихода, но и подробный послужной список И.И. Фуделя на 1916 г.¹³¹. Эти документы также не были использованы другими исследователями.

Особую значимость для работы имеет *публицистика* И.И. Фуделя. В ходе исследования было использовано более сотни статей И.И. Фуделя, а также ряд его брошюр. Отдельное место в работе уделено первой и одной из самых известных в историографии работ Фуделя – «Письмам о современной молодежи и направлениях общественной мысли»¹³². Брошюра, подписанная криптонимом «NN» и вышедшая в конце 1887 г., была составлена 23-летним студентом из своих статей, выходивших в 1886–1887 гг. в «Русском деле», и представляет из себя десять глав по насущным проблемам общественной жизни глазами автора. Замечательно, что субъект и объект критики в этой книге преимущественно совпадают: будучи сам частью московского студенческого мира, Фудель обращается к молодежи «на равных». Не без обличений осталась и система

¹²⁸ Устав Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. М., 1909; Отчет Совета о деятельности братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа за 1910 г. // Московские церковные ведомости. М., 1911. № 8. С. 195–197; История церковных братств в России: Сб. документов. Хрестоматия по истории Русской православной церкви. М., 2018.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 447. Л. 78-87.

¹³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 1. Д. 908.

¹³¹ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58.

¹³² *Фудель И.И.* Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888.

образования в целом. Очевидно, опасаясь недовольства начальства, Фудель издал свою работу анонимно. «Письма о современной молодежи» важны не только как показатель личной эволюции Фуделя и того багажа, с которым он подошел к той вехе жизни, на которую пришлось его знакомство с К. Леонтьевым и принятие священства. Эта работа обогащает идейный контекст времени, раскрывает суть тех настроений, которые достаточно метко названы ее автором «православным народничеством».

При изучении общественной жизни не обойтись без материалов различных периодических изданий. Печатался И.И. Фудель в газетах консервативной направленности – «Московских ведомостях» (выходили в Москве с 1756 по 1917 гг., среди издателей – В.А. Грингмут и Л.А. Тихомиров), «Русском вестнике» (в 1887—1906 гг. в Санкт-Петербурге, редактор В.А. Грингмут). Отец Иосиф вел отдел «Вопросы церковной жизни» во вдохновляемом К.П. Победоносцевым «Русском обозрении»¹³³ (которое выходило ежемесячно в Москве в 1890–1898 гг., редакторы – Д.Н. Цертелев, затем А.А. Александров), писал для «Русского слова» (в Москве с 1895 г., редактор А.А. Александров, затем И.Д. Сытин), а также для менее крупных неославянофильских журналов – «Русского дела» С.Ф. Шарапова (выходил в Москве в 1886–1890 гг. с большими перерывами), и «Благовеста»¹³⁴ под редакторством Ф.В. Четыркина и А.В. Васильева (издавался в 1883–1896 гг., преимущественно в Санкт-Петербурге), одну из статей опубликовал в 1917 г. в умеренно-либеральной «Русской мысли» (Москва, с 1880 г. в то время ее издатель – П.Б. Струве). Не одна статья Фуделя вышла в таких церковных изданиях В.М. Скворцова, как «Миссионерское обозрение» (журнал издавался ежемесячно в Киеве, официальное издание синодальной внутренней миссии) и «Колокол» (ежедневная церковно-политическая газета, выходившая в 1905–1917 гг.), некоторые публикации издавались в академических изданиях – «Богословском

¹³³ В числе сотрудников Л.А. Тихомиров, В.В. Розанов, Д.В. Цветков, В.А. Грингмут, И.И. Ясинский, А.А. Коринфский, А.А. Фет, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой.

¹³⁴ В нем сотрудничали Ф. П. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, А. Г. Сахарова, С. Ф. Шарапов и др.

вестнике» (Московской Духовной академии) и «Церковном вестнике» (Санкт-Петербургской духовной академии).

Публицистическое наследие Фуделя составляют различные брошюры¹³⁵ и статьи¹³⁶. Значительная их часть была опубликована в «Русском обозрении».

¹³⁵ Фудель И.И. К реформе приходских попечительств. М., 1894; Народное образование и школа. М., 1897; *Он же*. Наше дело в Северо-Западном крае. М., 1893; *Он же*. Нравственно-культурное значение учительства. М., 1904; *Он же*. О значении церковной дисциплины в народной жизни. СПб., 1900; *Он же*. Основы церковно-приходской жизни. 2-е изд. М., 1894; *Он же*. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888; *Он же*. Святая Русь. Речь при открытии Общеобразовательных чтений для рабочих г. Москвы, произнесенная в Историческом Музее 16 июня 1902 г. М., 1902.

¹³⁶ Фудель И.И. «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви» // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Октябрь. С. 875; Библиографические заметки // Русское обозрение. 1892. Т. 4. Июль. С. 412-417. Август. С. 824. Т. 5. Сентябрь. С. 443. Октябрь. С. 986. Т. 6. Ноябрь. С. 460. (рец. на «Живое слово» преосв. Амвросия Харьковского и Ахтырского (Харьков. 1892)); Библиографические заметки // Русское обозрение. 1893. Т. 2. Апрель. С. 1044. Т. 3. Май. С. 376; Библиографические заметки // Русское обозрение. 1894. Т. 4. Июль. С. 395. 397. 398. Август. С. 887; Вопросы церковной жизни. Вступление // Русское обозрение. 1892. Т. 4. Июль. С. 286; Воспоминания о С.Н. Фишер // Богословский вестник. 1913. № 12; Восточный вопрос (памяти К. Леонтьева) // Московские ведомости. 1911. 12 нояб.; Высокопреосвященный митрополит Исидор // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Сентябрь. С. 384; Движение к православию в Северной Америке // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Октябрь. С. 875; Деятельность в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Май. С. 333; Деятельность нашего духовенства во время эпидемии // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Ноябрь. С. 406; Живое слово и проповедь // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Май. С. 333; Из Смоленской губернии // Русское обозрение. 1896. Т. 1. Февраль. С. 364; Из церковной жизни // Русское обозрение. 1894. Т. 5. Сентябрь. С. 377; Из церковной жизни // Русское обозрение. 1896. Т. 2. Апрель. С. 903; Из церковной жизни // Русское обозрение. 1896. Т. 5. Сентябрь. С. 550. Т. 6. Ноябрь. С. 550; Из-под Москвы. Отрадное явление в земской школе // Русское обозрение. 1894. Т. 2. Апрель. С. 968; Интеллигенция и народ в современном их сближении // Русское обозрение. 1897. №3. Март. С. 56-83; Интеллигенция и Церковь в современном их сближении // Русское обозрение. 1897. Т. 44. №3. С. 64; К вопросу о «национальном» // Московские ведомости. 1890. 13 окт.; К вопросу о национальном. Самообман и ошибки // Московские ведомости. 1890. № 293. 23 окт.; К вопросу о старо-католицизме // Русское обозрение. 1893. Т. 1. январь. С. 313; К вопросу об организации прихода // Московские ведомости. 1897. № 290. С.1; К реформе приходских попечительств // Русское обозрение. 1894. Т. 2. апрель. С. 867; К школьному вопросу // Русское обозрение. 1896. Т. 2. Март. С. 365; К. Леонтьев // Вступительная статья и предисловие редактора к Собранию сочинений К. Леонтьева. М., 1912; К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917. № 12; Крестный ход из Москвы в Троице-Сергиеву лавру // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Сентябрь. С. 384; Культурный идеал К. Леонтьева // Русское обозрение. 1895. Январь. С. 261-275; Леонтьев К. О вере. молитве. о немощах духовенства и о самом себе (студенту Московского университета) / Сообщ. и примеч. прот. И. Фуделя // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 3. Отд. I. С. 225 – 237; Леснинский монастырь; краткая история его развития и современное устройство; направление его деятельности. Значение подобных учреждений для окраин // Русское обозрение. 1893. Т. 1. Февраль. С. 883; Меры для подъема проповедничества // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Июль. С. 355; Миссия среди интеллигенции // Миссионерское обозрение. 1901 г. Июль; Московское Общество Любителей Духовного просвещения; краткий очерк его деятельности; ее желательное развитие // Русское обозрение. 1893. Т. 6. Ноябрь. С. 361; Наша деятельность в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1893. Т. 2. Апрель. С. 966; Некролог (памяти И. Кронштадтского) // Церковный Вестник. 1909. № 9; Необходимость отдельного братства для борьбы с сектантством в образованном обществе // Русское обозрение. 1893. Т. 5. Сентябрь. С. 395; Ново-Александровская школа // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Июль. С. 355; Новое пострижение в монашество светских лиц // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Декабрь. С. 896; Новое пострижение в монашество светских людей // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Октябрь. С. 875; О соблазнах полемической литературы (по поводу опубликования «Ответа» гр. Л.Н. Толстого) // Миссионерское обозрение. 1901. Июль-август. С. 48-49; О христианской публицистике. Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь; Общественные паломничества: их значение // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Сентябрь. С. 384; Общецерковная молитва о заблудших, как одно из могучих орудий приходской миссии. Миссионерское Обозрение. 1898. № 1; Одна из наших слабостей (по поводу полемики Каткова и Герцена) // Русское обозрение. 1895. № 6. С. 899-905; Основа борьбы с сектантством. Миссионерское Обозрение. 1896. № 1; Основной вопрос в деле народного просвещения // Русское обозрение. 1896. Т. 3. Июнь. С. 750; Отец Амвросий Оптинский и его значение в религиозном движении нашего общества // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Октябрь. С. 875; Отрадное явление нашего времени // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Июль. С. 355; Переписка митрополита Москов. Филарета с С.Д. Нечаевым // Русское обозрение. 1896. Т. 1. Январь.

Главным образом, они касались проблем христианского просвещения и народного образования, отношений церкви и интеллигенции, оживления приходской жизни, реформы приходских попечительств, распространения братств, пастырских обязанностей, тюремного вопроса. Эти работы раскрывают разноплановость интересов и деятельности священника. В отдельный ряд можно выделить мемориальные статьи¹³⁷ и рецензии. Отдельного внимания заслуживают статьи Фуделя, посвященные памяти К.Н. Леонтьева (как прижизненные, так и посмертные работы о нем), они проливают свет на отношение Фуделя к его идеям¹³⁸. Особо примечателен объемный черновик отца Иосифа с планом и заметками для книги, которую он надеялся написать о Леонтьеве (замысел так и не был осуществлен)¹³⁹. Он ценен тем, что в нем содержатся некоторые мысли, которые Фудель никогда не высказывал в печати. Вырезки статей и рецензий, в основном не атрибутированные по месту и времени выхода, хранятся в архиве ДРЗ¹⁴⁰. Сохранилась также и одна из тюремных проповедей Фуделя¹⁴¹.

С. 480; По поводу 25-летнего юбилея Рижского Петропавловского Православного братства // Русское обозрение. 1892. Август. С. 745; Поучительная история. (К школьному вопросу) // Русское обозрение. 1895. №10. С. 756-764; Православные церковные братства; их организация и деятельность // Русское обозрение. 1893. Т. 5. Сентябрь. С. 395; Предстоящее чествование памяти преподобного Сергия // Русское обозрение. 1892. Август. С. 745; Преемство от "отцов" (Письмо к кормчему "Благовеста") // Благовест. Вып. 5. 1890. 15 окт.; Распространение сознания церковного единства. как условие развития церковной жизни // Русское обозрение. 1893. Т. 1. Январь. С. 313; Состояние православных храмов в Западной России. Митрополит Филарет как подвижник // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Декабрь. С. 896; Судьба К. Н. Леонтьева // Московские ведомости. 1910. 12 нояб. №261; Уменьшение территорий существующих епархий // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Декабрь. С. 896; Хроника // Русское обозрение. 1893. Т. 1. Январь. С. 313; Хроника // Русское обозрение. 1893. Т. 5. Сентябрь. С. 395; Хроника // Русское обозрение. 1893. Т. 6. Ноябрь. С. 361; Церковные ведомости о статье Л. Тихомирова // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Декабрь. С. 896; Школьное дело // Русское обозрение. 1896. Т. 5. Октябрь. С. 807; Юрий Николаевич Говоруха-Отрок // Русское обозрение. 1896. № 9; *Pro dumo sua*. Письмо к издателю // Русское обозрение. 1894. Т. 1. Январь. С. 479; Памяти В.Н. Кашперова // Русское обозрение. 1894. Т. 4. Август. С. 827.

¹³⁷ Фудель И.И. Воспоминания о С.Н. Фишер // Богословский вестник. 1913. № 12.

Он же. Юрий Николаевич Говоруха-Отрок // Русское обозрение, 1896, № 9. С. 377-385.

Он же. Некролог (памяти И. Кронштадтского) // Церковный Вестник, 1909, № 9.

¹³⁸ Фудель И.И. К вопросу о «национальном» // Московские ведомости. 1890. 13 окт; *Он же*. Преемство от "отцов" (Письмо к кормчему "Благовеста") // Благовест. Вып. 5. 1890. 15 окт. С. 157 – 158; *Он же*. К вопросу о национальном. Самообман и ошибки // Московские ведомости. 1890. № 293. 23 окт. С. 2-3; *Он же*. Вопросы церковной жизни. Памяти К.Н. Леонтьева. Русское Обозрение. 1892. Ноябрь. С. 406-409; *Он же*. Культурный идеал К. Леонтьева // Русское обозрение. 1895. Янв. С. 257–280; *Он же*. Судьба К. Н. Леонтьева // Московские ведомости. 1910. 12 нояб., № 261. С. 1; *Он же*. Восточный вопрос (памяти К. Леонтьева) // Московские ведомости. 1911. 12 нояб; *Он же*. К. Леонтьев // Вступительная статья и предисловие редактора к Собранию сочинений К. Леонтьева. М., 1912; *Он же*. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917. № 12; *Он же*. Памяти К.Н. Леонтьева // Русское Обозрение. 1892. Ноябрь.

¹³⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 1046.

¹⁴⁰ Фудель И.И. Дело жизни о. Иоанна // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 48; *Он же*. Деятели христианского просвещения на восточной окраине // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-5; *Он же*. Один из тюремных вопросов // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–7; *Он же*. Демонстративные панихиды // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 11; *Он же*. Знамение времени. Из реферата, читанного на собрании Общества Любителей Духовного Просвещения 23 марта 1898 г. // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л.

Для понимания идейного контекста нами также были использованы некоторые другие статьи созвучных И.И. Фуделю современников: привлекались работы разных публицистов по реформе приходов¹⁴², проблеме церковных братств¹⁴³, по национальному¹⁴⁴ и другим вопросам¹⁴⁵. Особо выделим «полемические статьи» – правоведа Н.А. Заозерского, оппонировавшего Фуделю по вопросам приходской жизни¹⁴⁶, и А.П. Владимирова, вступившего в полемику с позицией Фуделя по проблеме национальной политики правительства в Северо-Западном крае¹⁴⁷, а также ряд статей с откликами на выступление И.И. Фуделя на Орловском миссионерском съезде¹⁴⁸.

16-18; *Он же*. Церковное учительство // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 19-20; *Он же*. Завет школьным труженикам // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 22; *Он же*. Памяти доброго пастыря (об о. Василии Булгакове) // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 23-24; *Он же*. О соблазнах полемической литературы // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 25-27; *Он же*. О христианской публицистике // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 28-32; *Он же*. Московские письма // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 41; *Он же*. Московские письма. II. // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 43; *Он же*. Предстательство Церкви // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 42; *Он же*. Поминки по И.В. Киреевском // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 44-46; *Он же*. К смерти или к возрождению? // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 40; *Он же*. Критика интеллигентского сознания // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 50-51; *Он же*. К вопросу о Соборе // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

¹⁴¹ *Фудель И.И.* Краткое напутственное слово, сказанное 27 апреля 1894г. в Московской Центральной Пересыльной Тюрьме // Тюремный вестник. СПб., 1894. №5. С. 264.

¹⁴² *Тихомиров Л.А.* Необходимость Церковного Собора // Тихомиров Л.А. Публицистика. М., 2012. С. 139-142. *Он же*. Современное положение приходского вопроса. М., 1907; *Дурылин С.Н.* Приход: его задачи и организация. М., 1917; *Хомяков Д.А.* Собор, соборность, приход и пастырь. М., 1917; *Кузнецов Н.Д.* К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России. М., 1907; *Новоселов М.А.* Письма к друзьям / Е.С. Полищук, предисл., коммент. М., 1994.

¹⁴³ *Папков А.А.* Церковные братства: Крат. стат. очерк о положении церк. братств к началу 1893 года. СПб., 1893; *Самарин Ф.Д.* О задачах Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и о способах разрешения этих задач. Речь в Общем собрании Братства 27 декабря 1909 г. М., 1916; *Он же*. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2: Статьи о приходе. Статьи разнородного содержания. М., 1908.

¹⁴⁴ *Леонтьев К.Н.* Наши окраины // Сочинения. СПб., 1913. Т. 7. С. 244-264; *Владимиров А.П.* Из Вильны // Русское обозрение, 1894, февраль. С. 1000-1001; Виленский календарь на 1906 простой год. Царствования Императора Николая II год двенадцатый. Издан под редакцией Ф. Н. Добрянскаго. Вильна: Типография «Русский Почин», 1905. Дозволено Цензурою. Вильна, 3 Декабря 1905 г. С. 199-200.

¹⁴⁵ *Аксаков И.С.* В чем недостаточность русского патриотизма? // День. 1864. № 42, 17 октября; *Он же*. Наше знамя - русская народность / Сост. и коммент. С. Лебедева. М., 2008; *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. СПб., 2011. С. 98-99; Вехи: Интеллигенция в России: Сборник статей 1909–1910. Сост., коммент. Н. Казаковой; Предисл. В. Шелохаева. М., 1991; *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М., 1876; *Он же*. Грамотность и народность // К. Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. СПб., 2005. Т. 7. К. 1. Публицистика 1862-1879 годов. С. 90-130; *Победоносцев К.П.* Московский сборник. М., 1901; *Рачинский С.А.* Сельская школа. Сборник статей. М., 1891; *Саломон А.П.* Ссылка в Сибирь. СПб., 1900; *Тихомиров Л.А.* Духовенство и общество в современном религиозном движении. М., 1892; *Он же*. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. № 10; *Он же*. Славянофилы и западники в современных отголосках // Русское обозрение. 1892. № 10; *Он же*. Непризнанный пророк // Московские ведомости. 1911. 30 июня; *М.П.М.* Московские миссионерские беседы // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1759; *Федотов Г.П.* Трагедия Интеллигенции // Версты. Париж, 1927. №2. С. 145-184; *Флоровский Г.В.* Воцерковление школы (На память о С.А. Рачинском) // Вопросы религиозного воспитания и образования. Выпуск II. Париж, 1928.

¹⁴⁶ *Заозерский Н.А.* Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах // Богословский вестник. 1894. Т. 4. № 10. С. 174–197 (2-я пагин).

¹⁴⁷ *Владимиров А.П.* Новая брошюра о Северо-Западном крае // Русское обозрение, 1893, декабрь. С. 1007-1014.

¹⁴⁸ *Четвериков С., свящ.* Возможно ли объединение интеллигенции с народом и Церковью? // Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь. С. 109-112; *Чельцов М.* О некоторых писательских приемах в нашей духовной

Отдельно стоит выделить газетные репортажи о церковной жизни Москвы в 1917–1918 гг., в частности, о заседаниях пастырских собраний под председательством И.И. Фуделя¹⁴⁹ и о процессе по следственному делу «Самарина–Кузнецова»¹⁵⁰.

С точки зрения задач нашего исследования существенное значение имеют *источники личного происхождения*, позволяющие лучше понять личность И.И. Фуделя и восстановить некоторые моменты его биографии. Можно заметить, что если воспоминания об отце Иосифе зачастую носят субъективный и патетический характер, то обширная переписка представляет собой очень «живой» источник, раскрывающий даже те позиции корреспондентов по волнующим их вопросам, которые не могли быть высказаны в печати.

Обширный корпус образуют *эпистолярные источники*. В первую очередь, это объемная переписка И.И. Фуделя и К.Н. Леонтьева 1888 – 1891 гг.¹⁵¹. Этот бесценный источник раскрывает разные грани взаимоотношений корреспондентов, динамику их взглядов, проясняет мотивы некоторых поступков. Письма написаны чрезвычайно искренне и откровенно, что добавляет источнику достоверности. По ним можно судить не только о внешних биографических подробностях, но и о психологии и внутреннем мире обоих адресатов. Особую актуальность источнику придает акцент исследователей при прочтении переписки исключительно на Леонтьеве, тогда как вторая сторона (между прочим, иногда оппонировавшая) остается без внимания. Примечательны также письма к И.И. Фуделю В.В. Розанова¹⁵², Н.О. Лернера, прот. И.В. Арсеньева, С.Н. Дурылина¹⁵³, К.А. Губастова¹⁵⁴, В.М. Саблина¹⁵⁵ в связи с творчеством К.Н.

литературе // Миссионерское обозрение. 1902 г. Май. С. 1146-1153; *Айвазов И.Г.* О свободе совести. Тамбов, 1901; *Он же.* Антикритика на статью г. Чельцова «О некоторых писательских приемах в нашей духовной литературе» // Миссионерское обозрение. 1902 г. Сентябрь. С. 365-368; *Он же.* Орловский миссионерский съезд в связи с вопросом о свободе совести (по поводу доклада М. А. Стаховича, читанного на Миссионерском съезде в г. Орле 24-го Сентября 1901 г.). Тамбов, 1901; *Скворцов В.М.* В защиту миссии и миссионеров (письмо, посланное в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей») // Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь. С. 202-207.

¹⁴⁹ Православная Москва в 1917–1921 годах. М., 2004. С. 43, 66, 70, 71, 92, 142, 346.

¹⁵⁰ Газетные репортажи о процессе по делу А.Д. Самарина и других // Православная Москва в 1917–1921 годах. М., 2004. С. 346-348.

¹⁵¹ «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб., 2012.

¹⁵² Письма В.В. Розанова И.И. Фуделю // Розанов В.В. Сочинения. М., 1990.

¹⁵³ Преемство от отцов. С. 417-431.

Леонтьева, а также его деловая переписка, связанная с издательским делом¹⁵⁶. Некоторые оценки Фуделя можно встретить в переписке К.Н. Леонтьева с другими лицами¹⁵⁷.

Сохранился и ряд писем Фуделя к другим лицам – письмо молодого Фуделя И.С. Аксакову о внешней политике¹⁵⁸, дружеские письма редактору «Русского обозрения» А.А. Александрову¹⁵⁹, литературному критику Н.О. Лернеру (также в связи с памятью о К.Н. Леонтьеве)¹⁶⁰. Примечательны также письма И.И. Фуделя к писателю И.Л. Леонтьеву-Щеглову, сотруднику «Русского обозрения», в одном из них отец Иосиф критикует его работу об отце Иоанне Кронштадтском¹⁶¹.

Интересный источник представляют из себя письма однокурсника Фуделя юриста Н.А. Уманова к Фуделю уже после окончания университета¹⁶². Они содержат как бытовые подробности жизни друзей, так и обсуждение волновавших их событий общественной и литературной жизни.

Достаточно обширна переписка И.И. Фуделя с С.А. Рачинским за 1892-1894 гг.¹⁶³. В ней молодой священник тепло и откровенно пишет о своих переживаниях и трудностях тюремной работы, делится со старшим другом, который был для него большим авторитетом, своими впечатлениями о книгах, картинах, ключевых для него на тот момент церковных событиях, спрашивает его мнение о собственных работах.

Сохранилась и небольшая переписка Фуделя с Т.И. Филипповым за 1889–1893 гг.¹⁶⁴, а также с Л.А. Тихомировым за 1896 г.¹⁶⁵, которая позволяет дополнить наши представления о взаимоотношениях корреспондентов.

¹⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 93.

¹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 107.

¹⁵⁶ Письма Книготоргового товарищества "Культура" Фуделю И.И. 11 окт. 1912 -25 мая 1915 гг. // РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 98.

¹⁵⁷ К.Н. Леонтьев. Избранные письма (1854-1891). СПб., 1993.; Пророки Византизма: переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875-1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012; Кристи И. Письма к К.Н. Леонтьеву. Статьи / Сост. О.Л. Фетисенко. Приложение к ПСС К.Н. Леонтьева, Кн. 2. СПб., 2016.

¹⁵⁸ Преемство от отцов. С.334-336.

¹⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 771.

¹⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 351.

¹⁶¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 150. Оп. Д.

¹⁶² РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 110.

¹⁶³ Письма И.И. Фуделя С.А. Рачинскому // ОР РНБ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 65, 66, 68, 70, 73, 73а, 77, 81, 82, 83, 84.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 3102.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 123.

Некоторые упоминания о Фуделе встречаются и в переписке других лиц (например, участников «Кружка ищущих христианского просвещения»)¹⁶⁶. Черновик письма Фуделя начальнику Московской центральной пересыльной тюрьмы, письмо Фуделя к дочери Н.И. Фудель, письмо Фуделю от архимандрита Никона, письмо Фуделю от С.Н. Фишер, также не введенные в научный оборот, хранятся в семейном архиве Фуделей в ДРЗ им. А.И. Солженицына¹⁶⁷.

Особо стоит отметить последний написанный Фуделем и дошедший до нас источник – его письмо к С.Н. Дурьлину в форме воспоминаний, написанное в сентябре 1918 г.¹⁶⁸. В ответ на просьбы рассказать о К. Леонтьеве, незадолго до своей смерти, Фудель составил своеобразную автобиографию с повествованием о своей юности и рассеявшихся дальнейшей жизнью иллюзиях. Кроме того, это обширное письмо – богатый, художественно и тонко написанный источник об Оптиной пустыни и ее насельниках времен расцвета этой обители.

Уникальный и не проанализированный исследователями источник – «Дневник священника пересыльной тюрьмы»¹⁶⁹. Он написан И.И. Фуделем ориентировочно в 1892–1904-е гг. (с перерывами), и много говорит как об атмосфере московской тюрьмы, так и о той роли, которую непростой пятнадцатилетний период бутырского служения сыграл в жизни священника. Дневник содержит многочисленные наблюдения Фуделя за психологией заключенных и надзирателей (и шире – крестьян и интеллигентов, арестованных и свободных), его оценки разных нюансов тюремной системы и судебной реформы, дает понимание о его функциях в этой системе, раскрывает сущность представлений Фуделя о задачах тюрьмы и о миссии пастыря вообще.

Об Иосифе Фуделе осталось немало *воспоминаний*. Написаны они, как правило, с особой теплотой и глубиной – недаром речь в них идет о духовном пастыре и подвижнике, кем являлся И.И. Фудель для современников. Семья

¹⁶⁶ Письма мученика Михаила Новоселова Ф.Д. Самарину, 1905–1913 гг. / Е. С. Полищук, публ., коммент. // Богословские труды. 2013. Вып. 45.

¹⁶⁷ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 9-12.

¹⁶⁸ *Фудель И.И.* Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С. Н. Дурьлину) // Преемство от отцов. Кн. 1.

¹⁶⁹ *Фудель И.И.* Дневник священника пересыльной тюрьмы // Православная община. 1991, № 3. С. 61–69; № 4. С. 55–63.

Фуделя не эмигрировала после революции и не рассталась с теми ценностями, которые были им заложены. Самый близкий человек, сохранивший память об отце Иосифе – его сын Сергей Фудель – станет духовным писателем, работы которого в послевоенное время печатались в самиздате и за рубежом (в последние десятилетия они стали доступны каждому). Это сыграло важную роль для исследования биографии его отца: работы С.И. Фуделя были любимы А.И. Солженицыным, и потому в Доме Русского Зарубежья сформирован фонд трех поколений семьи Фуделей¹⁷⁰. Разумеется, об отце Иосифе там собрана далеко не вся информация, но среди прочего там хранятся рукописи воспоминаний о нем (некоторые из них до сих пор не опубликованы – очерки Л.А. Тихомирова, Н.В. Угримовой, В.М. Сытиной), собранные Сергеем Иосифовичем в надежде когда-нибудь их издать.

С.И. Фудель потерял отца в 17 лет. Эта смерть подвела окончательный конец и отрочеству, и дореволюционному периоду его жизни. Об отце он всегда помнил и подчеркивал его многозначительность для своего мировоззрения, многие его произведения носят отпечаток отцовского воспитания и мироощущения. Своему отцу Сергей Фудель посвятил главы «Воспоминаний»¹⁷¹ (написанные в 1950-е гг.), отдельные упоминания встречаются в книге его записок и размышлений «У стен Церкви»¹⁷². Страницы этих обстоятельных воспоминаний служат ценным источником сведений об изломах жизни И.И. Фуделя в начале XX века во всей ее трагичности, которая открывается как в его собственных работах и письмах, так и в восприятии сына, чувствовавшего глубокий кризис, переживаемый в то время отцом. Отдельно отметим, что воспоминания С.И. Фуделя писались во многом на основании семейного архива (который, судя по множеству цитируемых С.И. Фуделем документов, сохранился не полностью). В частности, становится ясно, что очерк Тихомирова был важным источником для его работы, это видно по многим заимствованиям; заметны и его обращения к воспоминаниям

¹⁷⁰ ДРЗ. Ф. 8.

¹⁷¹ Фудель С.И. Воспоминания. М., 2016.

¹⁷² Фудель С.И. У стен Церкви. Моим детям и друзьям. М., 2012.

Н.В. Угримовой. Особенно ценно, что Сергей Иосфович приводит широкие и, насколько можно судить, точные¹⁷³ цитаты из писем отца, многие из которых уже не сохранились. Сопоставляя его повествование с источниками, можно сделать вывод о добросовестности его писательского подхода. Ясно и то, что трепетно хранимые свидетельства об отце очень повлияли на его восприятие. Воспоминания и интуиции юности были дополнены и подтверждены зрелыми суждениями близких ему людей.

Очерк С.Н. Дурылина написан Сергеем Фуделю в память о его отце в 1919 году¹⁷⁴. Личность Иосифа Фуделя глубоко затронула Дурылина, и он оставил развернутый портрет. Впервые он увидел Фуделя в 1912 г. выступающим с речью о К. Леонтьеве на заседании Московского религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева (где Дурылин исполнял должность секретаря). Ближе познакомились они позднее, через Н.В. Угримову. Для него отец Иосиф был воплощением истинно христианского и аскетического иерея и, что особенно важно, носителем подлинного знания о К. Леонтьеве. Последний факт сыграл решающую роль в развитии их отношений и в том образе, который составил и передал Дурылин о Фуделе, сопрягая его с К. Леонтьевым. В размышлениях Дурылина ярко проявляется его увлеченность леонтьевскими идеями, к которым он возводит широко распространенные настроения «христианского пессимизма» начала XX в., свойственные в конце жизни и Фуделю. Отец Иосиф фигурирует и в других личных материалах С.Н. Дурылина¹⁷⁵.

В работе используется и такой ценный неопубликованный источник, как обширный очерк Л.А. Тихомирова, который планировался им для включения в сборник «Тени прошлого», но не был доработан¹⁷⁶. В отличие от других воспоминаний он затрагивает не только начало XX века, но и 1890-е годы – период служения в Бутырской тюрьме и редакторства Фуделя в журнале «Русское

¹⁷³ Оригиналы некоторых из них доступны в архиве ДРЗ им. Солженицына.

¹⁷⁴ Дурылин С.Н. Отец Иосиф Фудель. (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко). [Электронный ресурс] – <http://politconservatism.ru/upload/iblock/dbb/dbb508257bb36c8548ef16190c498bc0.pdf> (дата обращения: 25.08.16).

¹⁷⁵ Дурылин С.Н. Из «Олонецких записок» / Комм. М.А. Рашковской. Наше наследие. 2011. № 100. С. 133-155.

¹⁷⁶ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16.

обозрение». Тихомиров подробно описывает как личные качества отца Иосифа, так и главные, с точки зрения автора, события его жизни, круг его общения, основные интересы и волнующие темы, относясь ко своему другу с большим теплом и пиететом. Дополняют этот очерк материалы опубликованных дневников Тихомирова, где Фудель упоминается довольно часто¹⁷⁷. Там описаны и некоторые не затронутые в очерке события, но столь обширных и художественных характеристик личности не дано.

В научный оборот нами вводятся также воспоминания Надежды Владимировны Угримовой (урожденной Гаркави). Написанные как письма близким людям, они представляют из себя особенно сокровенный источник – об И.И. Фуделе вспоминает его духовная дочь. Их познакомил Г.А. Рачинский, председатель московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, высоко ценивший Фуделя. В 1914 г. по его благословению она приняла крещение и с тех пор была прихожанкой храма святителя Николая в Плотниках. Она рисует портрет не только священника, но живой и разносторонней личности, подробно описывает его уход из жизни.

Образ И.И. Фуделя как преподавателя гимназии С.Н. Фишер в 1910-е гг. восполняется неопубликованными мемуарами его ученицы и жены С.И. Фуделя – В.М. Сытиной, которые используются нами впервые¹⁷⁸.

Упоминания об И.И. Фуделе и некоторые его краткие характеристики можно найти в личных материалах А.А. Угримова¹⁷⁹, В.В. Розанова¹⁸⁰, С.Н. Булгакова¹⁸¹ и других¹⁸². Отдельно стоит отметить воспоминания Е.Н. Трубецкого, в которых для нас ценны его замечания относительно атмосферы в Московском

¹⁷⁷ Дневник Л. А. Тихомирова, 1905-1907 гг. / Сост.: А. В. Репников, Б. С. Котов. М., 2015.

Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 - 1917 гг. / Сост.: А. В. Репников. М., 2008.

¹⁷⁸ *Сытина В.М.* Урок. Воспоминания ученицы // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. Л. 5-6 об.

¹⁷⁹ *Угримов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.

¹⁸⁰ *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М., 1990. *Он же.* Собрание сочинений. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. *Он же.* Константин Леонтьев и его «почитатели» // Розанов В.В. ПСС. Т.7. С. 557.

¹⁸¹ *Булгаков С.Н.* Дела и дни. Статьи. 1903-1944. Мемуарная и дневниковая проза. М.: Собрание, 2008.

¹⁸² *Четверухин С.И.* Преподобный Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. Сергиев Посад, 2013; *Он же.* Толмачи: Воспоминания об отце: Доп. и ред. Сергея Четверухина. М., 1992; Самарины. Мансуровы: Воспоминания родных. М., 2001; «Подвигом добрым подвизался...». Материалы к жизнеописанию Александра Дмитриевича Самарина (1868–1932) / Авт.-сост. С. Н. Чернышев, прот. Д. Сазонов. Кострома, 2017; *Розанов Н.П.* Воспоминания старого москвича. М., 2004.

Университете 1880-х гг. и настроений молодежи того времени¹⁸³, а также воспоминания Н.П. Розанова, Н.Д. Жевахова и еп. Арсения (Джановского) о духовенстве и церковной жизни начала XX в¹⁸⁴.

Сохранившиеся воспоминания очевидцев явно дополняют друг друга, расхождения встречаются лишь в частных вопросах. Возвышенный образ, рисуемый С.И. Фуделем, Л.А. Тихомировым и С.Н. Дурылиным близок к иконописному. Сергею Фуделю работу осложнял большой временной промежуток, прошедший со времен юности. Очерк Дурылина написан с большим преклонением, порой он даже чрезмерно поэтичен. Очерк Тихомирова (точнее, глава из его мемуарной книги «Тени прошлого»), к сожалению, не был им завершен в полной мере (автор даже указал, что остался недоволен собой и собирается его переписать). Тем не менее, даже в таком состоянии, для нас это важное и весьма подробное свидетельство о жизни отца Иосифа на протяжении четверти века. Следующие по важности – воспоминания Н.В. Угримовой. Они написаны близкой духовной дочерью, интеллектуально и культурно развитой женщиной. В них Фудель представлен дорогим автору простым и живым человеком. Эти записи хорошо дополняют мемуары ее сына, чьи детские впечатления о церкви были связаны именно с храмом Николы в Плотниках (А.А. Угримов также передает атмосферу своего дома и культурного салона его матери, куда был вхож отец Иосиф). Особые черты к портрету привносит очерк В.М. Сытиной об уроках Закона Божия в гимназии С.Н. Фишер. Некоторую информацию можно почерпнуть и из небольшого отрывка сестры милосердия Н.А. Верховцевой, посвященного И.И. Фуделю и его семье, остальные свидетельства содержат лишь короткие упоминания. Примечательно, что Тихомиров сообщает об окружении Фуделя начиная с 1890-х годов, а из воспоминаний С.И. Фуделя и А.А. Угримова мы черпаем информацию уже о

¹⁸³ Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. М., 2000.

¹⁸⁴ Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. М., 2004; Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2; Арсений (Ждановский), еп. Воспоминания. М., 1995.

1910-х. Отчасти это связано с хронологически разными периодами знакомства, отчасти – с личными пристрастиями очевидцев.

Таким образом, изучение деятельности И.И. Фуделя требует привлечения широкого круга источников, как опубликованных, так и архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Используемые источники приносят новые данные к интеллектуальной биографии отца Иосифа, выводят его из деятелей «второго ряда» на передний план, высвечивая круг общения и волнующих его проблем, степень его востребованности в церковной среде. Можно заключить, что большая часть задействованных нами источников никогда не использовалась для решения поставленных задач, и данное исследование имеет достаточную источниковую базу для достижения поставленной цели.

Глава 1. Жизнь и взгляды И.И. Фуделя до принятия священного сана

§1. Ранняя биография

Родился Иосиф Иванович в конце 1864 г., в день Рождества Христова, «у старшего писаря 2-го Лейб-Уланского Курляндского Его Величества полка Иоанна Дмитриева Фуделя, православного исповедания и законной жены его, Аделаиды Антоновой, лютеранского», о чем мы узнаем из его свидетельства о крещении¹⁸⁵. Местом его рождения был город Гродно¹⁸⁶, потому как там в это время располагался штаб полка, где служил его отец И.Д. Фудель¹⁸⁷ (эти данные противоречат предположению О.Л. Фетисенко о том, что он родился в Коломне¹⁸⁸).

Выдержка из свидетельства корректирует также сразу несколько бытующих в литературе фактов, касающихся биографии его матери. Так, зачастую указывается, что звали ее Мария Червинская (это имя указано и на фотокарточке в архиве ДРЗ), но как показывает данный документ о крещении – ее звали Аделаидой Антоновной (уточнение можно найти в очерке А.Л. Тихомирова: Червинская – девичья фамилия¹⁸⁹). Тот же документ о крещении сообщает, что она принадлежала к лютеранству. Однако в переписке И.И. Фуделя с К.Н. Леонтьевым конца 1880-х гг., в словах сына его матушка не раз относится им к католичеству¹⁹⁰ (то же повторяют и мемуары С.И. Фуделя), и эти факты говорят скорее в пользу католического вероисповедания. А в документах рубежа XIX – XX вв. по вероисповеданию она числилась уже как православная¹⁹¹ (как уточняет современник – «приняла православие лишь в угоду сыну, на склоне дней»¹⁹²). Нам удалось также выяснить, что родилась Аделаида Антоновна в марте 1841 г. в

¹⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619. Л. 3. Подробнее см. в приложении 1.

¹⁸⁶ Православные Гродненской губернии на 7 августа 1864 г. составляли 77%. См.: *Радченко А.А.* Славянофилы об «обрусении» Северо-Западного края... С. 140.

¹⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619. Л. 6; *Дандевиль М.* Столетие 5-го Лейб-Драгунского Курляндского Императора Александра III полка. История полка. СПб., 1903. С. 259.

¹⁸⁸ Преемство от отцов. С. 17.

¹⁸⁹ Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

¹⁹⁰ Фудель – Леонтьеву. 5 марта 1889 г. // Преемство от отцов. С. 126.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 26. Д. 1212. Л. 6.

¹⁹² *Тихомиров Л.А.* Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

Минской губернии¹⁹³, принадлежала к мещанскому сословию¹⁹⁴, по происхождению – польской крови¹⁹⁵.

Отец Фуделя, Иван Дмитриевич, родился 18 апреля 1840 г., имел немецкие корни, был православным по матери, но человеком нерелигиозным, и по-русски говорил не в совершенстве¹⁹⁶. В своей карьере он дослужился до коллежского асессора¹⁹⁷. На 1883 год (время поступления И.И. Фуделя в Университет) он находился в чине титулярного советника, занимая должность делопроизводителя по хозяйственной части 2-ого Лейб-Уланского Курляндского Его Величества полка, был кавалером Ордена Св. Станислава 3 Степени и имел бронзовые медали в память усмирения Польского мятежа 1863–1864 годов и в память войны 1877–1878 годов¹⁹⁸.

В небогатой семье среди четырех братьев И.И. Фудель был старшим: позже родились Иван (6 января 1872), Николай (16 декабря 1875) и Павел (1 января 1880). Есть основания предполагать, что Иосиф свой путь прошел наиболее примерно и благополучно: другие братья, выбравшие медицинскую стезю, впоследствии находились под особым контролем Департамента полиции (имеются документы об аресте и удалении из столиц за студенческие беспорядки и агитацию, хранение нелегальной литературы Николая, о слежке за Павлом, сблизившимся во Франции с русскими революционными кружками)¹⁹⁹.

Обучался Иосиф Фудель в Минской и Рязанской гимназиях, окончив их со средней успеваемостью и характеристикой о том, что «поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ весьма хорошая, прилежание отличное и любознательность удовлетворительная» (как указано в личном деле)²⁰⁰. Об

¹⁹³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 26. Д. 1212. Л. 6.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ К.Н. Леонтьев – В.В. Розанову. 27 мая 1891 г. // *Розанов В.В. Собрание сочинений*. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 348.

¹⁹⁶ *Савва (Тихомиров)*. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад, 1911. Т. 9. С. 365-366.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 23. Д. 292.

¹⁹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619. Л. 6.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 557. Там же. Ф. 124. Оп. 12. Д. 927. Там же. Ф. 102. Оп. 19. Д. 677.

²⁰⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619. Л. 2.

атмосфере и направлении своего воспитания в это время он писал: «С пятнадцатилетнего возраста я воспитывался вне родительского дома, среди тяжелой обстановки провинциального закрытого заведения. По своему характеру я не подходил к общему складу товарищеской кружковой жизни и за это терпел множество неприятностей и преследований; это заставило меня замкнуться в самого себя; мальчик я был в высшей степени впечатлительный, нервный, сознание мое проснулось и стало работать в высшей степени рано; когда товарищи мои думали только о том, как бы покурить незаметно от начальства, я уже умел критически относиться ко всему и писал длиннейшую статью о женском вопросе <...> В это-то время я зачитывался Генрихом Гейне, Гоголем и Некрасовым. Эти три писателя положили (к несчастью) на меня неизгладимую печать. Одоевский в то время промелькнул только мимо меня, но промелькнул тоже не бесследно. Положительных поэтов я не знал вовсе»²⁰¹.

В позднейших воспоминаниях Фудель назвал фамилию педагога Рязанской 1-й мужской гимназии, обратившего внимание на литературный дар своего ученика: Н.А. Вербицкий-Антиохов²⁰². Судьба этого педагога интересна для понимания того, кто оказывал влияния на юного Иосифа. Вербицкий славился революционными настроениями: в 1861 г. был выслан из Петербурга за участие в студенческих волнениях, а потом воспитал «многих молодых людей, привлекавшихся к дознанию о противоправительственной пропаганде» и «руководил тайными сходками»²⁰³. «С 16 лет я постепенно втягивался в омут нигилистического отрицания. В 8-м классе Гимназии я писал самые горячие социалистические измышления, а кульминационным пунктом моих заблуждений был первый год Университетской жизни, когда я слушал лекции по Естествознанию. Затем я перешел на юридический факультет и тут уже на первом курсе совершился со мною переворот, определивший мой дальнейший путь. Каковы причины, перевернувшие весь склад моей мысли — одному Господу

²⁰¹ Фудель – Леонтьеву. 25 апреля 1890 г. // Преемство от отцов. С. 193-194.

²⁰² Преемство от отцов. С. 434.

²⁰³ Егоров О.А., Одесская М.М. Вербицкий-Антиохов // Русские писатели, 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 420. Цит. по: Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 612.

известно. (Внешнего толчка не было никакого)» – так описал Фудель свою мировоззренческую эволюцию²⁰⁴.

В августе 1883 г. Фудель был принят в число студентов Московского Императорского университета²⁰⁵. Интересно, что поступил он сперва на естественное отделение физико-математического факультета, но после первого года обучения подал прошение о переводе на юридический факультет²⁰⁶, который и окончил «при *отличном* поведении» и «за оказанные *удовлетворительные* успехи, определением Университетского Совета, 30 мая 1888 года состоявшимся, утвержден в звании Действительного Студента»²⁰⁷. Отметим, что юридический факультет (наряду с медицинским) был самым массовым по количеству обучавшихся²⁰⁸.

Дальнейшее его устройство отражено в послужном списке: «Определен кандидатом на Судебные должности при Прокуроров Московской Судебной Палаты (1888, 27 сентября). Командирован для занятий к Судебному следователю г. Москвы (1888, 18 октября) Московским Губернским Правлением определен в число чиновников Правления (1889, 4 января). Назначен делопроизводителем (1889, 19 января). Произведен в чин Губернского Секретаря со старшинством (1888, 27 сентября)»²⁰⁹. Однако служба продлилась недолго. С университетских лет наметились серьезные сдвиги в его мировоззрении. Летом 1889 г. молодой человек оставит службу и станет священником.

Отметим, что И.И. Фудель не был дворянином по рождению: по социальному статусу он относился к категории обер-офицерских детей²¹⁰. Он был человеком «интеллигентным» и утонченным в художественных вкусах. А для образованного человека, имеющего возможность юридической карьеры на государственной службе, разрыв с такой перспективой ради принятия священнического сана – решение серьезное. В связи с этим, особый интерес представляет обращение к

²⁰⁴ Преемство от отцов. С. 64.

²⁰⁵ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619. Л. 24.

²⁰⁶ Там же. Л. 16.

²⁰⁷ Там же. Л. 24.

²⁰⁸ Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976. С. 190.

²⁰⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 193.

²¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619. Л. 2.

мотивировке данного поступка. Для начала, постараемся оценить тот мировоззренческий багаж, с которым Фудель подошел к этому решению. Чаяния молодого Фуделя и его видение основных проблем современности отчетливо проявляются в его студенческих публицистических работах.

§2. Студенческие годы

Обратимся ко времени его студенчества, университетской атмосфере тех предгрозовых 1880-х годов общественного затишья после царевубийства. Успокоились студенческие беспорядки, в молодежной среде заметно разочарование в революции²¹¹. В Московском Университете более чем где-либо Фуделю чувствовалось новое переходное настроение, которое в его юношеских мечтах должно было стать «началом нового духа»²¹².

Именно это настроение он выразил в своей брошюре «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли» (составленной из его статей 1886–1887 гг., напечатанных в «Русском деле») и изданной им в конце 1887 г. «на последние гроши»²¹³. Поскольку эта работа отражает мировоззренческие установки не только Фуделя, но и определенной части его поколения, нам представляется необходимым остановиться на ней подробнее.

Замечательна выбранная для написания форма писем: она придает тексту особо искренний, доверительный характер. «Письма», разумеется, писались студентом из университета, а значит, изнутри и о своей же среде. И адресована книга, в первую очередь, к молодежи, находящейся на идейном распутье. В ней Фудель затронул как вопросы образования и воспитания, ответственность за которые во многом лежит на государстве (главы «Общая характеристика студенчества», «Наука и воспитание молодежи»), так и материального состояния студенчества («О нищих-студентах и корпоративности», «Лишние люди»), после чего перешел ко внутренним, идейным проблемам, которые занимают в работе

²¹¹ Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск: Водолей, 2000. С. 84.

²¹² Фудель И.И. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888. С. 74.

²¹³ Преемство от отцов. С. 437.

центральное место (главы «Идеалы молодежи», «Признаки времени», «Лже-народничество», «Значение народничества», «Западники и славянофилы», и наконец, венчает книгу письмо о «Православных народниках» – основной призыв автора), взывая непосредственно к своим сверстникам, пытаюсь, обнажив перед ними хорошо знакомые им вопросы, обострить и необходимость их идейного и мировоззренческого выбора в жизненном пути.

При первом приближении к своему предмету И. Фудель выделил общие недостатки современной молодежи: верхоглядство, абстрактность мышления, отсутствие интереса к науке. «Верхушество», согласно Фуделю, есть плод полуобразованности, которая обуславливает высокомерие молодежи и предвзятость ее суждений и мнений, склонность к модным течениям мысли²¹⁴. Отметил он в сверстниках и положительные черты – живую восприимчивость и отзывчивость к вопросам жизни, искренность и прямодушие, отвращение к формализму²¹⁵. Такими противоречивыми качествами обладал, по мнению автора, авангард общества.

Как же направить молодежь в нужное для России русло? Решение этого вопроса Фудель видел в воспитании, для которого необходимо коренным образом реформировать систему образования. Примечательно, что мысль о первостепенной важности воспитания будет одной из центральных и в последующих его работах. Идея Фуделя заключалась в том, что с первых лет умственной жизни молодой человек должен «мыслить по-русски». В его представлении, часто наблюдаемый неестественный и безнациональный склад мышления складывался по следующим причинам: «Умственная жизнь пробуждается в возрасте 15–20 лет. В это время юноша находится в 5–8 классах гимназии. Многие становятся понятны в характере молодежи при первом же взгляде на программу учебных предметов старших классов гимназий: 14 часов в неделю одних древних языков, один час Закона Божия и два часа истории. Все силы ума настойчиво привлекаются к одной цели: к изучению классиков. А

²¹⁴ Там же. С. 3.

²¹⁵ Там же. С. 13.

между тем несомненно – отечествоведение, самое основательное и подробное, должно быть основой всякого преподавания в русских учебных заведениях»²¹⁶.

Сознавая остроту проблемы того, что гимназия отрывает от жизни, воспитывает благонадежных, а не любящих отечество, Фудель полагал, что в таких условиях особое значение в деле воспитания имеет преподавание истории, значение которого недооценено: «Совестно подумать о том, что заставляют нас любить ту родину, о которой мы не имеем никаких понятий <...> Совестно признаться – русская история преподается в каких-то клочках, урывками, точно будто совестно нам нашей великой истории! «Зрелый» юноша, входящий в Университет, не знает самых главных начал нашей исторической жизни и в то же время развязно толкует о политических учреждениях запада, о рабочем вопросе в Англии, о происхождении человека от обезьяны и т. д. и т. д.»²¹⁷.

Сокрушался Фудель и о неэффективности университетской системы, где контролировалось прилежание, но не знание, а профессор при обучении, как правило, не имел личного контакта со студентом. Немаловажно, что «Письма» выглядят не столько как оппозиционное критиканство, а скорее как выстрадавшая на собственном опыте позиция, несущая созидательный заряд. Так, Фудель излагал различные предложения по улучшению системы образования: «Нужно применять метод собеседования, т. е. семинарий, единственно живой и привлекательный для молодежи метод. Тогда молодежь не будет как чумы избегать сухих лекций профессоров, относящихся к своему предмету с формальной точки зрения, и будет наполнять аудитории, будет интересоваться предметом, учиться»²¹⁸. Писал он и о нищенском существовании студентов, которые зачастую голодают, занимаются не учебой, а поиском заработка и куска хлеба, и порой оказываются в ночлежных домах на Хитровском рынке. Такое положение исключило дух корпоративности, породило «главным образом

²¹⁶ Там же. С. 18.

²¹⁷ Там же. С. 19.

²¹⁸ Там же. С. 22-23.

нравственную неустойчивость и бешеный разгул студенчества, а также те волчьи инстинкты, которые разъединяют»²¹⁹.

Несовершенная система образования, в свою очередь, способствовала появлению целого слоя «лишних людей» (за этим определением стоят литературные образы И.С. Тургенева, А.Ф. Писемского, И.А. Гончарова и других авторов 1840-60-х гг.)²²⁰. Неизбежно проходя через гимназию (как преобладающий тип средних учебных заведений), многие молодые люди заканчивали затем университет и не находили себе применения: «Тысячи причисленных к министерству ждут места, а не труда, врачи просят места, а не пациентов, молодежь ломится в двери окладных мест, которых не хватает на всех алчущих и отверженные терпеливо толкуются у той же двери, и либеральная печать хнычет по поводу такого злосчастья»²²¹. Так и появился в среде интеллигенции хорошо знакомый современникам типаж (неоднократно высмеиваемый, например, А.П. Чеховым): равнодушный к другим человек, ищущий не труда, а «места», не вознаграждения, а жалования: «Волею-неволею приходится сказать про современную интеллигенцию, – пишет Фудель, – что она годна не для работы, а для карьеры и нитья»²²².

Вину за такой утилитарный, безыдейный и шаблонный подход к жизни Фудель не возлагает целиком на государство, он взывает к личности: человеку нужно искать причины этих явлений внутри себя. Болезнь времени, по мнению Фуделя, проистекала из несознательности каждого и формировала ставшую нормой в современном обществе, но на деле глубоко порочную психологию: «Страшную болезнью страдает наше общество от мала до велика, гнусною болезнью; кулацкая нажива, эгоистическая борьба, сталкивание с лестницы, подпольная деятельность, страх за свою шкуру, погоня за роскошью, положением, деньгами, – вот главные симптомы современной болезни. <...> Эта болезнь воспитывается отцами в своих детях. <...> Алчное желание видеть своего сына

²¹⁹ Там же. С. 38.

²²⁰ Подробнее см.: Манн Ю.В. «Лишний человек» // Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 400-402.

²²¹ Там же. С. 52.

²²² Там же. С. 64.

карьеристом, стремящимся к верхушке общественной лестницы, видеть его важным лицом, может быть плутом и негодяем, но все-таки «важным лицом», вот что характеризует современного отца»²²³. Фудель подводил к почти невыполнимой задаче: обществу нужно пережить потрясение, обнаружить уже наследственную болезнь, осознать ее и излечиться, не заразив при этом своих детей.

С сожалением Фудель констатировал печальную закономерность, отмечая, что «мы привыкли видеть в Университетском дипломе нечто, дающее нам полное право на безбедное, а пожалуй и праздное существование: в этом отношении мы еще баричи, «крепостники» – интеллигентного труда»²²⁴. Заметим, что Фудель поднимал не столько узкокорпоративные студенческие темы, сколько важные для всего общества нравственные вопросы.

Фудель замечал, что в то время как газеты пестрят сообщениями об обездоленности, неграмотности, болезнях, место интеллигента по-прежнему оставалось на пьедестале его образованности. И здесь он постепенно перешел к одной из острейших в то время проблем (ради которой во многом и была задумана вся работа) – пропасти между интеллигентным обществом и народом. Фудель был уверен, что именно в стенах университета готовился трагический разрыв русского человека со своею почвой: там производят «господ», и даже сын купца выйдет оттуда «баричем» по мировоззрению. А «может ли "барин" взять в руки аршин или соху рядом с настоящим купцом или крестьянином»²²⁵? Этот вопрос подразумевал разницу не только социальной, но и духовной жизни.

И в народническом духе Фудель пояснял: «Перед нашим тоскующим интеллигентом настезь открыта широкая дверь личного труда, <...> дверь негласного, упорного, смиренного труда, без надежды на какую-либо пенсию и отдых, но с любовью к родной земле и ее детям, с верою в свои силы и в будущее своего посева»²²⁶. Но мало «пойти в народ»: «поход» имеет смысл только с

²²³ Там же. С. 61.

²²⁴ Там же. С. 52-53.

²²⁵ Там же. С. 57.

²²⁶ Там же. С. 55.

преображенным мирозерцанием, и корень переворота лежит не в формах и модных убеждениях, не в социально-политических и экономических построениях, а внутри человека – в его вере и в глубине его истории.

Фудель затрагивал и вопрос поколений: «В то время, когда деды работали над реформами, созидая новую Россию, наши отцы работали в лабораториях, опьяненные блеском естествознания, разрушая все старые основы мышления и бытия. Голый скептицизм, хотя бы даже и искренний, но ни на чем положительном не основанный, без почвы висящий в воздухе – всегда и во всем приводит только к отрицательным результатам, к голому отрицанию, т. е. к нигилизму <...> Мысль 40-х годов дала великих подвижников реформы Александра II, дала убежденных людей с цельными идеалами, людей, оказавшихся такими же честными практиками, как и мыслящими теоретиками. А что дала нам мысль 60-х годов? Воспоминание об искренности, одушевляющей наших отцов, и только... Где же дела их? Что дает действительность? Повальное хищение, понижение уровня нравственности, потеря веры в Бога, в семью, в государство, даже в самого себя. Общая прострация, бессилие, ухарское отрицание, скука жизни, самоубийства и подлость, подлость без конца»²²⁷. «Отцам» присущи такие губительные черты, как стадность, поклонение авторитетам «под маской скептицизма и любви к науке», склонность к подпольной деятельности, космополитизм. «Нет ни одного анархиста «интернациональнее» русского; Бакунин и Крапоткин – не случайности, а логическое явление русской жизни. Так и должно быть, ибо русский интеллигент, уже 200 лет оторванный от своей земли, от ее преданий, жизни, мировоззрения, волей-неволей должен витать под небесами и не стесняемый тысячелетней историей своей родины, чем стесняется всякий иностранный интеллигент, представляет из себя тип идеального интернационала»²²⁸. Т. е. Фудель подводил к мысли, что именно теперь современным «детям» пришло время для самоопределения.

²²⁷ Там же. С. 68-69.

²²⁸ Там же. С. 72.

Будучи юным и полным надежд, Фудель смотрел на будущее с оптимизмом, находя подтверждения в своем окружении. В этом смысле интересны его «социологические» наблюдения. Он разделял современную молодежь на три группы. В первую очередь, это «*новая молодежь*», связанная с отрицанием идеалов прошлого поколения нигилистов. В ней заметны две стороны – народники (уже отказавшиеся от практики революционной пропаганды) и последователи славянофильства.

Следующий, промежуточный слой – *либералы умеренного оттенка*. И здесь автор «Писем» не обошелся без антилиберального пафоса: «Либералом быть легко, особенно если стеснительны условия жизни; стоит только хныкать на внешнее стеснение, на невозможность жизни при таких условиях, да извергать побольше жалких слов и теорий. Нравственного усовершенствования и личного труда не требуется от либерала. Стало быть вряд ли когда исчезнет бесследно это направление мысли» – писал Фудель, излагая свой взгляд с несколько обывательской точки зрения, говоря, очевидно, скорее не о политических либералах, а о либералах по общему мировоззрению и позиционированию²²⁹.

И, наконец, самая многочисленная группа – это «интеллигентные буржуа», прожигатели жизни, большинство, народившееся во время измельчания идеалов. Это те, которые «кичатся своей безыдейностью, или же ставят свой собственный грубый эгоизм и удовлетворение его во всех видах – целью своих стремлений, своим «идеалом»; и это они не совестятся высказывать»²³⁰. Они представляют из себя «бюрократов в зародыше с казенными замашками, с тупым, холодным отношением к жизни, с горячей любовью к себе самому, своему карману»²³¹. Естественно, будущее не за ними, вся надежда возлагалась на первую группу, на меньшую часть молодежи: «Не велика эта часть, но велика ее вера в обновленный идеал, велика ее духовная сила среди современного бессилия, безыдейности и разномыслия молодежи!»²³². В то же время Фудель оставлял

²²⁹ Там же. С. 78.

²³⁰ Там же. С. 80.

²³¹ Там же.

²³² Там же. С. 152.

открытым вопросом: «Останется ли она, по-прежнему, авангардом общества, или, как недостойная, перейдет в тыл? Обновится ли наконец или выродится?..»²³³. И решение этого вопроса зависело от каждого.

Следует сделать небольшое отступление, чтобы несколько прояснить вопрос о степени религиозности студенчества. На основе данных студенческих «самопереписей» (анкет, проведенных студентами Юрьевского, Казанского и Петербургского университетов – но уже в начале XX в.), современный исследователь студенчества А.Е. Иванов сделал вывод, что только треть респондентов, принадлежавших к разным конфессиям, «признавали высшего творца всего сущего», 50% респондентов позиционировали себя «духовно невоцерковленными», вместе с индифферентно относящимися к вере они составили 70%²³⁴. Эта статистика, в принципе, не опровергает фуделевское деление молодежи на три группы и выделение им «новой молодежи» как перспективного меньшинства.

А.Е. Иванов, говоря о начале XX в., нарисовал тенденцию спада религиозности и подчеркнул, что важнейшая причина подавляющего безверия заключалась в пороках религиозного воспитания образовательной системы: в классических светских гимназиях, реальных училищах, даже православных духовных семинариях, а затем и в университетах наносились сокрушительные удары по детской религиозности. Учеба в высших светских учебных заведениях не только не укрепляла религиозных чувств студентов, но делала их еще более уязвимыми в окружении позитивных фундаментальных и прикладных наук; в сфере гуманитарного знания академическое богословие наталкивалось на здоровый скептицизм своих слушателей, воспитанный научным мировоззрением светских профессоров²³⁵.

Пытаясь сподвигнуть молодежь в сторону «от материализма к идеализму», в главе «Признаки времени», в качестве дополнительной аргументации своей

²³³ Там же. С. 158.

²³⁴ *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010. С. 277.

²³⁵ Там же. С. 281-282.

характеристики современности Фудель сопоставил мнения «лучших выразителей общественной мысли за последнее трехлетие» – историка и публициста К.Д. Кавелина, а также писателей Г.И. Успенского и Л.Н. Толстого. К каким же заключениям пришли «три столпа современной мысли» в обобщении Фуделя? «Первый вывод тот, что рационализм закончил уже весь цикл своего развития, и что смысл жизни, т. е. основу людских отношений (что для нас дороже всего) определяет не рассудочное знание, а нечто другое более обширное; объективные знания и учреждения стало быть не достаточны для регулирования взаимных отношений людей. К этому выводу пришел с одной стороны Кавелин, с другой Толстой. Второй вывод: наша самостоятельная жизнь начинается там, где начинается служение народу, т. е. такая форма жизни, которая не присуща и незнакома народу. Этот вывод высказан Глебом Успенским, а еще в большей степени Львом Толстым»²³⁶.

Идея же самого Фуделя (которую он выводил при опоре на «властителей дум» современной молодежи, что придавало его суждениям большего веса в глазах читателя), заключалась в том, что «на Западе не найти нам «смысла жизни», ибо основа Западного просвещения есть рационализм, а потому на Западе же не найти нам справедливых основ общественной жизни; искать их нужно в русском народе и его идеалах. Вот та ступенька, с которой начинается наша «самостоятельная жизнь», новый путь, на который вступило русское общество, и на который давно уже указывали русские мыслители Киреевский и Хомяков»²³⁷. Так Фудель надеялся вывести молодежь на «давно указуемый» славянофилами путь – тот самый, что и он когда-то с предубеждением отвергал, о чем также упоминает: «С возникновением идеи славянофильства сейчас же возникало в юной голове ощущение или представление гнилой капусты, редьки с квасом, постного масла и только – более ничего. Я не шучу... Мы кичились своими

²³⁶ Фудель И.И. Письма о современной молодежи... С. 90.

²³⁷ Там же. С. 91.

философскими познаниями, своим высоким развитием, не замечая того, что по главным вопросам нашей жизни ушли не дальше разумения ребенка»²³⁸.

Фудель искренно обращался к своим сверстникам, стараясь найти путь к их сердцу, чтобы и они задумались, пережили то же потрясение, что и он. Преображенный своим личным озарением, он был уверен в возможности и успехе нового пути для «лучших», думающих представителей молодежи, которые после внутреннего переворота выведут Россию из духовного застоя, общественного тупика. «Не уяснил себе интеллигент, отчего же спасение наше в русском народе, отчего этот народ сохранил в себе то, что в будущем может принести счастье всем? – Отчего же наконец эти лучшие формы жизни сохранились именно в русском, а не в каком-либо другом?» – сокрушается он²³⁹. Иными словами: всего лишь спасительный скачок из «переходного периода», «когда старое разрушено, новое не возникло, и масса не знает, чем жить»²⁴⁰, рывок каждого в своем «малом деле», освещенном светом Христовой правды – и Россия переменится.

Рецепт Фуделя – «православное народничество», и это основная тема «Писем». Это направление он противопоставляет современному ему народничеству, величая публицистов из «Недели» и «Русского богатства» (Л.Е. Оболенского, Г.И. Успенского, И.И. Каблиця и других представителей правого, неревolutionционного народничества 1870-90-х гг.) «лженародниками». «Относясь скептически-равнодушно к вере Православной, как источнику жизни нашего народа, слепо веруя лишь в свой идеал общественной жизни, идеал, выработанный по последнему научному рецепту Запада, народники и не могут иначе поступать, как только защищать то, во что твердо веруют. Но защищать... кто ж им запрещает защищать это как "свое"? Зачем защищать это, как "народное"?» – вопрошал Фудель²⁴¹.

Иными словами, легальное (оно же реформаторское) народничество 1880-х гг., о котором говорил Фудель, представлялось ему как неодухотворенный, голый

²³⁸ Там же. С. 150.

²³⁹ Там же. С. 92.

²⁴⁰ Там же. С. 81.

²⁴¹ Там же. С. 109-110.

альтруизм, исходящий исключительно из социально-экономических теорий, и не стремящийся к поиску ответов в первоисточниках народной жизни и мышления. Потому и недолговечен, беспомощен народнический идеал, «ибо народ наш не понимает жизни вне Православия и относится одинаково холодно-враждебно, как к бусурманину, так и к интеллигенту неверующему»²⁴². Воплощением «православного народника» он видел, в первую очередь, священника и учителя. Заметим, что подобный «консервативный» подход к восприятию народничества разрабатывался также в статьях И.С. Аксакова, Л.А. Тихомирова, В.В. Розанова, К.Н. Яроша и др.²⁴³.

Но Фудель признавал за народнической мыслью и положительные стороны, правда ее основной заслугой он видел отрицающую силу – противостояние западничеству. Важна была для него и «переходная» роль этого движения в эволюции от западничества к славянофильству: «Народничество, кроме своего значения молота, разрушающего старое здание, имеет еще значение живой лестницы, соединяющей два отдельных мира: западничество и славянофильство (т. е. истинное народничество). На верхней ступени этой лестницы находятся Лев Толстой и его единомысленники. За ним идут Оболенский, затем Глеб Успенский, потом Каблиц и т. д. вплоть до чистого западничества»²⁴⁴. И Фудель радостно подмечал начавшееся восхождение по этой «лестнице»: «Да, теперь уже днем с огнем не сыщешь последователя чистого западничества, ученика Чаадаева; подобную нелепость отвергает даже сам «Вестник Европы». А между тем теперь же среди молодежи не найдете ярого последователя чистого славянофильства, ученика Ивана Киреевского»²⁴⁵.

В народничестве Фудель усматривал «выражение бессознательного стремления к корню или тоски по родине»²⁴⁶. Любопытно, что термин «славянофильство», который, вероятно, по-прежнему ассоциировался у

²⁴² Там же. С. 161.

²⁴³ Мокшин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX-начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 6.

²⁴⁴ Фудель И.И. Письма о современной молодежи... С. 129-130.

²⁴⁵ Там же. С. 131.

²⁴⁶ Там же. С. 159.

большинства молодежи с «гнилой капустой и редькой с квасом», Фудель заменил иным и, на наш взгляд, более точно выражающим смысл его идеи понятием «православного народничества».

И здесь снова встает еще одна важная тема книги – тема восприятия исторического процесса. Фудель был убежден, что познание народа возможно только при изучении его истории, его существования во времени и пространстве. И методом постижения истории, при котором можно действительно приблизиться к пониманию народа, Фудель считал *«процесс идеализации»*, для которого познающему необходимо особое «поэтическое чутье»: «Народ есть организм, живущий в веках в неразрывной связи с прошедшим и будущим. Дабы познать этот организм – недостаточно анатомировать его; анатомия его даст лишь внешнее познание составных его частей. Для истинного познания жизни организма, т. е. духовных его сил, необходимо еще одно действие, а именно процесс идеализации. Так как народ есть организм живущий в веках, то для ясного уразумения его духовных начал, необходимо главным образом постижение народной истории, т. е. действие народного организма в прошедшем. Мы разумеем историю в обширном смысле слова, т. е. и историю словесности, и археологию, и историю языка и т. д. Постигание же истории народной достигается только путем идеализации; под этим процессом мы понимаем творческую деятельность, которая состоит в извлечении из фактического материала главных, основных факторов этого материала, в созидании целого по одним только намекам на это целое. Необходимо поэтическое чутье для отвлечения в историческом материале главного и основного от побочного и неважного. Это поэтическое чутье, которым достигается знание основных начал народной истории, – есть процесс идеализации»²⁴⁷.

Как объяснял Фудель необходимость идеализации? Самой сутью русского народа, который по своей природе – идеалист: «Народ, выносивший в своей душе Божественный Образ Христа, живущий одним этим Образом, претерпевший в

²⁴⁷ Там же. С. 116-117.

своей тысячелетней жизни кровавые муки, не запятнавший своего великого идеала, этот чистый, кроткий, добрый народ Православный – есть идеалист по преимуществу. И какое гнусное, гадкое зрелище представляется нам, когда интеллигент-реалист под видом народника начинает копать в душе народной своими грязными нечистыми руками... Это близорукий материалист – старающийся разгадать тайну жизни в изрезанном кролике, это вандал – разбивающий божественный мрамор на черепки, которые ему нужны»²⁴⁸.

Конечно, касаясь вопросов иррациональных, мировоззренческих, юный Фудель сам рассуждал по-интеллигентски, подчас мысля абстрактными категориями. Перед нами встает позиция, противостоящая позитивистскому поклонению факту и происходящей атомизации сознания, призывающая к цельному, «идеальному» взгляду на историю, позволяющему познать лицо народа, смысл его существования. Другими словами, это позиция, тяготеющая более к богословию и философии – не один еще русский философ будет разгадывать «народную душу» и «русскую идею».

За этими мыслями в духе «романтического национализма», разумеется, кроется славянофильская и почвенническая философия, корни некоторых идей можно усмотреть и в «теории официальной народности», возросшей на трудах немецких романтиков. Любопытно, что ее автор С.С. Уваров также рассматривал историю как важнейшее орудие просвещения народа, но, будучи по своей культуре во многом западным человеком («европейским консерватором-романтиком»²⁴⁹), целью народного просвещения он видел познание гражданских прав и обязанностей, т. е. политической свободы²⁵⁰. Для Фуделя же свобода мыслилась исключительно в ее христианском понимании. «Новая жизнь на новой почве мышления», согласно Фуделю, была невозможна без обновления. Программа его «обновления» такова:

²⁴⁸ Там же. С. 117.

²⁴⁹ Шевченко М.М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 70.

²⁵⁰ Там же. С. 61-62.

1. Необходимо обновить характер *мышления*, «это значит отречься от того пагубного верхоглядства, которое делало нас всегда приспешниками Запада <...> Переломать свою привычку мыслить абстрактно, <...> надо знать – кто мы, что мы, где мы живем, какова наша жизнь и ее условия и т.д.»²⁵¹.

2. Обновить характер *образования*. «Прежде всего мы должны изучить нашу родину, наш народ, наше государство; мы должны знать те условия времени и пространства, в области которых необходимо мыслить. И пока мы не познаем наш народ в подробностях его жизни, быта, нравов, обычаев, веры, пока не вникнем в глубь его тысячелетней, многострадальной и поучительной жизни, до тех пор будем оторванными от почвы скитальцами, заоблачными жителями, народными паразитами, не способными приложить свои знания и труды на пользу народа»²⁵².

3. Обновить начала *жизни*. То есть «освободиться от того западно-европейского порока, которым страдает все наше мыслящее общество; порок этот – гордость и самолюбие; это есть то языческое начало личности, которое в древнем мире выразилось во всей полноте в антропоморфизме, а вошедши в плоть и кровь Германно-Римского мира, это начало выразилось в прошлом веке в поклонении Разуму, в нашем веке в поклонении Воле. Индивидуализм, доведенный до крайних пределов, – как главное начало Западного мира, никогда не поймет общинности или церковности, главного начала Славянского мира; языческое начало эгоизма не в состоянии оценить личную кротость и смиренномудрие русского мужика. Вот почему русскому интеллигенту до сих пор так трудно дается знание и понимание народной жизни; для него это почти невозможно. Воспитанный на понятиях Запада, воспривыкший органически в себя языческое начало индивидуализма, русский интеллигент напрасно старается изучать русский народ и его общинную жизнь: это изучение бесплодно. <...> Надо вступить на тот путь самоопределения, каким шел Достоевский <...> «Смирись, гордый человек», должен повторять себе каждый интеллигент наш,

²⁵¹ Фудель И.И. Письма о современной молодежи... С. 154.

²⁵² Там же.

«смирись – в этом твое главное обновление», и к этому обновлению, верим мы – способна более всего молодежь. А сатанинская гордость, обуявшая каждого интеллигента, до сих пор мутит его, словно яд, до сих пор заставляет блуждать вокруг да около» (в пример «сатанинской гордости» Фудель приводит Г.И. Успенского и Л.Н. Толстого)²⁵³.

4. Наконец, обновить *потребности и стремления*, т.е. «подавить в себе все алчные инстинкты, влекущие нас с университетской скамьи в свет, на путь карьеры, наживы и лжи. Мы должны <...> бросить помыслы о какой-либо карьере и думать только о честном, кропотливом труде на пользу народную. <...> Того требует новый путь, на который необходимо встать, ибо путь этот есть путь служения народу на началах его жизни и духа, это путь православного народничества»²⁵⁴.

Важно и то, что в обновлении, по Фуделю, нуждался не только интеллигент, но и крестьянин. Ведь освобождение крестьян открыло им начало жизни «для себя», начало «свободной, духовной, творческой жизни»²⁵⁵. Но деревня под угрозой – на нее напирает губительное и победоносное шествие «трактирной цивилизации»: «Начиная свою сознательную жизнь и находясь под магнетическим действием "барской цивилизации" – народ невольно должен был призадуматься – где же его истинная дорога, должен был остановиться на распутии двух дорог... Не видит нигде он нужных ему указателей, а мысль тем временем работает и масса народу переходит в раскол и сектанство; масса бежит хоть за каким-нибудь указателем, явится ли он в виде немецкого пастора или отставного солдата, умеющего толковать Библию – это все равно, лишь бы был толкователь жизни, т. е. указатель пути»²⁵⁶. Крестьянин нуждался в помощи развитого, сознательного, но не чужого для него человека, поэтому «служение народу», по мнению Фуделя – не только общая интеллигентная обязанность, но и человеческая, христианская, нравственная обязанность. В этом и было главное

²⁵³ Там же. С. 155-156.

²⁵⁴ Там же. С. 156-157.

²⁵⁵ Там же. С. 168.

²⁵⁶ Там же. С. 171.

отличие этого идеала от подобного ему идеала «лженародников», которые ставили «служение народу» на чисто материалистические, узкие основания.

Далее Фудель-студент сделал пророческое для себя заявление: «Цель человека, выделившегося из народа путем личного самосознания – вечна и неизменна; эта цель – папство или развитие сознательной деятельности в каждом члене общины – развитие религиозного сознания в каждой личности в отдельности»²⁵⁷. Впоследствии Фудель не ограничится печатной проповедью христианского просвещения, не оставит эту идею розовой мечтой студенческих лет: он станет пастырем и в меру сил будет служить этой цели, на протяжении всей жизни осуществляя свою православную «теорию малых дел».

Можно заметить, что в первой части книги Фудель косвенно пытался апеллировать к государству, ведь оно обладало такими важными рычагами воспитания молодого поколения, как система образования и церковь. Но в основной части он, прежде всего, обращался к молодой личности, которой, по его чаянию, было необходимо перерождение, твердая мировоззренческая база, укорененная в «русской почве» – православии, религиозно осмысленной истории и собственной жизни, и эта основа, по его мнению, должна была стоять за любой деятельностью. «Брошюрка моя предназначается для таких (даже неверующих ни во что) интеллигентов <...> цель моя была возвратить молодежь с ее ложной дороги и возбудить во всех колеблющихся сотоварищах сомнение в истинности старой дороги» – объяснял Фудель свою задачу²⁵⁸.

В более поздних работах Фудель будет взывать к церкви, находясь уже внутри нее, напоминая о ее проповеднической и учительской функции. Он будет много писать о народной школе и подвижническом деле учителя, который может послужить делу просвещения в христианском духе.

Черпая вдохновение и находя подтверждение своим мыслям в творчестве И.С. Аксакова, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Фудель пришел к такому выводу: «Трудно себе представить, как слаб и нравственно неустойчив каждый

²⁵⁷ Там же. С. 172-173.

²⁵⁸ Фудель – Леонтьеву. 22 июня 1888 // Преемство от отцов. С. 72-73.

крестьянин в отдельности, до какого безобразия и зверства он может дойти <...> Слабость эта каждой отдельной личности есть результат ее неразвития личного в духе Православной Веры и вот это поднятие личности <...> есть дело и обязанность наша, есть наш путь, новый путь и идеала, и практической работы»²⁵⁹. Очевидно, что мировоззрение юного Фуделя сформировалось и под влиянием многократно цитируемого им Ф.М. Достоевского (порой заметно даже подражание писателю в стилистике письма). «Смирись, гордый человек!» – это восклицание из Пушкинской речи 1880 года служит лейтмотивом его повествования.

Такой порыв не был в те годы чем-то исключительным. Князь Евгений Трубецкой, учившийся на юридическом факультете Московского Университета примерно в то же время, так вспоминал о настроениях начала 1880-х гг.: «Мы жили тогда под впечатлением навеянной Достоевским мечты об Алеше Карамазове, посланном старцем Зосимою в мир – осуществлять Божью правду на земле. Образ Алеши для всего воспитанного в мыслях Достоевского поколения молодежи того времени олицетворял задачу молодой России. <...> Вся религиозно-настроенная молодежь того времени жила в атмосфере славянофильской утопии»²⁶⁰.

Писал Трубецкой и об интеллектуальной атмосфере в стенах университета: «Там в начале восьмидесятых годов царствовал тот самый позитивизм Огюста Конта и Джона Стюарта Милля, от которого мы только что отрешились. На юридическом факультете, куда мы оба первоначально поступили, и на факультете филологическом, куда вскоре перешел брат, почти каждый профессор во вступительной лекции считал себя обязанным заплатить дань модному увлечению. Дань эта выражалась либо в презрительных выходках по адресу «пережившей себя метафизики», либо в стереотипных, однообразно повторяемых фразах о трех периодах развития мысли, «теологическом, метафизическом и позитивном» (по Огюсту Конту), после чего профессор заявлял себя сторонником

²⁵⁹ Там же. С. 175.

²⁶⁰ Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. М., 2000. С. 107-108.

позитивной философии и приступал к чтению курса, который в большинстве случаев имел мало общего с Контовой философией»²⁶¹. Трубецкой, как и Фудель прошедший через нигилизм гимназических лет, пережил такое же перерождение и наметил схожие тенденции. Как видно, «славянофильская утопия» религиозно настроенных юношей вступала в контраст с «царством позитивизма». Примечательно, что и Фудель, и Трубецкой в «славянофильскую утопию» записывают Ф.М. Достоевского, который в представлениях современников практически не отделялся от славянофилов. В их перерождении не последнюю роль сыграли «Братья Карамазовы» и Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, «Русь» И.С. Аксакова, «Чтения о Богочеловечестве» и «Религиозные основы жизни» В.С. Соловьева, «Борьба с Западом» Н.Н. Страхова, «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского и «Восток, Россия и Славянство» К.Н. Леонтьева²⁶².

Замечательна оценка этого поколения Леонтьевым, ставшим впоследствии близким другом Фуделя (неслучайно в ней сравнение с идеалистами 1840-х гг.): «Многие литераторы и наставники ваши вас, господа, сбивают тем, что хвалят 40-е годы эти, но ведь их дух можно хвалить только по сравнению с 60 и 70 годами, но идеи, вкусы и веяния и молодые люди 80-х годов несравненно лучше людей 40-х... Несравненно! Тогда невозможны были ни Фудели и Веригины, ни Кристи, которые учатся богословию и молятся для себя, ни Александровы, которые не хотят жениться без благословения старца... Не падайте же духом, голубчик! Вы живете в хорошее время...

Прочно ли это движение в "новейшей" России — не знаю, но что оно прекрасно — это верно.

Никогда еще образованные люди в России не стремились так к Церкви, как теперь! А Церковь и учение ее — это сама суть. При этом и государственность, и эстетика, и мораль — все выразится сильнее <...>

²⁶¹ Там же. С. 73.

²⁶² Фетисенко О.Л. «Отче и друже мой»: отец Иосиф Фудель – друг, ученик и издатель К. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. / Сост., вступ. ст. и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. Кн. 1. С. 5.

Дело прежде всего не в том, чтобы писать статьи в защиту православия, а в том, чтобы самому и для себя верить и иметь "страх Божий"! Одна среда, в которую человек с отвращением и даже досадой от непривычки поест постное, одна всенощная, которую он с любовью отстоит, одна домашняя молитва: "Господи, подкрепи меня, утешь меня, прости мне!" — стоят десяти статей для других.

Бог и я, как говорят монахи, а потом польза других, она при вере и молитве сама собой выйдет.

Фудель и даже Веригин гораздо для меня дороже всех сентиментальностей Достоевского, которому за них платили деньгами и славой!»²⁶³.

Юношеский публицистический опыт вызвал широкий резонанс. Так, Фудель узнал, что Л.Н. Толстой, прочитав его брошюру, «страшно разозлился» и «взволновался». «Это интересная весть. Встревожить его Олимпийское Величество – большая честь для маленького человека», – комментировал Фудель²⁶⁴. Прозвучала брошюра и в студенческой среде: «Книжка моя имела громадный успех. Недели через две после ее выхода начались в Университете студенческие беспорядки и довольно сильные и занятные; правда, этот факт шел совершенно в разрез с моим утверждением, что молодежь теперь становится иною и время либеральных протестов прошло безвозвратно, но как бы то ни было книжка с заманчивым заглавием вышла вовремя и ее раскупили почти всю в 3 месяца. Удовлетворение моего самолюбия было полное, но я и не подозревал, что истинное удовлетворение души (за сделанный смелый шаг) ждало меня еще далеко впереди»²⁶⁵ – вспоминал Фудель, имея в виду, что эта публикация приведет и к знаковому для него знакомству с К.Н. Леонтьевым – еще одному фактору кардинальных перемен в жизни.

Можно заметить, что возможности разрешения конфликта развивающейся цивилизации и христианства, лежащего в ее основании, и связанные с этим

²⁶³ К.Н. Леонтьев – Н.А. Уманову. 22 сентября 1889 г. // К. Леонтьев. Избранные письма (1854-1891). СПб., 1993. С. 480-481.

²⁶⁴ Фудель – Леонтьеву. 22 июня 1888 // Преемство от отцов. С. 74-75.

²⁶⁵ Фудель И.И. Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С. Н. Дурьлину) // Преемство от отцов. С. 437.

проблемы образования беспокоили многие умы того времени. Позднее эти вопросы затронет В.В. Розанов в книге «Сумерки просвещения», мотивы о необходимости обращения интеллигенции (и народничества) к христианству будут высвечиваться в публицистике Л.А. Тихомирова, В.А. Тернавцева, А.С. Глинки (Волжского), те же мысли со ссылками на Ф.М. Достоевского встретятся в «покаянной» веховской статье С.Н. Булгакова (в том же сборнике «Вехи» 1909 г. проблему состояния студенчества в светском ключе поднимет и А.С. Изгоев). Если говорить об этой тенденции развития русской мысли и идее «православного народничества» как ее части, то в совокупности их можно характеризовать как своеобразный вариант неославянофильства. Так или иначе, это направление русской мысли окажется лишь тонкой струей в бурном водовороте времени. В этой связи для нас особенно важно не то, как застыли эти мысли в сфере идей, а то, как они воплощались в действительности. Примером тому может служить жизненный выбор И.И. Фуделя и его дальнейшая деятельность²⁶⁶.

§ 3. И.И. Фудель и К.Н. Леонтьев

К.Н. Леонтьев – фигура «парадоксальная», потому и чрезвычайно мифологизированная²⁶⁷. Различные интерпретации Леонтьева препятствуют исследованию и оценке не только этого мыслителя, но и его окружения. Яркий тому пример – Иосиф Иванович Фудель, вошедший в историографию как «леонтьевец». Восприятие и оценка его личности усложняется тем, что фигурирует он в основном в литературе о К.Н. Леонтьеве, где наделен определением «ученик»: это слово включено и в заглавие книги О.Л. Фетисенко

²⁶⁶ При написании параграфа были использованы материалы статей: *Винюкова Н.В.* Вопреки революции // Традиции исторической мысли: материалы Научного семинара памяти профессора В.И. Злобина / отв. ред. Г.Р. Наумова и др. Вып. 5-6. М., 2018; *Она же.* Иосиф Иванович Фудель в начале пути: идея «православного народничества» // Сретенские чтения. Материалы XXIV научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов / Сост. З.М. Дашевская. М., 2018. С. 194-199.

²⁶⁷ *Козырев А. П.* Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // К. Н. Леонтьев. Pro et contra. Антология. СПб., 1995. Т. 1. С. 417.

«Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики» (причем под ближайшим из них подразумевается Иосиф Фудель)²⁶⁸.

Представляется, что, взглянув на эти взаимоотношения со стороны И.И. Фуделя, мы получим более сложную картину – не вполне вписывающуюся в линейную характеристику «учитель – ученик». Выяснить, какие отношения связывали Фуделя и Леонтьева в действительности, нам поможет обширная переписка, а также публицистика.

Их знакомство отсчитывается с декабря 1887 года, когда 23-х летний студент-юрист Московского Университета представил на суд маститого публициста свой первый отдельно изданный литературный опыт – «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли». Сделано это было через однокурсника Н.А. Уманова, молодого друга К.Н. Леонтьева (который и открыл его для Фуделя, предложив к тому же свое посредничество). «Мне его брошюрка нравится, как молодой зеленый березник; строиться из него еще нельзя, а для хорошей метлы, сметать нигилизм очень годится, *Suum cuique*²⁶⁹. Пойдет прямо – и на постройку будет хорош» – отозвался Леонтьев Уманову в марте 1888 г., но с опасением: «Благородны мысли Фуделя, напр., и книжка его очень симпатична. Но содержит ли он сам посты? Слушается ли Церкви? Если нет, и если он при этом покоен совестью, то Боже избави нас от таких народных учителей»²⁷⁰.

«Фудель действительно молодец; человек смелый, твердый и с ясным умом. — Я недавно еще перечитал его книжку о молодежи. — Много там хорошего. — Надеяться только на „любовь“ в русской общине не надо; нужно *проповедовать* любовь, ибо ее очень мало; но не надо ее *пророчить*; — чтобы без пользы не разочароваться горько. — Это благородные бредни Аксакова, Достоевского, О. Миллера и т. д. *Особенно* этот "Мужик Марей", помните. — Очень это мило;

²⁶⁸ *Фетисенко О.Л.* Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX - первой четверти XX века. СПб., 2012.

²⁶⁹ Каждому свое (лат.).

²⁷⁰ *Леонтьев К.Н.* Письмо о вере, молитве, о немощах духовенства и о самом себе // Богословский вестник, Т. 1, №2. 1914. С. 286-287.

но и очень *мало*»²⁷¹ – снова напишет Леонтьев Уманову уже через год, после личного знакомства с Фуделем.

Получив благоприятный отзыв о своей пробе пера, Фудель решился сам написать Леонтьеву: так, в апреле 1888 г., появилось первое большое и откровенное письмо, ставшее началом обстоятельной переписки (до нас дошло порядка 135 писем) и впоследствии – крепкой дружбы. Продлилась она менее 4-х лет, оборвавшись смертью Леонтьева в ноябре 1891 г. и навсегда оставшись для Фуделя одним из самых глубоких и дорогих переживаний. В течении этих лет состоялись четыре продолжительные личные встречи (Фудель приезжал к Леонтьеву в Оптину, виделись они и в Москве). За последующие 27 лет своей жизни он отдал немало сил на увековечение памяти своего старшего друга, занимаясь изданием его сочинений и посвятив ему несколько статей.

Последние обстоятельства сильно сказались на формировании образа Фуделя в столь немногой литературе о нем. Так, С.М. Половинкин в энциклопедии «Русская философия» сообщает, что И.И. Фудель «в 1887 г. познакомился с К.Н. Леонтьевым, под влиянием которого перешел в православие»²⁷² – что противоречит действительности. Крещеный во младенчестве, Фудель сознательно обратился к православию как минимум за два года до знакомства с Леонтьевым²⁷³; в первом же письме к Леонтьеву Фудель писал: «Я пощусь, говею, по монастырям люблю ходить, не потому, что «надо-де исполнить обряд», а потому, что глубоко верую в эту сторону религии и не отделяю в религии моральную сторону от мистической. Но таким я (признаюсь) стал недавно и не более двух лет тому назад; да и вообще я молодой Православный, ибо обратился к Православию тоже не более 4 лет тому назад»²⁷⁴. Высказывая такое суждение, С.М. Половинкин явно не был знаком со свидетельством о крещении Фуделя (6

²⁷¹ РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 15 об. Цит. по: *Фетисенко О.Л.* «Отче и друже мой»: отец Иосиф Фудель – друг, ученик и издатель К. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 32.

²⁷² *Половинкин С.М.* Фудель Иосиф Иванович // *Русская философия: Энциклопедия.* Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2007.

²⁷³ Фудель – Леонтьеву. 2 апреля 1888 г. // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С.63.

²⁷⁴ Там же.

января 1865 г.)²⁷⁵, с содержанием, пожалуй, наиболее известной его работы – «Письмах о современной молодежи и направлениях общественной мысли», в которой автор стоит на славянофильских позициях и призывает интеллигенцию к «православному народничеству», и, конечно с эпистолярным наследием (еще не опубликованным в 2007 г.). Такая неосведомленность, определенно, позволила автору преувеличить влияние Леонтьева.

Исследователям жизни и творчества Леонтьева свойственно стремление связать Фуделя с Леонтьевым прочными «идейными» узами. Например, такой крупный леонтьевед как О.Л. Фетисенко, подготовившая замечательную публикацию архивных материалов, посвященных взаимоотношениям Леонтьева и Фуделя²⁷⁶, в своей монографии утверждает: «Ясно, что для Фуделя встреча с Леонтьевым определила весь дальнейший ход его жизни»²⁷⁷. Представляется, что этот тезис нуждается в некоторых уточнениях.

Действительно – неизвестно, состоялось бы рукоположение Фуделя, если бы не влияние и содействие К.Н. Леонтьева. В то же время в опубликованном О.Л. Фетисенко письме 1918 года к С. Дурьлину в форме воспоминаний («Мое знакомство с К. Леонтьевым») Фудель отмечал: «Самая мысль о священстве возникла в моей душе совершенно самостоятельно задолго до знакомства с Леонтьевым. Эта мысль явилась у меня, когда я писал последнюю главу своих «Писем о современной молодежи» в 1887 г. Я звал молодежь на служение народу, главным образом на поприще сельского учительства, и вот в это время блеснула мысль: «а почему же не в священном сане? Ведь это еще ближе к народу». Но это мне казалось не только дерзким желанием, но и не возможным в практическом осуществлении, ибо сам я тогда не знал прецедентов принятия священства светскими людьми. И вот эту заветную мысль я высказал Леонтьеву»²⁷⁸. Отсюда

²⁷⁵ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619. Л. 3.

²⁷⁶ «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1.

²⁷⁷ Фетисенко О.Л. «Отче и друже мой...» С. 52.

²⁷⁸ Фудель И.И. Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С. Н. Дурьлину) // Преемство от отцов. С. 454-455.

можно заметить, что направление развития Фуделя было задано им ранее самостоятельно.

В том же письме Дурылину Фудель отмечал, что его взгляды в 1887 г. «были почти установившиеся, по крайней мере в основах; в политических и культурных вопросах я был безусловный последователь Хомякова и Аксаковых, в вопросах религиозных был уже православно-верующим (отчасти под влиянием тех же славянофилов), но с оттенком расплывчатой морали под влиянием Достоевского, просто еще не хватало знаний и религиозного опыта». Правда, тут же добавил: «Останавливаюсь на этих подробностях потому, что впоследствии именно эти недостаточно ортодоксальные взгляды мои побудили К. Леонтьева вступить со мной в переписку, имевшую для меня такое решающее в жизни значение»²⁷⁹. Можно признать, что Леонтьев, воспитанник Оптинских старцев, с сильной внутренней «мужицкой верой»²⁸⁰, но и с противоречивыми, с точки зрения православия, взглядами способствовал становлению Фуделя на ортодоксальную почву.

Конечно, К. Леонтьев существенно помог Фуделю и словом, и делом, осуществить заветную мечту – «приблизиться к народу», став «отцом Иосифом». Общение с ним отрезвило юношеский оптимизм, послужило мощным импульсом к дальнейшему развитию мировоззрения. Но едва ли можно говорить о том, что их встреча предопределила всю последующую судьбу Фуделя в содержательном плане. Дальнейшая жизнь Фуделя была до краев наполнена социальной деятельностью, он очень много работал по разным практическим направлениям (миссионерство, народное образование, приходской и тюремный вопросы), а главным его делом всегда было широко понимаемое им пастырское служение. Утверждения о том, что вся вторая половина жизни Фуделя «была посвящена идее служения памяти Леонтьева»²⁸¹, что Леонтьев «жил в каждодневном

²⁷⁹ Фудель И.И. *Мое знакомство с К. Леонтьевым...* С. 437.

²⁸⁰ Говоруха-Отрок Ю.Н. Несколько слов по поводу кончины К. Н. Леонтьева // *Московские ведомости*. 1891. 13 ноября. № 314. С. 2-3.

²⁸¹ Фетисенко О.Л. *Гептастилисты...* С. 638.

священническом труде о. Иосифа Фуделя»²⁸², на наш взгляд, отражают восприятие исключительно через «призму» Леонтьева.

Сын Фуделя – Сергей Иосифович – вспоминал, что в предвоенные годы отец «много времени отдает изданию собраний сочинений Леонтьева, но это больше долг благодарного ученика, чем творческое дело сердца. Сердце он отдает теперь <...> приходским бедным»²⁸³. Приблизившись к тому, что занимало Фуделя в то время, действительно, складывается впечатление, что издательство было некоторого рода посмертным послушанием духовно близкого человека. При этом стоит понимать, что предпринятый Фуделем проект издания леонтьевского собрания требовал многих усилий – подготовка к нему началась еще в 1890-е гг., а первые тома вышли в 1912 г. Это был серьезный труд, связанный как с подбором и структурированием материалов, работой с текстом, так и непосредственно с изданием: отец Иосиф вел широкую деловую и личную переписку, переговоры об издании новых томов, занимался популяризацией публикаций, советовал издательству, куда стоит отправлять экземпляры и объявления о выходе новых томов, реагировал на отклики в печати²⁸⁴. Воплотить задуманное целиком так и не было суждено, издание остановилось на 10-м томе – в 1913 г. издательство В.М. Саблина было закрыто как немецкое предприятие²⁸⁵. Тем не менее, публикации сочинений Леонтьева вызвали ряд отзывов – как публицистических, так и эпистолярных²⁸⁶.

Примечательно, что Сергей Фудель идейно причислял отца Иосифа скорее к славянофилам, чем к Леонтьеву. Однако О.Л. Фетисенко, обращаясь к этому вопросу, оценку Сергея Фуделя отвергает: «О. Иосиф, конечно, и сам однажды признался, что любовь к покойному не обязывает непременно "подчиняться всем его убеждениям", но все же думается, что Сергей Иосифович (убежденный

²⁸² Козырев А.П. Константин Леонтьев... С. 434-435.

²⁸³ Фудель С.И. Воспоминания. М., 2016. С. 53.

²⁸⁴ Письма Книготоргового товарищества "Культура" Фуделю И.И. 11 окт. 1912 -25 мая 1915 гг. // РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 98.

²⁸⁵ Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 641.

²⁸⁶ Подробнее см.: Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 640.

антилеонтьевец) приписывал отцу часть своих мыслей»²⁸⁷. Помимо этого признания И.И. Фуделя (из письма С.А. Рачинскому), Ольга Леонидовна приводит и ряд весьма любопытных критических высказываний Фуделя, найденных в неопубликованных материалах недописанной им книги, посвященной Леонтьеву: замечания о его «гордой, своенравной» натуре, о «самонадеянности», о том, что «свои личные вкусы и симпатии – он возводит в теорию, которой поклоняется и которую всем навязывает, что «свою природную раздвоенность он вносит во все, особенно в христианство»²⁸⁸. Подобные суждения не принимаются автором во внимание, поскольку эти мысли никогда не предавались печати и не являлись «окончательной оценкой»²⁸⁹. На наш взгляд, они, напротив, служат еще одним аргументом в пользу неоднозначности оценки Фуделя как «леонтьевца». Действительно, высказывать такого рода критику в печати он себе не позволял. Но незавершенность неопубликованной книги скорее говорит не только о материальных, но и нравственных, этических и др. причинах, нежели дает повод подозревать Фуделя в неискренности или незрелости оценок. Кроме того, в опубликованных материалах о Леонтьеве заметно осторожное и снисходительное отношение Фуделя к его идеям (не говоря о разногласиях, прослеживаемых в переписке и во взглядах вообще).

В «Воспоминаниях» Сергея Фуделя несколько ускользает линия с К.Н. Леонтьевым. Ее он прописывает не хронологически, не в связи со становлением Фуделя, а говоря уже о поздних годах, когда так актуализировалась в его среде апокалиптическая тема. И его оценка построена на противопоставлении леонтьевской «апокалиптики страха и неприязни» «апокалиптике радости и любви» И.И. Фуделя²⁹⁰. Отец, по его мнению, «никогда не был леонтьевцем»²⁹¹: «Знаменитый византизм Леонтьева, его теория "замораживания форм" для удержания неумолимо исчезающей из них жизни есть

²⁸⁷ Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 644.

²⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046. Л. 24, 10 об. Цит. по: Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 645.

²⁸⁹ Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 645.

²⁹⁰ Фудель С.И. Воспоминания. С. 57.

²⁹¹ Там же. С. 55.

"дорога в никуда", и она была по природе чужда моему отцу. Ему было ясно, что спастись от умирания истории сохранением ее внешних живописных форм, этим "формализмом от отчаяния", конечно, невозможно. Леонтьев силен только в своей негативности, и никакого здания на нем не построишь. В отце же, при всей его, казалось бы, ограниченности по сравнению с блестящим Леонтьевым, был тот духовный онтологизм, та изнутри созидаящая сила, которая и в истории и в личной жизни нужнее всего. Он не был ни "обличителем", ни "пророком", он был только строителем – себя, других, дома Божия»²⁹².

Резко написанный сюжет о К.Н. Леонтьеве можно объяснить следующими мотивами. Во-первых, С. Фудель не знал философа лично, (он родился в 1900 г., а Леонтьев умер в 1891). Во-вторых, и это главная причина, Сергею Иосифовичу не было близко леонтьевское мировоззрение, он тяготел больше к славянофилам, Ф.М. Достоевскому, о. Павлу Флоренскому, и, что немаловажно, все это заимствовал от отца. Поэтому и отец для него идейно отделен от К.Н. Леонтьева (об этом он написал также отдельную заметку, основанную на переписке И.И. Фуделя и К.Н. Леонтьева²⁹³). Это обстоятельство особенно интересно, если учесть, что для ряда современников, на фоне возросшего в начале века интереса к философу, отец Иосиф был прежде всего интересен как ретранслятор его идей (что закономерно, ведь Иосиф Иванович тогда был занят титаническим трудом по изданию его сочинений и написал о нем не одну статью). Примечательно, что и в обширном очерке Л.А. Тихомирова²⁹⁴ (друга семьи Фуделей) не прослеживается идея о тесной связи И.И. Фуделя с наследием К.Н. Леонтьева. При этом Тихомиров сам испытал на себе влияние Леонтьева, позже написал о нем отдельный очерк²⁹⁵.

Что касается позиции Сергея Фуделя – известно, что он был близок со своим отцом, и, вероятно, имел о нем более цельное представление, нежели, например, С.Н. Дурылин, заинтересованный в И. Фуделе, главным образом, как в хранителе

²⁹² Там же. С. 55-56.

²⁹³ Фудель С.И. К. Леонтьев в его письмах к о. Иосифу Фуделю // Литературная учеба. 1996. № 3. С. 174-178.

²⁹⁴ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16.

²⁹⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого: К.Н. Леонтьев // К.Н. Леонтьев: Pro et Contra. Т. 2. СПб., 1995. С. 6-28.

памяти о К.Н. Леонтьеве²⁹⁶. После настойчивых просьб²⁹⁷, Дурылин получил развернутый образ горячо любимого отцом Иосифом человека. Но заключать из него, что вся жизнь Фуделя сводилась к Леонтьеву, невозможно. И говорить, и писать о Леонтьеве Фуделю было явно тяжело. Неслучайно задуманную еще в 1892 г.²⁹⁸ книгу «Константин Леонтьев. Жизнь, личность, творчество. Опыт характеристики» он так и не написал, сохранились лишь ее наброски²⁹⁹.

Сам Леонтьев относился к Фуделю с поразительной теплотой и надеждой, высоко его ценил и очень беспокоился возможностью расхождений. Очень показательно это его признание в последний год жизни: «На вас — моя главная надежда! И пожалуй, что ни на кого больше! Не дай мне Бог дожить до какого-нибудь между нами охлаждения или разрыва!»³⁰⁰. В переписке не раз он выражал восхищение «даровитостью» и «аккуратностью» «православного немца», подчеркивал свою веру в него («В вас-то, наконец, я с этой стороны нашел идеал друга»³⁰¹, «вы в 25 — 26 лет уже имеете более имени (в публицистике), чем я имел его в 40!»³⁰²; «я в Вас очень теперь нуждаюсь — нравственно. — И если Вы, оперившись теперь сами, уже менее прежнего обо мне помните умом и сердцем, то я-то зато — наоборот: чем Вы зреее, тем более добра может сделать свидание с Вами»³⁰³). Конечно, сама личность Константина Леонтьева и такое его «отечески-дружеское» (по определению Фуделя) отношение вселяли силы и вдохновение, вызывали взаимные чувства его корреспондента.

Познакомившись с Леонтьевым, Фудель открыл для себя мир не занимавших его ранее идей. Погрузившись в него, он искренне сражался за Леонтьева в печати. Несомненно, Леонтьев оказал влияние на *политические воззрения*

²⁹⁶ Подробнее см.: *Резвых Т.Н.* «Я чувствовал себя как бы его внуком — через сына — через о. Иосифа...» (Отец Сергей Дурылин — исследователь творчества К. Н. Леонтьева) // *Христианство и русская литература.* СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 257–357.

²⁹⁷ «Уступаю Вашей настойчивой просьбе, дорогой Сергей Николаевич», — так начинается письмо Фуделя к Дурылину.

²⁹⁸ *Фетисенко О.Л.* «Отче и друже мой»... С. 43.

²⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046.

³⁰⁰ Леонтьев — Фуделю. 19 января — 1 февраля 1891 г. // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1. С. 261–262.

³⁰¹ Леонтьев — Фуделю. 22 октября 1889 г. // Преемство от отцов. С. 168.

³⁰² Леонтьев — Фуделю. 4 декабря 1890 г. // Преемство от отцов. С. 247.

³⁰³ Леонтьев — Фуделю. 1—2 мая 1890 г. // Преемство от отцов. С. 199.

молодого Фуделя – это касается «восточного вопроса», особого понимания «национального движения», отсутствия надежд на молодые балканские страны (без принятия концепции «византизма»). Под влиянием идей Леонтьева Фудель пришел к выводу о том, что современный политический национализм нередко имеет «анти-национальные, анти-культурные» последствия. Исходя из этого Фудель настаивал на необходимости ревизии славянофильского наследия — которое следовало, по его мнению, отделить от политического панславизма: «Наши первые славянофилы были поборники панславизма, потому что еще не предвидели всех результатов племенных движений и обманывали себя в важном культурном значении племенного объединения. Теперь же, после племенных объединений на Западе, тем более после ясных для всех результатов только начала нашей племенной политики на Востоке — этому самообману нет оправдания, и ученики славянофильства, желающие развивать это учение должны критически относиться к нему...»³⁰⁴. Между тем, в другой статье он отмечал заслугу славянофилов в том, что они «проникли в дух народа и русской истории и указали нам основы нашего национального бытия. Их дело было также закрепить определение этих основ в логических формулах»³⁰⁵.

При этом, как справедливо заметил А.Э. Котов, в своих выступлениях о Северо-Западном крае Фудель скорее порывает с леонтьевской консервативно-романтической мотивацией в национальном вопросе³⁰⁶ и в ряде аспектов своего отношения к национализму остается ближе к В.С. Соловьеву; «в сознательном отказе от "эллинского эстетизма" и заключалось относительное своеобразие воззрений Фуделя выступавшего в светской печати, в отличие от своего учителя, вовсе не с позиций консервативного романтизма»³⁰⁷.

Критическое восприятие Западной Европы Фудель во многом наследовал от славянофилов и Достоевского, что прослеживается еще в «Письмах о

³⁰⁴ Фудель И.И. К вопросу о национальном. Самообман и ошибки // Московские ведомости. 1890. N 293. 23 окт. С. 2 – 3.

³⁰⁵ Фудель И.И. Культурный идеал К. Леонтьева // Русское обозрение. 1895. Янв. С. 257–280.

³⁰⁶ Котов А.Э. Священник Иосиф Фудель... С. 71.

³⁰⁷ Котов А.Э. Священник Иосиф Фудель... С. 67.

современной молодежи» (до знакомства с Леонтьевым). Ни Леонтьев, ни Фудель не принимали славянофильство безоговорочно, но последний симпатизировал ему гораздо более: «Выводы философии — постоянны и неизменны; выводы публицистики — временны и изменчивы. Поэтому я отношусь более доверчиво к философской стороне славянофильского учения, чем к публицистической. — Я согласен с Вами, что необходимо проверить выводы Славянофильства; прежде всего необходимо отбросить в этом учении то, что зависит в нем от времени и личных качеств его творцов» — замечал Фудель и даже собирался написать работу о славянофилах³⁰⁸.

Совпадала их позиция относительно необходимости сословной структуры общества. Однако основа этих взглядов различалась — во главе угла для Леонтьева стояла эстетика, недопустимость «всесмешения», тогда как для Фуделя сословность составляла часть фундамента государства, которое, в свою очередь, необходимо для существования церкви и, соответственно, реализации нравственно-культурного идеала³⁰⁹.

Как наставник, Леонтьев порой вел себя достаточно властно и прибегал к некоторого рода манипулированию: «"Благовест" сделал Вам прямо вызов написать, что именно мы с Соловьевым прибавили полезного к Славянофильскому "Наследству отцов". <...> Только уж я вам по душе напрямки скажу: если будете писать, отвечая на этот вызов (по-моему очень любезный даже) — то прежде пишите обо мне, а потом об Соловьеве; иначе я обижусь жестоко»³¹⁰. Но полного созвучия мысли не происходило. К одному из писем Фуделя Леонтьев оставил такую заметку на полях: «Понимания от вас мне мало; и Астафьев, и Грингмут, и многие понимают меня; <...> мне сочувствие идее нужно»³¹¹.

³⁰⁸ Фудель — Леонтьеву. 11—14 октября 1888 // Преемство от отцов. С. 111-112.

³⁰⁹ Фудель писал: «Для Православной Церкви необходимо опираться на крепкую империю; для крепости монархии необходима сословная организация; стало быть я с своей стороны поддерживаю сословную организацию государства. Видите, какая моя логика. Нравится она Вам или не нравится, но в этом я по существу с Вами не расхожусь» / Фудель — Леонтьеву. 28 февраля 1891 г. // Преемство от отцов. С. 291.

³¹⁰ Леонтьев — Фуделю. 4 декабря 1890 г. // Преемство от отцов. С. 247-248.

³¹¹ Фудель — Леонтьеву. 25 мая 1890 г. // Преемство от отцов. С. 215.

Между ними существовали разногласия в оценках ряда современников. Так, из писем рубежа 1880–1890-х гг. можно выяснить, что тогда Фудель не разделял всепрощающих симпатий К.Н. Леонтьева к В.С. Соловьеву. Он испытал на себе его влияние, однако, с укреплением мировоззрения на православной почве, уже не мог воспринимать его как прежде: «Теперь я не могу относиться к нему иначе как к еретику. Могу о нем сожалеть, могу даже любить, как заблудшую овцу, но и обязан бороться с ним всеми силами, поскольку он вносит в Церковь ересь и смятение. Это с богословской стороны. А с нравственной — В. Соловьев ужасно много теряет в глазах всех благородных людей своими некрасивыми поступками в публицистике»³¹². Но в 1890-х годах «совершенно ясно определился перелом во взглядах Вл. Соловьева»³¹³, а значит, и смягчилась оценка Фуделя, также знавшего Соловьева лично³¹⁴.

В переписке друзей Соловьеву было уделено так много места, как никому другому из мыслителей. Особенно усердствовал Леонтьев: учение В. Соловьева, «впервые в России осмелившегося хвалить Рим», для него «есть прекрасный противовес — морально-протестантским симпатиям Славянофилов»³¹⁵. Разумеется, в письмах к Фуделю он высказывался о Соловьеве и критически: «Я сам ужасно недоволен им за последние 3 года. — То есть с тех пор, как он вдался в эту ожесточенную и часто действительно недобросовестную полемику против Славянофильства. — Недоволен самим направлением; недоволен злорадным и ядовитым тоном; несомненной наглостью подтасовок. — Не согласен даже с тем, что — Соединению Церквей так сильно может мешать своеобразное, национальное развитие России, как он думает»³¹⁶.

Такие недостатки сильно тревожили Леонтьева. Но вся эта критика смягчалась снисхождением к личности и «гению» Соловьева и растворялась на многих листах переписки в попытках понимания, оправдания, интерпретации...

³¹² Фудель – Леонтьеву. 4–8 января 1891 г. // Преемство от отцов. С. 258.

³¹³ Фудель И.И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // К. Н. Леонтьев. Pro et contra... Т. 1. С. 404.

³¹⁴ Дурьлин С. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 396.

³¹⁵ Леонтьев – Фуделю. 6–23 июля 1888 г. // Преемство от отцов. С. 91.

³¹⁶ Леонтьев – Фуделю. 19 января — 1 февраля 1891 г. // Преемство от отцов. С. 265.

Леонтьев надеялся, что брошенные Соловьевым семена «начнут приносить обильную жатву (*реальными и здоровыми* сторонами учения)», и вопрошал, не простят ли тогда ему «все его *извороты*, или его *мечтательные бредни*»³¹⁷? К слову, незадолго до смерти Леонтьев испытал болезненное разочарование в Соловьеве под воздействием полемики, разыгравшейся в «Московских ведомостях» вокруг его реферата «Об упадке средневекового миросозерцания» (читанного в заседании Московского Психологического Общества 19 октября 1891 г.) и даже думал написать ему гневное письмо, но не успел: «Эти последние дни были решительно отравлены раздражением, дошедшим до озлобления, против человека, которого он так искренно любил, уважал и так высоко ставил. <...> Все это бурное и страстное негодование выливалось только в письмах к единомышленникам; самому Соловьеву Леонтьев не писал ни строчки, все ожидая появления реферата в печати, "чтобы написать ему письмо, яко мытарю и язычнику". Но так и не дождался»³¹⁸.

Между тем статью Вл. Соловьева на смерть Леонтьева Фудель считал наиболее точной среди каких-либо о нем написанных, а самого Соловьева – человеком, понявшим самую суть Леонтьева, его душу³¹⁹ (важно и то, что сам Соловьев писал о статье Фуделя «Культурный идеал К. Леонтьева», что «это совершенно верный взгляд на Леонтьева»³²⁰). Фудель, даже спустя почти четверть века после этой публикации, высказал свое полное одобрение выраженной в ней оценки: «Статья так продумана с начала до конца и так справедлива по существу выраженного взгляда на умственную деятельность Леонтьева, что до сих пор она, по моему мнению, является лучшею из всего, что написано о Леонтьеве. <...> Указав на *коренной недостаток [выделено мной – Н.В.]* в проповеди Леонтьева, Соловьев считает долгом справедливости упомянуть и о том, что у него было

³¹⁷ Леонтьев – Фуделю. 19 января — 1 февраля 1891 г. // Преемство от отцов. С. 270.

³¹⁸ Фудель И.И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // К. Н. Леонтьев. Pro et contra... Т. 1. С. 399-400.

³¹⁹ Там же. С. 400-401.

³²⁰ Цит. по: Половинкин С.М. И.И. Фудель // Русская философия. Энциклопедия / Под ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М., 2014. С. 742-743.

существенно хорошего»³²¹. Такая позиция говорит о многом, учитывая, что, например, такие люди фуделевского круга³²² как Ю.Н. Говоруха-Отрок и И.Л. Леонтьев-Щеглов об этой статье высказывались крайне негативно³²³.

В чем же заключался этот «коренной недостаток» проповеди Леонтьева, с которым был согласен Фудель? Для ответа на этот вопрос обратимся к статье Соловьева. Подробно разбирая сущность леонтьевского «византизма», он писал: «В этой политической философии религиозный элемент, очевидно, не имел того безусловного значения и не занимал того центрального места, какое принадлежало ему в личном чувстве автора, половину жизни мечтавшего о монашестве и осуществившего эту мечту незадолго до своей смерти. Такое раздвоение между простою субъективной религиозностью и объективным культурным идеалом смешанного характера с преобладанием мирских элементов отнимало всю силу у проповеди Леонтьева. <...> Истинный идеал должен относиться к тому, что вечно. Но вечно для нас, по мнению Леонтьева, только личное существование за гробом, а оно ведь нисколько не связано ни с какими культурными элементами — политическими, экономическими или художественными. Спасать свою душу можно при всяких условиях, и для того, кто этим занят, такие вопросы, как взятие Царьграда, возрождение русского дворянства и основание новой охранительной цивилизации, совершенно не нужны и не интересны. <...> Но проповедуемый Леонтьевым идеал сложной принудительной организации общества не имеет ни вечного достоинства, ни минутной приятности. О нем можно рассуждать с точки зрения исторических вероятностей, но жить и умирать ради него решительно невозможно. Сам Леонтьев, конечно, забыл о нем, когда как искренно верующий христианин готовился к смерти»³²⁴.

Из согласия Фуделя с такой оценкой, мы вполне можем заключить, что он открыто подписался под признанием несостоятельности «византизма» (пожалуй,

³²¹ Там же. С. 400.

³²² Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 21. Об.

³²³ Фетисенко О.Л. Гептастилисты... С. 370.

³²⁴ Соловьев В.С. Памяти К. Леонтьева // К. Н. Леонтьев. Pro et contra... Т. 1. С. 24-25.

центральной идеи леонтьевской историософии). Вопрос о полноценном идейном преемстве, при таком выводе, снимается. Теперь становится понятным, что Фудель в своих статьях подразумевал под «крайностями» Леонтьева, и почему он еще в 1890 г. говорил, что нельзя «видеть у Вл. Соловьева одни только "папешские стремления", а у К. Леонтьева один только "византизм" и из-за их увлечений презрительно относиться ко всему, ими написанному»³²⁵.

Учитывая различие направлений и литературных судеб Соловьева и Леонтьева, в 1917 г. Фудель даже счел возможным сравнить пути этих писателей и обнаружил в них общие точки: «Оба к концу жизни глубоко разочаровались не в своем идеале, а в возможности его достижения, его реализации здесь. <...> Оба были утописты, искавшие только точку опоры, чтобы своим рычагом повернуть ход мировой истории. <...> Оба выросли из одной почвы, имели общие корни в нашем славянофильстве. Пути их были совершенно различны до противоположности, но кончили оба одним и тем же: сознанием, что всемирная история уже кончилась и что единственно, что важно теперь каждому из нас, — это "чаще быть ближе к Господу, если возможно, всегда быть с Ним», как сказал незадолго до своей смерти Соловьев, или «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати», как неоднократно повторял К. Леонтьев. Оба они в своих взглядах были совершенно самобытны, независимы, внепартийны, но в средствах выражения этих взглядов были связаны один с либеральными, другой с консервативными органами печати совершенно случайно и неестественно. Оба обладали даром художественного прозрения, доходившего до пророческого ясновидения: и сколько предвидений этих мыслителей уже исполнилось! Особенно это надо сказать о Леонтьеве. Наконец, оба были лично религиозными людьми, "мистиками", как иногда иронически говорят люди противного склада мышления»³²⁶. По мнению Фуделя, отношения двух мыслителей явили собой «трогательный и редкий пример сердечного влечения друг к другу людей не

³²⁵ Фудель И.И. Преемство от «отцов» (Письмо к кормчему «Благовеста») // Благовест. Вып. 5. 1890. 15 окт. С. 157.

³²⁶ Фудель И.И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев... С. 407-408.

только не единомысленных, а совершенно несходных даже до противоположности»³²⁷.

Если расхождения Фуделя и Леонтьева во взгляде на Соловьева в их переписке во многом обуславливались влиянием «личного фактора», взаимной сердечной приязни последних, то взгляды на Льва Толстого различались скорее по причине ярко выраженного эстетического чувства Леонтьева. Фудель вспоминал об этом следующее: «К Л. Толстому-художнику у него была слабость, и ради этого он снисходительно-мягко относился к Толстому-философу последнего периода его жизни. Я ни разу не слышал от него грубых выражений по адресу Л. Толстого или "ярости" по поводу его противоцерковных мнений, как это бывало всякий раз, когда Леонтьев громил мещанскую, безбожную хамскую "Европу". Рассказывал он мне, как Л. Толстой посетил его, когда был в Оптиной у о. Амвросия. "Говорили мы с ним часа два, но спокойно говорили; впрочем, Толстой несколько горячился, когда касались церкви и Православия. И закончил он свои доводы словами: вот я пью воду Евангелия прямо, непосредственно, а вы ее пьете через фильтр, который держит в руках поп или грязный монах". Так передавал мне Константин Николаевич, и лицо его при этом сделалось грустным, задумчивым. Он "жалел" великого писателя»³²⁸. Такую же «слабость» Леонтьев испытывал и к А.И. Герцену: «Это был его любимый писатель в молодые годы. И тогда он ценил не революционные его выходки, не критику русского строя, не "Колокол", а его беспощадную критику среднего мещанства Европы, ее "буржуйности", выражаясь современным языком»³²⁹.

Одним из ярких примеров, обнажающих важную несовпадающую грань мировоззрений двух друзей, является полярно противоположное восприятие ими творчества Ф.М. Достоевского. Юного Фуделя, как и многих других его современников, прочтение «Пушкинской речи» привело к повороту в сознании и послужило началом прихода к вере³³⁰. Эта речь стала лейтмотивом его «Писем о

³²⁷ Там же. С. 401.

³²⁸ Фудель И.И. Мое знакомство с К. Леонтьевым... С. 460.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Фетисенко О.Л. Достоевский, «русские мальчики» и «православные

современной молодежи». В других своих брошюрах Фудель также не раз прибегал к этому писателю³³¹. Направление Достоевского, его «народничество» (несвойственное Леонтьеву) определенно было созвучно идеям Фуделя, вдохновляло его деятельность.

Правда, стоит учитывать и то, что написал Фудель незадолго до смерти в 1918 г.: «Еще тогда 30 лет тому назад Леонтьев видел в душе народа те звериные чувства, которые с такой силою проявились наружу только в эти годы. И тогда отмечая в своем рассказе тот или иной факт, он предвидел и предсказывал грядущий шквал беспощадного всероссийского разрушения и бессмысленной жестокости и добавлял всякий раз: "поднял бы я тогда из могилы Федора Михайловича и заставил бы посмотреть на народа "богоносца"". Только теперь я вижу, как в том был прав Константин Николаевич»³³². Эти горькие строки объясняются не только «победой» Леонтьева. Все нарастающее революционное бурление явно не отвечало надеждам и чаяниям в духе Достоевского и тому стремлению к религиозному воспитанию, о котором всю жизнь радел сам Фудель. Его близость к Достоевскому (антиподу Леонтьева) отрицать нельзя. Не исключено, что эта душевная склонность передалась и его сыну – Сергею Фуделю, большому почитателю творчества Достоевского, в советское время написавшему о нем книгу³³³.

Хорошо известно, что разоблачению «розового христианства» Достоевского Леонтьев посвятил не одну статью³³⁴. Его отношение к «Пушкинской речи» было резко критическим, в ней он почувствовал «мало истинно религиозного – гораздо меньше, чем в романе "Братья Карамазовы"», и называл ее «космополитической, весьма обычной по духу в России выходкой» на празднестве, устроенном всецело

немцы» («Годы учения» Иосифа Фуделя) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2010. С. 203–221.

³³¹ См., например: *Фудель И.* Нравственно-культурное значение учительства. М., 1904.

³³² *Фудель И.И.* Мое знакомство с К. Леонтьевым... С. 461.

³³³ *Фудель С.И.* Наследство Достоевского. М., 2016.

³³⁴ См., напр.: *Леонтьев К.Н.* Достоевский о русском дворянстве // «Гражданин». 1891. № 204-206. *Он же.* Наши новые христиане: Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой (по поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы?»). М., 1882.

по-европейски³³⁵. Заметим, что сам Достоевский так определял причины этой критики: «Тут кроме несогласия в идеях, было сверх того нечто ко мне завистливое. Да едва ли не единое это и было»³³⁶. Не исключено, что Достоевский ссылаясь на мотив зависти в том смысле, что «Варшавский дневник», где печатался Леонтьев, не состоялся в качестве проводника его идей и не имел популярности подобно «Дневнику писателя»³³⁷. «Пушкинская речь» разделила Леонтьева и Достоевского навсегда.

Отдавая должное уму, таланту, честности и доброте Достоевского, Леонтьев считал его влиятельным и даже полезным (особенно для молодых людей) «моралистом», но этого морализма Леонтьеву было явно недостаточно. «Демократический и либеральный прогресс верит больше в принудительную и постепенную исправимость всецелого человечества, чем в нравственную силу лица. Мыслители или моралисты, подобные автору "Карамазовых", надеются, по-видимому, больше на сердце человеческое, чем на переустройство обществ. *Христианство же не верит безусловно ни в то, ни в другое – то есть ни в лучшую автономическую мораль лица, ни в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле*» – объяснял Леонтьев³³⁸. В проповеди Достоевского он видел исключительно слабую и внецерковную мораль: любовь – без страха Божия, личность – без формы, Евангелие – без Церкви; «ему еще нужно бы учиться (просто у духовенства), а он спешил учить!»³³⁹.

Будучи твердым противником мечтаний о всемирной гармонии, Леонтьев отдавал предпочтение Соловьеву перед Достоевским: «Весьма полезно будет тотчас после уверений Достоевского и Соловьева, что "небесный Иерусалим" сойдет на землю, прочесть взгляды Епископа Феофана <...> Он говорит —

³³⁵ Леонтьев К.Н. О всемирной любви (Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике) // Леонтьев К. Собр. соч. М., 1911. Т. 8. С. 175-215.

³³⁶ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 14 т. СПб., 1883. Т.1. С. 369.

³³⁷ Белкина О.А. Пушкинская речь Ф. М. Достоевского в восприятии К. Н. Леонтьева // Русская литература. 1992. №3. С. 143-144.

³³⁸ Леонтьев К.Н. О всемирной любви (Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике) // Леонтьев К. Собр. соч. М., 1911. Т. 8. С. 175-215.

³³⁹ Там же.

совершенно другое и, разумеется, под этими его рассуждениями подписались бы как покойные Епископы Алексей и Никанор и т. д., так и все Оптинские и Афонские старцы. — А когда Достоевский напечатал свои надежды на земное торжество Христианства в "Братьях Карамазовых", то Оптинские иеромонахи, смеясь, спрашивали друг друга: "Уж не вы ли, Отец такой-то, так думаете?". Духовная же Цензура наша прямо запретила особое издание учения Отца Зосимы; и нашей было предписано сделать то же. — ("Ибо, сказано было — это может подать повод к новой ереси"). Вот в чем уже вовсе не прав Вл. Соловьев (вместе с Достоевским) — в этой явной ереси; а в стремлении к Католицизму — гораздо меньше вины»³⁴⁰.

Фудель подчеркивал противоположность взглядов, проповеди и стиля Достоевского эстетическим представлениям Леонтьева, откуда и проистекало непонимание его творчества: «Его [*Достоевского – Н.В.*] он положительно не переносил. Романов его он не любил и художественное творчество не понимал. Да иначе и быть не могло, потому что нельзя же представить что-либо более противоположное в характере творчества и стиля, чем Пушкин и Лев Толстой с одной стороны и Достоевский с другой. Для Леонтьева же все герои Достоевского были только сумасшедшие или же хамы <...> Болезненно отзывалось в душе Леонтьева то, что противоположные ему взгляды получают такое широкое распространение благодаря популярности Достоевского. Я разумею здесь речь на Пушкинском празднестве и многие места из «Дневника». Проповеди «всечеловечества» не мог простить Леонтьев, также как и розового христианства, расплывающегося в одной бесконечной морали. Это было плоско, бесцветно и бессильно. Не мог согласиться Леонтьев и с идеализацией Достоевским русского народа»³⁴¹.

Особенно показателен тот факт, что после смерти Леонтьева в печати, где Фудель выступал уже не как философствующий интеллигент, а как христианский проповедник, он практически никогда имя Леонтьева не упоминал (за

³⁴⁰ Леонтьев – Фуделю. 19 января — 1 февраля 1891 г. // Преемство от отцов. С. 288.

³⁴¹ Фудель И.И. Мое знакомство с К. Леонтьевым... С. 459-460.

исключением статей, прямо посвященных его памяти), зато отсылал читателя к любимому им Ф.М. Достоевскому, к ранним славянофилам, С. А. Рачинскому, даже к В. Соловьеву³⁴². Издание сочинений Леонтьева шло как-то особняком от остальной деятельности. Можно заметить, что в публицистике Фуделя шли параллельно две линии – проповедническая неославянофильская (истоки которой заметны еще в «Письмах», и которая впоследствии будет «очищена» до чисто христианской) и леонтьевская (посвященная его популяризации).

Важно и то, что в последующие годы Фудель старался обходить стороной политические темы, отдалился он и от сферы общественной мысли, так и не написав работы ни о славянофилах, ни о Леонтьеве. Главный его интерес всегда лежал в плоскости проблем религиозно-нравственных. Мы не можем согласиться с В.В. Розановым, утверждавшим, что «Фудель <...> воспроизвел Леонтьева в себе, как деревянная доска – гравюру с живого дерева (= Леонтьева). Именно на Фуделе, может быть, лучше всего проследить: “Ну, что же вышло бы с идеями Леонтьева *вне Леонтьева?* Вне его *личной доброты* [выделено автором – Н.В.] и таинственно с монашеством сопряженного эллинского эстетизма?»³⁴³. Впрочем, отношение Розанова к Фуделю было переменчиво. Он мог назвать его в глаза «литературным пустоцветом»³⁴⁴ или дать в прессе не слишком комплементарную характеристику: «Фудель очень умный, сурово умный человек, но без блеска, без аромата, без гениальности <...> Фудель в самом христианстве понимает только суровость, черствость и дисциплину»³⁴⁵. А мог писать в личном письме: «Кажется, писал я Вам и еще раз повторяю, что Вы пишете очень хорошо - Ваши статьи всегда сообщают живейший интерес книжкам «Русского Обозрения» –

³⁴² См.: *Фудель И.И.* Основы церковно-приходской жизни. М., 1894; *Он же.* Народное образование и школа. М., 1897; *Он же.* Святая Русь. Речь при открытии Общеобразовательных чтений для рабочих г. Москвы. М., 1902; *Он же.* Нарвственно-культурное значение учительства. М., 1904 и др.

³⁴³ Переписка В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 13: Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Ред. А.Н. Николюкин. М., 2001. С. 330-331.

³⁴⁴ *Фудель С.И.* Воспоминания. С. 48.

³⁴⁵ *Розанов В.В.* Из переписки К.Н. Леонтьева / С предисл. и примеч. В. Розанова // Русский вестник. 1903. Апрель. С. 645.

конечно – практика жизни есть более святое и нужное дело, чем литература»³⁴⁶ или даже мечтать в конце жизни выдать одну из дочерей за его сына³⁴⁷.

У Фуделя не было согласия с Леонтьевым касательно богословских вопросов. «Вообще я замечаю, что в политических вопросах между нами нет разногласия, *здесь мы единомышленники и я Ваш ученик [выделено мной – Н.В.]*, но в вопросах богословских мы очень часто расходимся и будем расходиться. Впрочем, это для Вас не может иметь значения, так как Вы — политический мыслитель, а не богослов; для меня имеет больше значения, так как мне хотелось бы, чтобы и в этом разногласия между нами не было» – писал он, отмечая при этом учительство в плане «политики»³⁴⁸. Самым всеобъемлющим влиянием, фундаментом мировоззрения Фуделя было учение Православной церкви. Он принял его всецело и поставил во главу жизни.

И Фудель, и Леонтьев – это вернувшиеся в Церковь интеллигенты (причем обращение Фуделя произошло в более раннем возрасте). Однако дальнейшее развитие и характер их приверженности к Церкви различались. В основе миропонимания Леонтьева лежала «эстетика жизни», в ней сплетались узлы его противоречий, к ней сходились его и политические, и религиозные воззрения. Замечательно, что жизнь в монастыре отвечала не только его религиозным потребностям, но и эстетическим: «На Афоне и в Оптиной он находил несравненно больше поэзии и красоты, чем в современном буржуазном обществе. <...> Если бы возможно было превращение всей России в Афон, если бы возможно было на земле осуществление культурного идеала на почве чисто религиозной, то этому идеалу первый стал бы служить К. Леонтьев со всею силой своей великой души» – писал Фудель³⁴⁹. Многогранность Леонтьева он хорошо объяснил в одной из статей о нем: «Защита им сословного строя государства вытекает необходимо из эстетического принципа, приложенного к государственной жизни. Так как закон красоты есть разнообразие в единстве, то

³⁴⁶ Розанов В.В. – Фуделю И.И. Декабрь 1895 г. // Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С. 548.

³⁴⁷ Фудель С.И. Воспоминания. С. 101.

³⁴⁸ Фудель – Леонтьеву. 28 февраля 1891 г. // Преемство от отцов. С. 296.

³⁴⁹ Фудель И.И. Культурный идеал К. Леонтьева // Русское обозрение. 1895. Янв. С. 257–280.

для сохранения поэзии жизни необходимо сохранение всего того, что обуславливает это разнообразие. «Эстетика жизни, — говорил К. Леонтьев, — поэзия действительности невозможна без того разнообразия положений и чувств, которое развивается благодаря неравенству и борьбе». С другой стороны, тот же сословный строй необходим для крепости государства безотносительно от эстетики жизни; эту мысль К. Леонтьев развил и доказал в своем «Византизме и Славянстве» (закон триединого процесса). Но крепость государства, в свою очередь, необходима опять-таки для развития красоты жизни, потому что «государственная сила есть скрытый железный остов, на котором великий художник — история лепит изящные и могучие формы культурной человеческой жизни»³⁵⁰.

Принять такой взгляд Фудель не мог. Еще не будучи священником, он изложил Леонтьеву свои существенные возражения на этот счет, которые не смягчились в течение всей жизни: «...Эстетический принцип предполагает непременно более или менее сильное развитие демонических начал, ибо главным образом эстетично то, что чувственно, а это в свою очередь греховно... Я сам лично не выбираю между эстетикой и моралью и раздвоений в моем существе нет и не было. — Точно также не выбираю я и между эстетикой и религией. Если бы я был неверующим, вроде любого современного «либерала», — то, конечно, при свойственной мне последовательности я был бы эстетиком по преимуществу и клал бы эстетику в основу идеала... Но, к счастью, я верующий и вера есть для меня не только Истина, но и Жизнь, наполняющая своим содержанием все мои стремления. И выбора между верой и эстетикой не может быть не только в личной моей жизни, но и в общественных стремлениях. — Я как-то не могу отделить своего личного от неличного, и для спасения моих братьев я должен желать для общественной жизни как можно меньше демонических начал. — Поэтому я свой общественный идеал строю на религиозном принципе»³⁵¹. Таким

³⁵⁰ Там же. С. 257–280.

³⁵¹ Фудель – Леонтьеву, 11—14 октября 1888 г. // Преемство от отцов. С. 110-111.

образом, эстетическому принципу Леонтьева Фудель противопоставлял религиозный.

Ожидания юности, увы, будут перемолоты временем, несущим совсем другие идеалы. «Торжество «хама» во всех областях жизни такое полное, стремление к демократизации у всех такое бессознательно-бешеное, а самое «уравнение» и «всеобщее смешение» идет такими гигантскими шагами, что, если бы теперь К. Леонтьев встал из гроба, он ничего не сказал бы, а только махнул бы рукой и опять лег в могилу» – писал Фудель о том, как сбываются пророчества Леонтьева в 1910 г.³⁵². Хотя в жизни отец Иосиф переживал тяжелые разочарования, в публичную сферу он главным образом выносил посильный созидательный труд. Время все же не повергло его в отчаяние – славянофильские мечты растворились³⁵³, но окреп христианский идеал, не умер тот «оптинский дух»³⁵⁴, который отмечали в Фуделе современники. Испытываемые им в конце жизни апокалиптические настроения не были в начале XX века чем-то исключительным.

В этой связи примечателен взгляд Фуделя на судьбу В.С. Соловьева: «И вот «леонтьевское» настроение глубокого пессимизма к земным вещам стало вместе и соловьевским в последние годы его жизни. Я не хочу сказать, что это есть результат влияния Леонтьева. Такие коренные перемены и переломы в мировоззрении писателя никогда не совершаются под влиянием кого-либо одного. Они — результат пережитого, передуманного за многие годы, выстраданного под противодействием и ударами самой жизни. Но, конечно, в общей сумме воздействующих влияний на крушение веры Соловьева в земной прогресс свою долю имел и Леонтьев»³⁵⁵. Эта взвешенная позиция для нас знаменательна, потому что Фудель явно понимал, о чем писал, и вряд ли мы удалимся от истины, если предположим, что то же самое он мог бы сказать и о значении Леонтьева в собственной жизни.

³⁵² Фудель И.И. Судьба К. Н. Леонтьева // Московские ведомости. 1910. 12 нояб., №261. С. 1.

³⁵³ Фудель С.И. Воспоминания. С. 59.

³⁵⁴ Там же. С. 28.

³⁵⁵ Фудель И.И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев... С. 405.

В своих статьях о Леонтьеве, даже еще при его жизни, Фудель не раз говорил о присущих ему «крайностях» и «парадоксах» (за что тот неоднократно с досадой его упрекал). Важно и то, что Фудель вообще не считал Леонтьева философом – для него он, главным образом, «художник мысли» (такое определение нравилось и самому мыслителю). Вот какова его характеристика: Леонтьев «не публицист в прямом смысле этого слова, ни тем менее философ; напрасно мы стали бы искать в его сочинениях какой-либо системы ... Он мыслит образами, и яркие картины, которые могли бы служить хорошею иллюстрацией доказанной мысли, очень часто заменяют ему всякие логические доказательства»³⁵⁶. Такая форма оценки если не оправдывает мыслителя, то призывает его «судей» к снисхождению.

Леонтьев в своем творчестве доходил до противопоставления крайних идей, ставил эстетику в основу всего, выступал апологетом самодержавного сословного государства и отстаивал жестокость «иногда и до свирепости»³⁵⁷, что, очевидно, дало повод священнику К.М. Аггееву, рассматривавшему в своей диссертации богословские взгляды Леонтьева, заключить, что «Христа нет в его системе»³⁵⁸. Однако Фудель, в отличие от Аггеева лично знавший Леонтьева, такую оценку не одобрил, справедливо полагая, что в случае с Леонтьевым не приходится говорить ни о системе, ни о богословии. Вот что он писал об этой диссертации: «Для того чтобы раскрыть свое понимание христианства, он [*К.М. Аггеев – Н.В.*] трактует К. Леонтьева как богослова. Он извлекает из его сочинений "систему", "религиозную доктрину" (почти на каждой странице эти слова повторяются) и победоносно, пункт за пунктом, разбивает эту "доктрину". Читаешь и своим глазам не веришь. Константин Николаевич Леонтьев, мысливший всегда как художник, образами, свято оберегавший простоту своей церковной веры, чтоб она была такая же, как у всякого послушника, как у любой козельской мещанки, боявшейся иметь свое мнение в этой области и поэтому смирявшей свой ум до принципа: "credo, quia absurdum", и этот человек – богослов, и у него "система",

³⁵⁶ Фудель И. Культурный идеал К. Леонтьева... С. 257.

³⁵⁷ Леонтьев – Фуделю. 6—23 июля 1888 // Преемство от отцов. С. 92.

³⁵⁸ Аггеев К. Христианство и его отношение к благоустройству земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909. С. 298.

"доктрина"! Тогда еще с большим основанием можно говорить о богословской системе Гоголя и Достоевского»³⁵⁹.

Важнейшую заслугу Леонтьева Фудель видел именно в его значимости для приближения интеллигенции к церкви, ведь к ней Леонтьев был ближе чем «славянофилы, <...> Достоевский и многие другие, которых неизвестно даже, к какому вероисповеданию причислить»³⁶⁰. «Около него был всегда кружок молодежи, искренно любившей его и сердечно привязанной к нему; многие из этого кружка обязаны К.Н. Леонтьеву своим духовным возрождением и началом своего христианского воспитания. Мы говорим началом, потому что дело К.Н. Леонтьева было только возбудить в человеке желание уверовать, узнать учение Церкви, полюбить Церковь; за дальнейшим он уж отсылал своего ученика к Оптиным старцам, или если нельзя было, то просто к хорошему священнику или монаху. Мы уверены, что ученики К.Н. Леонтьева, так многим ему обязанные, будут продолжать *эту сторону его деятельности* [выделено мной – Н.В.] и тем приумножат то добро, какое сделал К.Н. Леонтьев», – писал Фудель, по всей видимости, имея в виду и себя³⁶¹. И отсюда становится ясным, что речь идет о главном, к чему призывал Фудель, и за что он более всего ценил Леонтьева – о содействии христианскому воспитанию личности.

В этом отношении интересна параллель с Л.А. Тихомировым (который стал близким другом Фуделя уже после смерти Леонтьева), также проникшимся общением с К.Н. Леонтьевым в последние годы его жизни и также впоследствии с преклонением писавшим о нем статьи³⁶². Высоко ценя Леонтьева как человека и как мыслителя, с восторгом прочитав его «Восток, Россия и славянство» и «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни», Тихомиров все-таки отрицал коренное влияние Леонтьева на собственное мировоззрение (подобно Фуделю в его автобиографическом письме Дурылину), отмечая, что оно

³⁵⁹ Фудель И.И. Судьба К. Н. Леонтьева... С. 1.

³⁶⁰ Фудель И.И. Памяти К.Н. Леонтьева... С. 406.

³⁶¹ Там же. С. 409.

³⁶² Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. № 10.
Тихомиров Л.А. Непризнанный пророк // Московские ведомости. 1911. 30 июня.

сложилось уже до их встречи: «Сам я в это время был уже человеком вполне сложившимся, выработавшим все основы своего мирозерцания [так что он не оказал вообще никакого влияния на мои взгляды]»³⁶³. В случае этой дружбы интерес двух сторон был взаимно высоким: встретившись как единомышленники, они вынашивали замыслы на соработничество во многих вопросах³⁶⁴. При этом Фудель в оценке Леонтьева солидаризируется не только с Вл. Соловьевым, но еще больше – с Тихомировым и его статьей о философе³⁶⁵, именно от нее отталкиваясь в статье о «Культурном идеале»³⁶⁶.

Несомненно, имело место востребованное Тихомировым духовное водительство Леонтьева³⁶⁷, укреплявшее его религиозные воззрения (леонтьевские мотивы читаются, например, в статье 1892 г. «Духовенство и общество в современном религиозном движении», направленной против интеллигентских умствований в религиозных вопросах и призывающей к подчинению «авторитету Церкви» и идее собственного спасения³⁶⁸), в то же время можно усмотреть пересечения и в дальнейших идеологических построениях (касательно вопросов монархии, сословий, социализма и пр.). Тихомиров был в числе немногих почитателей Леонтьева, которые пытались примирить его доктрину сильной государственной власти и положения «чистого» славянофильства (к ним же относят, например, А.А. Киреева)³⁶⁹. В отношении этой попытки синтеза примечательно одно из писем Фуделя Леонтьеву, где он писал: «Теперь я понял ту связь, которая соединяет В. Соловьева с славянофилами; связь эта органическая, также как и Ваша связь с ними же. Только Вы стали развивать одну сторону этого учения – государственно-культурную, Соловьев – другую: о всемирно-историческом призвании России.

³⁶³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. К.Н. Леонтьев // Литературная учеба. 1992. № 1-3. С. 140.

³⁶⁴ Пуцаев Ю.В. Отношение К.Н. Леонтьева к коммунизму/социализму. О несостоявшемся «союзе социализма... с русским самодержавием и пламенной мистикой» // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 81. С. 71-88.

³⁶⁵ Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. № 10.

³⁶⁶ Фудель И.И. Культурный идеал К. Леонтьева... С. 257–280.

³⁶⁷ Фетисенко О.Л. «Гептастилистъ»... С. 450.

³⁶⁸ Тихомиров Л.А. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М., 1892.

³⁶⁹ Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX - начало XX веков). М., 2006. С. 22.

Между Вами как будто непримиримое противоречие, но в сущности работа Ваша одинакова; вы оба очищаете славянофильство и развиваете это учение. – Думаю я, что можно будет в будущем органически соединить славянофильство старое (очищенное), Ваше учение и В. Соловьева стремления. Теперь только смутно сознаю я форму этого соединения, но верю, что в будущем это будет и будет»³⁷⁰.

Таким образом, с момента знакомства большое значение для Фуделя имели продвижение и защита идей Леонтьева (причем скорее не политического, а культурно-религиозного характера), после его смерти – им двигало преимущественно стремление к сохранению памяти о Леонтьеве – как мыслителе и художнике (на протяжении с 1895 до 1910 года Фудель статей о Леонтьеве не публиковал, но занимался изданием его произведений). «Миросозерцание К. Леонтьева, как мыслителя и художника, неотделимо от его личности <...> Вряд ли можно указать иного писателя, более субъективного, чем К. Леонтьев» – писал Фудель в предисловии к собранию сочинений мыслителя³⁷¹. Подчеркиваемый им субъективизм писателя говорит о том, что разделять его мировоззрение практически невозможно, но его можно понимать: «внимательное знакомство с произведениями этого гениального человека вводит невольно в такие уголки его души, где читатель уже разгадывает кажущуюся парадоксальность его мысли и понимает умом (если даже сердце протестует) всю необходимую последовательность и внутреннюю логичность его выводов»³⁷². Этот личный, «гениальный» субъективизм унаследовать невозможно – но его можно доносить, к чему и призвана издательская деятельность.

Можно заметить, что для молодого Фуделя сначала была характерна особая увлеченность, углубленность в леонтьевские мысли, которые прояснялись им в личной переписке. Но со временем Фудель сохранил лишь христианскую идею и апокалиптическое настроение. Дальнейшая его публицистика содержательно

³⁷⁰ Преемство от отцов. С. 228.

³⁷¹ Фудель И. К. Леонтьев. Вступительная статья и предисловие редактора к Собранию сочинений К. Леонтьева. М.: Типография В. М. Саблина, 1912.

³⁷² Там же.

имела иное наполнение. Несмотря на кажущееся единомыслие, главный круг проблем у Фуделя и Леонтьева не совпадал.

Фудель искал у Леонтьева подтверждения своим ответам на «проклятые вопросы», а также – «христианского просвещения». И это последнее Фудель действительно почерпнул в общении с Леонтьевым и укрепился на своем пути. Леонтьев был для него в первую очередь христианином, а не политическим публицистом. На межличностном уровне Фудель встретил отеческое отношение со стороны Леонтьева и отвечал ему искренней взаимностью. Леонтьев значительно помог Фуделю в его личном устройении: и продвигая его в публицистике, и, главное, поспособствовав совершению решающего в его судьбе события – посвящению в священнический сан. Этой помощи Фудель был безмерно благодарен всю жизнь.

Многогранность их взаимоотношений не может исчерпываться каким-либо одним определением. Для Леонтьева Фудель был и почти сыном, и учеником, и другом, и духовным лицом (он обращался к нему «отче и друже мой»³⁷³). Для Фуделя Леонтьев – глубокочтимый наставник, близкий друг, гениальный «художник мысли». Разноплановость, мозаичность, противоречивость воззрений Леонтьева, его субъективизм (свойственный всякому автору общественной мысли) не дают возможности установить однозначного идейного преемства, говорить о Фуделе (который пошел скорее по пути пастыря, нежели публициста) как о «классическом» ученике Леонтьева, к тому же, не создавшего стройной философской системы или школы³⁷⁴.

§ 4. Решающий выбор

Решение И.И. Фуделя о священстве не только диссонировало с общепринятыми в образованных кругах представлениями о жизни, но и встретило более конкретные препятствия: оно натолкнулось как на протест матери

³⁷³ Леонтьев – Фуделю. 2 апреля 1891 г. // Преемство от отцов. С. 312.

³⁷⁴ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Винюкова Н.В.* К.Н. Леонтьев и И.И. Фудель: к вопросу о преемственности // Вопросы философии. 2019. №9. С. 150-161.

(ревностной католички)³⁷⁵, так и на скептическое отношение церковных властей к порыву молодого юриста с немецкой фамилией³⁷⁶. В первом случае пришлось уповать на родительскую милость³⁷⁷, во втором – прибегать к протекции. Впрочем, родители вскоре смирились с позицией сына: «Моя мать перестала уже противиться моим стремлениям; не угрожает более как прежде; <...> а отец мой написал мне, чтобы я делал все, что найду для себя удобным»³⁷⁸.

К тому же, в устремлении Фуделя поддерживала его жена – Евгения Сергеевна (в девичестве – Емельянова), с которой он обвенчался летом 1888 г. Именно она была, по словам Фуделя, тем «простым человеком (не ученым, но истинно Православным), который и помог» ему «твердо стать на почве церковной»³⁷⁹. Будучи примером глубокой женской религиозности, Евгения Сергеевна, однако, также происходила не из среды духовенства – она была дочерью московского поверенного по частным делам. «Она – тот самый человек, который 3 года тому назад оказал на меня самое отрезвляющее действие, вразумил меня и толкнул на ту дорогу, по которой иду и теперь <...> Вообще, в нашей семье она представляет более консервативный элемент, а я более либеральный: из столкновения мнений получается истина» – писал Фудель в 1888 г.³⁸⁰

Уже в 1888 г. через К.Н. Леонтьева Фудель испросил благословение Амвросия Оптинского о священстве. Старец советовал ему прямо обратиться к Московскому Митрополиту, полагая, что «экзамена трудного <...> не предстоит;

³⁷⁵ «Страшными заклинаниями запрещает она мне хлопотать о священстве и говорит, что не даст на то своего согласия. Но это еще ничего, а самое главное вот что: она говорит, что если я сделаюсь священником, то ей ксендзы никогда не дадут Св. Причастия...» - писал Фудель Леонтьеву 5 марта 1889 г. // Преемство от отцов. С. 126.

³⁷⁶ Фудель – Леонтьеву. 15 апреля 1889 г. // Преемство от отцов. С. 137.

³⁷⁷ «Для пояснения своего положения я должен сказать, что характер у моей матери ужасно горячий, вспыльчивый, легко увлекающийся и все преувеличивающий; но она способна также легко остыть, как и вспыхнуть, и согласиться с тем, против чего раньше боролась и восставала. Это у меня не первый случай в жизни, что она всеми силами восстает против какого-либо моего шага, а затем обыкновенно она соглашается и мирится со мною. Основываясь на этом, я думаю, что и в данном случае она в конце концов согласится на мое посвящение; так несомненно будет, тем более, что мой отец не против меня «в принципе»» – объяснял Фудель Леонтьеву в письме 5 марта 1889 г. // Преемство от отцов. С. 126.

³⁷⁸ Фудель – Леонтьеву. 15 апреля 1889 // Преемство от отцов. С. 140.

³⁷⁹ Фудель – Леонтьеву. 2 апреля 1888 // Преемство от отцов. С. 64.

³⁸⁰ Фудель – Леонтьеву. 18 августа 1888 // Преемство от отцов. С. 101.

а главное <...> чтобы твердо знал пространный Катехизис Филарета»³⁸¹. Юноша последовал этому совету, но судьба ему не улыбнулась – он получил отказ, столкнувшись с проявлением национализма со стороны митрополита Московского Иоанникия (Руднева): «Шел я к владыке с надеждой, вышел от него без всякого желания занять место в его митрополии; думал найти у него хоть каплю живого сочувствия, а нашел такое сухое и холодное отношение к своему делу, которое способно расхолодить самое горячее чувство. Выражение лица владыки в то время, когда он услышал мою несчастную фантастическую фамилию, заставило горько сжаться мое сердце, и уж одно это не позволит мне более ни в каком случае обратиться за помощью к этому же Митрополиту. Нет, уж лучше к какому-нибудь Алеутскому епископу пойду за советом и помощью, чем к сухому, официально-холодному владыке Иоанникию»³⁸². Только благодаря связям и рекомендательным письмам К.Н. Леонтьева, Фудель с успехом обратился за содействием к К.П. Победоносцеву, В.К. Саблеру, Т.И. Филиппову, а через последнего, оказавшего решающую помощь, – к архиепископу Литовскому и Виленскому Алексию (Лаврову-Платонову), который и совершил посвящение.

Вот какой случай накануне принятия священства описал его сын: «Мой отец <...> жил со своей молодой женой где-то около Сивцева Вражка. Случилось так, что их знакомая — монахиня Заиконоспасского монастыря³⁸³ — впала в тяжелый плотской грех, в результате чего была изгнана из монастыря, подверглась многим поношениям и лишилась всякой поддержки. Была она молодая красавица. Моя мать особенно запомнила, что волосы у нее были почти до полу. И вот приходит мой отец домой и говорит, что деваться ей некуда и что надо ей помочь. «Будешь ли ты против, — спросил он, — если мы приютим ее у себя?» — «и тут, — рассказывает мне мать, — я заплакала и бросалась ему на шею в чувстве какой-то благодарности». Так изгнанная поселилась у них и была опекаема. Мой отец не

³⁸¹ Леонтьев – Фуделю. 4 декабря 1888 г. // Преемство от отцов. С. 116.

³⁸² Фудель – Леонтьеву. 15 апреля 1889 г. // Преемство от отцов. С. 137.

³⁸³ С. Фудель, вероятно, ошибся, поскольку упомянутый им монастырь – мужской.

был ни в семинарии, ни в академии, но можно сказать, что тут он сдал свой экзамен и мог ехать принимать священство»³⁸⁴.

«Кто более священника может принести добра ближним, добра действительного, существенного, а не призрачного и притом известным, определенным лицам, а не какому-то туманному человечеству!» – восклицал Фудель будучи уже иереем³⁸⁵. Однако стоит отметить, что решение стать священником не было исключительно проявлением «народнических» увлечений, за ним, прежде всего, стояла религиозная идея. Не получив разрешения у Московского митрополита, Фудель посчитал для себя действительно полезным обосноваться вдали от столичной жизни с тем, чтобы сперва совершенствоваться самому. О серьезном настрое юноши говорят, в частности, эти строки, написанные им К.Н. Леонтьеву за три месяца до принятия сана: «...Да могу ли еще я оказывать теперь какое-либо влияние, когда я сам еще не вырос из-под чужого влияния? Знаний у меня никаких, хорошего я очень мало читал, твердые убеждения по многим вопросам еще не сложились. <...> Так не сердитесь же на то, что я хочу избежать центров умственной жизни и хочу поближе к центрам духовным, где мог бы силами позаимствоваться, да созреть для «будущего» влияния, если только мне суждено «влиять». А в деревне хотелось бы пожить мне не ради «народничества», не ради особого «подвига», а ради своего душевного спокойствия, ради тех же причин, почему Вы убежали из Москвы и поселились в Оптиной. <...> Быть священником при монастыре, на мой взгляд, завидная участь»³⁸⁶. Впоследствии Фудель был определен служить в Северо-Западный край, но не в монастырь, а в кафедральный собор Белостока³⁸⁷.

Говоря о монастыре, Фудель имел в виду недавно основанный Леснинский женский монастырь, куда предложил ему устроиться А.М. Иванцов-Платонов (к которому Фудель обращался за консультацией), так как настоятельница обители

³⁸⁴ Фудель С.И. У стен Церкви. Моим детям и друзьям. М., 2012. С. 154-155.

³⁸⁵ Фудель – Леонтьеву. 17 сентября 1889 г. // Преемство от отцов. С. 162.

³⁸⁶ Фудель – Леонтьеву. 5 марта 1889 г. // Преемство от отцов. С. 125.

³⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 194.

Екатерина (Ефимовская) предложила свое содействие³⁸⁸. Личность игуменьи весьма замечательна: некогда графиня, получившая блестящее образование (сдавшая экзамен по русской литературе при Московском университете), близко знакомая с семьей Аксаковых, преподававшая в школе известного подвижника народной школы С.А. Рачинского, – приняв монашество и основав особый «деятельный» монастырь, – она всю жизнь посвятила делу религиозно-нравственного просвещения и благотворительности, превратив Леснинский монастырь в крупный культурный и духовный центр Холмского края³⁸⁹. Позднее Фудель сблизится с матушкой Екатериной как своей единомышленницей, в своих работах он будет ссылаться на опыт ее деятельности как яркий ориентир в деле христианского просвещения³⁹⁰.

Был и еще один мотив тому, чтобы отправиться священником на окраины – желание быть ближе к семье и иметь возможность духовно на нее влиять: «Тянет меня в Варшавскую епархию и очень сильно тянет <...> Родители мои живут в Варшаве; там же и братья мои <...> Питаю надежду, что Господь пошлет силы в будущем для просвещения моей матери-католички; да и братья мои, находящиеся теперь почти без всякого религиозного воспитания, нуждаются в некотором влиянии на них старшего брата. Это дело такое, которое ближе всякого другого мне к сердцу и исполнить которое мне хотелось бы больше всего»³⁹¹. 6 июня 1889 г. И.И. Фудель был уволен со службы согласно прошению по семейным обстоятельствам³⁹². А 9 июля 1889 он был рукоположен в диакона, а 16 июля – во священника, Архиепископом Литовским и Виленским Алексием³⁹³.

Отметим неординарность столь скорого назначения юноши из обер-офицерских детей, не имеющего духовного образования. Очевидно, что без помощи К.Н. Леонтьева посвящение И.И. Фуделя могло не состояться. Окончательное определение места службы – в городе Белостоке, вероятно,

³⁸⁸ Фудель – Леонтьеву. 5 марта 1889 г. // Преемство от отцов. С. 124.

³⁸⁹ Анашкин Д.П. Екатерина (Ефимовская) // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 117-118.

³⁹⁰ Фудель И.И. Наше дело в Северо-Западном крае. М., 1893. С. 29-38.

³⁹¹ Фудель – Леонтьеву. 15 апреля 1889 // Преемство от отцов. С. 140.

³⁹² ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 19.

³⁹³ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 192.

учитывало и происхождение Фуделя, детство которого было связано с западными землями (ведь родом он как раз из Гродненской губернии). Сперва Фудель «обучался» в Свято-Духовом монастыре в Вильне, где в течение двух недель служил все монастырские службы³⁹⁴, после чего отправился с женой в Белосток, куда был назначен вторым священником Николаевского кафедрального собора³⁹⁵. Так начался его священнический путь и открылся почти трехлетний период жизни Фуделя в Северо-Западном крае.

Принятие Фуделем священства в социальном плане имело свой контекст. Эпоха «великих реформ» привела к постепенному размыванию сословий и, в частности, к возникновению прослойки городского духовенства, в которой наметилась своя специфика, ввиду того что оно оказалось в среде нового секулярного быта, во многом противостоящего традиции. На рубеже XIX–XX вв. основная часть интеллигенции была настроена антицерковно или индифферентно к церкви, а возрастающая политизация и радикализация общества сопровождалась упадком его религиозности. Для того, чтобы противопоставить светскому церковное, от городского священника требовалась высокая подготовка. Однако многими исследователями отмечается, что отток из духовного сословия, открытый с 1860-х гг., способствовал ослаблению его интеллектуального потенциала³⁹⁶. Как правило, священники не имели светского образования: на 1913 г. в Московской епархии (не считая Москву) все протоиереи вышли из семинарий³⁹⁷ (тогда как Фудель окончил Московский университет). Дети духовенства не просто уходили из сословия, но порой пополняли революционную среду. Своего пика этот процесс достиг в 1870-е гг.: 22% народников 1870-х гг. были выходцами из духовенства, в то время как доля духовенства во всем населении страны в 1870 г. составляла 0.9%³⁹⁸.

³⁹⁴ Фудель – Леонтьеву. 25 июля 1889 г. // Преемство от отцов. С. 153.

³⁹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 193.

³⁹⁶ *Миронов Б.Н.* Социальная история России; *Конюченко А.И.* Тона и полутона православного белого духовенства; *Манчестер Л.* Поповичи в миру...

³⁹⁷ *Белогова Ю.И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века: (По материалам Московской епархии). М., 2010. С. 42.

³⁹⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России... С. 107.

Тем не менее, постепенно формируется новый тип образованного священника, ориентирующегося уже не на традиционный быт и требоисполнение, а на активную личную деятельность: социальную, публицистическую, пастырско-духовническую, – и этот тип оказывается довольно востребованным³⁹⁹. Как отмечает свещ. П.В. Хондзинский, «из области верности благочестивому быту традиции вопрос перемещается в область личного внутреннего подвига веры. Таким подвигом жили святой Иоанн Кронштадтский, отец Валентин Амфитеатров, святой Алексей Мечев и другие. В двадцатом веке в прослойку «городского» духовенства входят представители светской интеллигенции <...> прослойка дала сравнительно немногих, однако очень заметных в традиции святых пастырей и крупных богословов, чей пастырский опыт оказался весьма важен для сохранения жизнеспособности Церкви в эпоху гонений. В то же время нельзя не признать, что та же прослойка стала основной питательной средой обновленчества»⁴⁰⁰. Известно, что за 1880–1914 гг. доля представителей светских социальных групп среди клириков поднялась лишь с 0 до 1.5%⁴⁰¹, т.е. до революции такие случаи оставались довольно незаурядными. Ситуация изменится уже после потрясений 1917 г., повлекших за собой «церковную революцию»⁴⁰² и приток в духовенство представителей других социальных групп.

Фактически, отец Иосиф Фудель, принявший священный сан в 1889 г., оказался «предтечей» этого нового социального типа. В его поколении подобные случаи были редки, но все же мы находим сведения о схожих путях (зачастую пересекавшихся). Так, из дворянского рода происходил московский священник И.В. Арсеньев (1862 г.р.) – сохранилось его письмо к Фуделю о Леонтьеве⁴⁰³; другой корреспондент отца Иосифа – протоиерей М.И. Хитров (1851 г.р.) в 1870-е гг. окончил Московский Университет, а в 1895 г. принял сан. Также И.И. Кристи

³⁹⁹ Хондзинский П.В., *прот.* Приходское духовенство конца XIX – начала XX века в русской духовной традиции: Доклад на ежегодной научно-богословской конференции в Санкт-Петербургской Духовной академии 30 сентября 2015 года. – [Электронный ресурс] – http://www.pstbi.ru/news/show/132-doklad_prot_Pavel_Khondsinskiy#cite_note-15 (дата обращения: 10.11.2019).

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 107.

⁴⁰² Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

⁴⁰³ Преемство от отцов. С. 417-420.

(1861 г.р.), друг Фуделя и один из любимых «учеников» К.Н. Леонтьева, явно был устремлен к священству, но не успел встать на эту дорогу из-за тяжелой болезни и ранней смерти⁴⁰⁴. Стоит упомянуть и представителей аристократических семей С.К. Веригина (1868 г.р.) и Н.А. Толстого (1867 г.р.), впоследствии «свернувших» в католичество, но начавших свой путь православными священниками. Можно вспомнить и то, что такие дворяне, как Л.М. Чичагов (1856 г.р.), Б.П. Туркестанов (1861 г.р.), А.П. Храповицкий (1863 г.р.) и др. – пойдут по монашеской стезе и станут епископами⁴⁰⁵ (хотя этот путь имел несколько иную специфику, т.к. монашество никогда не было сословным). Неслучайно, что в 1890-е гг. Фудель тщательно отслеживал случаи принятия духовного сана светскими людьми, и даже говорил о «религиозном движении», т.е. «появлении целой группы образованных людей, сознательно отдающих свои силы на служение Церкви Православной»⁴⁰⁶.

Но наиболее яркие (хотя по-прежнему немногочисленные) имена появляются в этих рядах в 1910-е – 1920-е гг. Это близкие Фуделю П.А. Флоренский (хиротония – 1911) и И.Н. Четверухин (1911), а в революционные годы и впоследствии этот ряд пополняют такие священники, как В.П. Свенцицкий (1917), С.Н. Булгаков (1918), С.Н. Дурылин (1920), Ф.К. Андреев (1926), С.П. Мансуров (1926), А.В. Ельчанинов (1926) и др. Такой поступок не всегда приносил молодым интеллигентным идеалистам окончательное разрешение всех «вечных вопросов» – каждый переживал ощущение раздвоенности, проходил через череду искушений (не только внутренних, но и внешних вызовов революционной эпохи), и по-разному с ними справлялся. Попытка проследить мировоззренческую эволюцию людей такого типа может привести к более полному пониманию проблемы взаимоотношений интеллигенции и Русской Православной Церкви.

⁴⁰⁴ Фетисенко О.Л. Призвание, служение и таинственное исчезновение Ивана Кристи // Кристи И. Письма к К.Н. Леонтьеву. Статьи / Сост. О.Л. Фетисенко. Приложение к ПСС К.Н. Леонтьева, Кн. 2. С. 5-52.

⁴⁰⁵ Подробнее об этом пути см.: Запальский Г.М. Судьбы монахов-дворян и их автобиографическое осмысление // Автобиография и православие в России конца XVII — начала XX века. М., 2019.

⁴⁰⁶ Русское обозрение. 1892. Декабрь. С. 903; Март. С. 973.

Принадлежность к разным поколениям не отрицает общности типа, при всей индивидуальности личных путей. Как правило, совершив схожий социальный переход, священники «из интеллигенции» становились людьми одного круга и схожих мотиваций, которые мыслили священство в рамках новой парадигмы – миссионеров, «водителей душ», а не только требоисполнителей. Можно заключить, что отец Иосиф был представителем особого социокультурного типа образованного молодого человека рубежа XIX – XX вв., который, пройдя через юношеский нигилизм, принимает убеждение в истинности христианского учения и порой идет на такой решительный шаг, как принятие священного сана. Это поведение выглядело парадоксальным в условиях нарастающей секуляризации, но все же на этом пути отец Иосиф был не одинок.

Таким образом, мы рассмотрели период жизни И.И. Фуделя до принятия сана: реконструировали его раннюю биографию, подробно остановились на первой крупной брошюре, принесшей ему некоторую известность и во многом сосредоточившей в себе те вопросы, которые в дальнейшем станут для Фуделя центральными. Был очерчен и тот круг идей и влияний, которые сформировали взгляды будущего отца Иосифа, при этом отдельное внимание было уделено отношениям И.И. Фуделя с К.Н. Леонтьевым, в которых «ученичество» первого носило очень специфический, личный, духовный характер. При этом не случись бы эта уникальная дружба «через поколение» – едва ли бы мы узнали о Фуделе как о священнике. Приняв неординарное для своего времени решение о принятии священного сана, отец Иосиф стал одним из первых представителей русского несловного образованного духовенства.

Глава 2. Вехи служения И.И. Фуделя

§ 1. Служение в Северо-Западном крае (1889–1892)

Северо-Западный край был первым местом служения отца Иосифа. Вероисповедный состав населения Северо-Западного края представлял сложную картину: православных (со старообрядцами) 49,3%; католиков 34,2%; евреев 15%; прочих вероисповеданий 1,5%⁴⁰⁷. Административно край включал в себя шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская. Он состоял в ведении генерал-губернатора, резиденция которого находилась в Вильно. В конфессиональном и этническом плане этот регион был проблемным: на его территории встречались «западные» культуры – польская и литовская, с культурами «восточными» – русской, белорусской и малороссийской; здесь сталкивались православие и католицизм, кириллица и латиница⁴⁰⁸.

Только что рукоположенный, 24-х лет отроду, Фудель был определен вторым священником в Николаевский кафедральный собор Белостока⁴⁰⁹. Эти земли не были для него «краем света», ведь он сам родился в Гродненской губернии, куда и прибыл служить. Но все же для такой специфической среды он не был достаточно подготовлен: языковой барьер мешал общению с паствой⁴¹⁰, серьезные нагрузки сказывались на здоровье, а удаленность от интеллектуальных центров не позволяла как следует заниматься литературой⁴¹¹. Молодой священник был чрезвычайно вдохновлен богослужением, но сетовал, что «идеально-практическая деятельность» ему не доступна: в своем приходе он был лишь помощником, что затрудняло всякие инициативы. Такие обстоятельства уже поселили в нем надежду, что это место дано не навсегда.

⁴⁰⁷ Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб, 1890. С.1, 373.

⁴⁰⁸ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.). Минск, 2010. С. 3.

⁴⁰⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 194.

⁴¹⁰ «Прихожане меня не понимают (в буквальном смысле этого слова). Большинство богомольцев в нашем храме составляют крестьяне ближайших деревень; по-русски говорить они не умеют; речь их наполовину польская, наполовину малороссийская; понятное дело, что когда говорю я к ним своей московской речью, они из десятка слов понимают два-три; проповеди говорить я еще не собрался, но на исповеди приходится кое-как объясняться с своими духовными детьми». Фудель – Леонтьеву. 17 сентября 1889 г. // Преемство от отцов. С. 162.

⁴¹¹ Преемство от отцов. С. 162, 172, 185-186, 196.

Был и другой фактор, препятствовавший благополучной жизни – чуждая среда, отсутствие единомышленников: «Бываю я во всех почти «интеллигентных» семьях и между тем буквально не с кем душу отвести в разговоре. Все или "безмыслие" или "недомыслие". Или узкая специальность, съевшая человека, или просто хамство»⁴¹². И Евгении Сергеевне, супруге Фуделя, было нелегко находиться в инокультурном окружении – без друзей и родных, когда муж большую часть времени проводит на службе. Ведь помимо своих непосредственных обязанностей отец Иосиф преподавал Закон Божий в приходском и железнодорожном училищах, а также в институте благородных девиц, был назначен членом белостокского отделения училищного совета, наблюдателем за преподаванием Закона Божия в народных школах уезда, собранием прихожан был избран председателем церковно-приходского попечительства при соборе⁴¹³.

Кроме того, специфика местных нравов молодую пару не воодушевляла: «<...> Мы подняли целую бурю, произвели целый переворот в здешнем мирно дремавшем обществе и вызвали яростные крики против «нашего» поста. Вообразите и... ужаснитесь! Каковы здесь обычаи, можно судить потому, что большинство священников в этом крае не знают, что такое пост и даже Великим Постом едят мясо! А те, которые хотят поститься, — едят молочное, ибо молочное считается здесь постной пищей. В оправдание такого порядка вещей указывают здесь на недостаток и дороговизну рыбы и т. п. Вообразите, сколько нам здесь приходится выслушивать со всех сторон сожалений по поводу того, что «мы разрушаем постом свое здоровье»⁴¹⁴. Таковы были первые впечатления. Тем не менее, по свидетельству друга отца Иосифа Л.А. Тихомирова, впоследствии он всегда вспоминал время, проведенное на западно-русском приходе, с удовольствием⁴¹⁵.

⁴¹² Преемство от отцов. С. 186.

⁴¹³ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 194.

⁴¹⁴ Фудель – Леонтьеву. 19 февраля 1890 г. // Преемство от отцов. С. 185.

⁴¹⁵ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

Практические выводы из своего пребывания в этих землях Фудель обобщил в работе «Наше дело в Северо-Западном крае», выход которой был приурочен к столетию возвращения северо-западных областей к России. Брошюра была издана на основе статей, опубликованных ранее в «Русском обозрении», в 1893 г., уже после переезда в Москву. В ней Фудель высказался касательно позиции Православной церкви в Северо-Западном крае в условиях проводимой там русификации⁴¹⁶, точкой отсчета которой воспринималось Польское восстание 1863—1864 гг. и генерал-губернаторство М.Н. Муравьева.

Интересно, что отец Иосиф подразумевал в заглавии под «нашим делом». Ведь государственная политика в этом регионе имела множество аспектов: политический, экономический, культурный (связанный с вероисповеданием, языком, образованием). Фудель разделял свойственное славянофилам представление о том, что «чем тверже Православие в крае, тем прочнее в нем русская народность»⁴¹⁷, поэтому «наше», «национальное» дело для него – это дело укрепления православия. Однако оно осложнялось политизацией ситуации: польское восстание кардинально изменило отношение правительства к местному католическому духовенству, которое начало восприниматься в качестве политического врага империи⁴¹⁸. Неизбежно в противоборство втягивалась и Православная церковь: «Рознь вероисповедная, конечно, не имела бы того острого характера, как теперь, если бы то или другое вероисповедание в крае не было знаменем той или другой народности»⁴¹⁹.

Размышления Фуделя строились на противопоставлении действий государства и церкви на западных окраинах. Он проводил мысль о том, что использование государством церкви в политических целях только вредит ее делу, выхолащивает церковный дух: «где силой приходилось выбрасывать органы из

⁴¹⁶ Вместо термина «русификация» в пореформенное время употребляли понятие «обрусение». По мнению А.И. Миллера, оно имело два разных значения и писалось по-разному: написанное через «е» - «обозначало воздействие на индивида или группу с целью их русификации», а через «ять» - «означало процесс принятия индивидом или группой тех или иных черт «русскости». См.: *Миллер А.Л.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 61.

⁴¹⁷ *Фудель И.И.* Наше дело в Северо-Западном крае. М., 1893. С. 10.

⁴¹⁸ *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.). Минск, 2010. С. 4.

⁴¹⁹ *Фудель И.И.* Наше дело... С. 2.

церкви, там теперь нет ни одной души»⁴²⁰. Естественно, что государство не чурается насильственных мер, но «в области духовной прочно лишь то, что имеет в своей основе свободное произволение»⁴²¹. И, вслед за этим, отец Иосиф поражался непониманию этих границ со стороны государства и общества: «С государственной, политической точки зрения ничего не имеем против такой меры, как Муравьевское "обращение" целых приходов. Но зачем же эту чисто-политическую меру навязывать духовенству и требовать от него того, что несогласно с духом служения пастырей Церкви? Зачем же упрекать этих пастырей в «апатии» и бездействии, *когда энергия и деятельность понимаются и требуются только в политическом смысле?* <...> И какую нужно иметь путаницу в понятиях для того, чтобы серьезно спрашивать: "почему чиновник не может быть распространителем Православия?"»⁴²².

В мировоззрении чиновников Фудель видел весь набор проблем, присущих интеллигентному сознанию, поэтому, как он считал, они едва ли могут послужить делу церкви⁴²³. В этой связи интересна позиция К.Н. Леонтьева, высказанная им в 1882 г., где он приравнивал русификацию к «демократической европеизации» и ставил в союзники любой традиционализм: «Католики – христиане, а теперь настало такое время, что не только староверы или паписты, но буддисты астраханские, мусульмане и скопцы должны быть для нас дороже многих и многих русских того неопределенного цвета и того лукавого петербургского подбоя <...>»⁴²⁴. Фудель же в своих рассуждениях так далеко не заходил.

Принимая во внимание закрепленную синодальной системой подведомственность церкви государству, отец Иосиф указывал, что «средства для нашего дела <...> двоякие: одни зависят от правительственной власти, от государства, другие от общества, от нас самих»⁴²⁵. И он выделил конкретные направления церковной деятельности: как те, которые возможно развивать

⁴²⁰ Там же. С. 9.

⁴²¹ Там же. С. 6.

⁴²² Там же. С. 6-7.

⁴²³ Там же. С. 11.

⁴²⁴ Леонтьев К.Н. Наши окраины // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 244-264

⁴²⁵ Фудель И.И. Наше дело... С. 11.

внутрицерковными усилиями, так и те, которые необходимо поощрять государству. Первостепенная важность заключалась в том, что, по мнению Фуделя, укрепляет православие никак не борьба, а «все то, что способствует развитию православных учреждений (благотворительных, ученых и чисто церковных)», «наша собственная жизнь в Церкви Православной, наша живая связь с Церковью по духу, а не внешняя только связь по метрическим записям»⁴²⁶.

Фудель писал о болезненном и вредном явлении западных окраин – «боевых» батюшках: «Борьба явная и тайная с ксендзами всеми возможными средствами, постоянные розыски лиц, упорно отклоняющихся от Православия, воздействие на них через посредство чинов полиции, постоянное хождение по судам и возбуждение дел "о совращении" – занимает у этих "пастырей" все их свободное время»⁴²⁷. Это – разрушительный путь борьбы, который, по мнению Фуделя, недопустим для церкви: «Любовь к *политике* в связи с заимствованными у ксендзов приемами борьбы – порождает "боевую" деятельность, от которой прихожане без оглядки бегут в разные стороны. А дело настоящее, дело творческого воспитания народа и создания церковного единства стоит... "Отторженная возвратих" – чем? Преследованием, судом, страхом наказания? Нет, одною любовью и только любовью»⁴²⁸.

В качестве антитезы отец Иосиф приводил следующий пример: «Мимо одного из городов Западной России проезжал о. Иоанн Кронштадтский. На станции была громадная толпа. К о. Иоанну в вагон пробивались с бою, в страшной давке; толпа наполовину состояла из католиков, и они же оказались самыми горячими поклонниками о. Иоанна. Где же был их фанатизм и ненависть к Православию? Куда девалось их презрение к православным попам?»⁴²⁹. Фудель

⁴²⁶ Там же. С. 10.

⁴²⁷ Там же. С. 11.

⁴²⁸ Там же. С. 12.

⁴²⁹ Там же. С. 14.

очень почитал отца Иоанна Кронштадтского⁴³⁰ и даже однажды сослужил ему на литургии⁴³¹.

В своей брошюре Фудель дал оценку ряду предпринимаемых государством мер, указывая на их паллиативный характер. Так, он писал о действенности для «обрусения» края т.н. «располячения католицизма» (когда дополнительное католическое богослужение было совершаемо не на польском языке, а на местном, с целью отделить католичество от польщизны и тем ослабить ту и другую силу)⁴³². Однако, по его мнению, дело государства от этой меры могло выиграть, но дело православия – очень мало⁴³³.

Рассматривая закон о смешанных браках (по которому дети исповедуют православную веру, если кто-либо из родителей – православный)⁴³⁴, Фудель отмечал, что эффективность этого закона во многом иллюзорна, поскольку дети часто вырастают формально православными, ведь почти всегда в смешанных браках мать – католичка, и именно она воспитывает ребенка⁴³⁵. Поскольку вышеупомянутый закон недостаточен и семья не дает православного воспитания, эта задача, по его мнению, должна лечь целиком на школу: необходимо обязательное обучение детей в церковных школах, для чего нужна целая сеть благоустроенных школ, бдительный надзор за ними, и средства к их поддержанию⁴³⁶. Однако государство не считало этот вопрос приоритетным, не выделяя финансирования и возлагая все на «местные средства»⁴³⁷.

Далее от критики отец Иосиф перешел к конкретным предложениям. Осуществление миссии церкви в Северо-Западном крае он отводил церковным школам, монастырям, миссионерским обществам и церковно-приходским

⁴³⁰ И.И. Фудель – И.Л. Леонтьеву-Щеглову // ИРЛИ. Архив Леонтьева-Щеглова. № 1058. Л. 1. Об.

⁴³¹ И.И. Фудель – А.А. Александрову // РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 771. Л. 12. Об.

⁴³² Там же. С. 9.

⁴³³ Там же. С. 10.

⁴³⁴ Там же. С. 15.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ Там же. С. 17-18.

⁴³⁷ Там же.

братствам (или церковно-приходским обществам сестер)⁴³⁸: «эти миссионерские станции могут сослужить великую службу делу Православия, делу распространения истинно-христианского просвещения в духе Православной Церкви, эти духовные крепости могут сослужить свою службу и государству, укрепив в народе национальное самосознание, расшатанное иноплеменным владычеством»⁴³⁹. Таким образом, Фудель провел здесь одну из главнейших своих мыслей – о важности христианского воспитания.

Успешный пример в деле христианского просвещения, приводимый Фуделем, – Леснинский женский монастырь, который был расположен среди «упорствующего» населения. В его стенах была создана школа-приют для девочек, где сестры занимались их религиозным воспитанием, после чего девочки расходились по разным сторонам и «несли свет обители»⁴⁴⁰. Подобная деятельность была особо плодотворна в условиях того, что женские монастыри пользовались большими симпатиями населения Северо-Западного края, чем мужские⁴⁴¹.

Отец Иосиф был убежден, что главный деятель на западной ниве – это духовенство, т.е. та часть общества, от лица которого и к которому он, в первую очередь, взывал, поэтому вся надежда на успех дела зиждилась на нем. Он говорил о сложившихся особенностях западнорусского духовенства, связанных с многовековым воздействием католицизма: несколько барское, панское, отношение к своим прихожанам – самый большой недостаток западного духовенства; некоторые неправославные обычаи духовенства – несодержание постов, крещение через обливание и т. д. Но в его жизни он видел и черты, которые стоило бы воспринять: развитость приходской церковной жизни (не редкость – общее пение прихожан на службе); существование в большинстве приходов церковных попечительств или братств (тогда как в Москве на пять приходов – одно попечительство); солидарность духовенства, развитое чувство

⁴³⁸ Там же. С. 20-23.

⁴³⁹ Там же. С. 38.

⁴⁴⁰ Фудель И.И. Наше дело... С. 21.

⁴⁴¹ Там же. С. 23.

товарищества (при том что в Москве священник не знал большинства священнослужителей своего благочиния)⁴⁴².

Наилучшим и радикальным средством для поднятия уровня духовенства, по мнению Фуделя, было бы учреждение в Вильно духовной академии. Она бы оживила деятельность духовенства, привлекла новых людей, объединила бы разрозненные местные силы и повысила бы и уровень местной русской жизни, и внешний престиж православия («в настоящее время в городах края почти везде ксендзы с академическим образованием, пасторы тоже кандидаты богословия, и только священники православные в большинстве – кончившие курс семинарий»)⁴⁴³.

Брошюра Фуделя вызвала одобрение широкой прессы – ее заметили «Русский вестник» и «Вестник Европы», «Московские ведомости» и «Гражданин». В умеренно-либеральном «Вестнике Европы» было отмечено, что замечания, высказанные в брошюре, новы и поучительны, и едва ли ранее появлялось нечто подобное в публицистике о Северо-Западном крае⁴⁴⁴. Автор безымянной рецензии соглашался с мыслями Фуделя о противоречивых правительственных мерах и «шатаниях системы», вызванных отсутствием понимания курса политики в крае и противоречивостью его воплощения; о необходимости понимать разницу природы «меча государственного и меча духовного»; с критикой А.П. Владимирова⁴⁴⁵. В то же время он ответил на упрек Фуделя в сторону печати (безучастной в отношении западных окраин) указанием на то, что печатное слово подцензурно, а во времена Муравьева его жесткие меры можно было трактовать только как патриотические (подчеркивалось, что тогда не был услышан даже протестный голос архиепископа Макария), и только теперь, по прошествии десятилетий, можно увидеть критику в работах Фуделя или Владимирова⁴⁴⁶. Соглашался с Фуделем и «Русский вестник», один из самых

⁴⁴² Там же. С. 26-27.

⁴⁴³ Там же. С. 27-28.

⁴⁴⁴ Вестник Европы. 1893, ноябрь. Кн. 11. С. 405.

⁴⁴⁵ Там же. С. 406, 408.

⁴⁴⁶ Там же. С. 412.

читаемых тогда литературных журналов «охранительного» толка. Также выступая с позиций противника жестких административных мер, рецензент из этого издания подробно остановился на примерах Пустынской и Леснинской обителей (в то время как в «Вестнике Европы» об этом не упомянули, как и вообще о «положительных» мерах, предлагаемых Фуделем).

«Жаль только, что моя недосказанность ввела некоторых лиц в заблуждение, будто я осуждаю дело М. Муравьева целиком. Придется по этому поводу иметь некоторое печатное объяснение», – писал Фудель С.А. Рачинскому⁴⁴⁷, по всей видимости, имея в виду полемику, которая продолжилась у него с А.П. Владимировым в «Русском обозрении». Дело в том, что в своем повествовании Фудель отталкивался от возражения А.П. Владимирову и его статье «О положении Православия в Северо-Западном крае»⁴⁴⁸, где он констатировал катастрофическую для церкви ситуацию в регионе, подтверждая это богатым фактологическим материалом. Но и Фудель ранее писал о плохом состоянии храмов и тяжелом положении духовенства в Западном крае в 1890-е гг.: по сравнению с 1860-ми годами, государственное финансирование церкви в западных землях сократилось, многие храмы обветшали (в одной из статей он призывал к поддержке православных из великорусских земель)⁴⁴⁹. Соглашаясь в оценке тяжести сложившегося положения, оппоненты, однако, пришли к разным выводам касательно выхода из него. Со стороны критикуемого не преминул появиться достаточно резкий ответ.

Прежде чем перейти к сути дискуссии, стоит отметить, что оппонент Фуделя был личностью незаурядной – педагог, выходец из духовного сословия, А.П. Владимиров закончил Московскую духовную академию, долгое время жил и работал в Вильно, организовал там библиотеку. В своих взглядах он был оригинален – англоман (несколько лет прожил в Англии и женился на англичанке), вегетарианец (пропагандировал в прессе отказ от мяса и чая), критик

⁴⁴⁷ Письма И.И. Фуделя С.А. Рачинскому // ОР РНБ. Ф. 631. Д. 65 (предоставлено О.Л. Фетисенко).

⁴⁴⁸ Владимиров А.П. О положении православия в Северо-Западном крае // Русское обозрение, 1893, март. С. 673.

⁴⁴⁹ Фудель И.И. Состояние православных храмов в Западной России // Русское обозрение. 1892. Декабрь. С. 898.

гимназий (при том, что сам преподавал в гимназии, своих детей туда не отдал) и т. п.⁴⁵⁰.

Владимиров писал много публицистики, для которой зачастую была характерна едкая и саркастическая манера. Касательно жизни северо-западных земель (темы, в которой он считается одним из первых исследователей), выделим важные для полемики пункты: он выступал твердым сторонником «располячения костела» как важнейшей меры по утверждению в крае (даже подавал генерал-губернатору «Записку» с обоснованием этой меры⁴⁵¹), противником перехода министерских школ в церковно-приходские (полагая, что конфессиональных школ «иноверцы будут чуждаться» и создавать тайные школы в польском духе)⁴⁵², а также против учреждения в Вильно духовной академии (в пользу университета). Т. е. в этом вопросе он выражал позиции скорее «государственные», чем «церковные». При этом Владимирова принадлежал к неославянофильскому кружку бывшего виленского «русификатора» И.П. Корнилова⁴⁵³.

В статье «О положении православия в Северо-Западном крае» А.П. Владимирова констатировал недостаточное внимание власти и общества к продолжению русификации региона. Отражая взгляды своего круга, публицист отождествлял последнюю с распространением православия и отказывался признавать борьбу завершённой: «Здесь стоят лицом к лицу две борющиеся на жизнь и смерть народности, польская и русская: будет ли польская оттеснена за Неман, или русская за Двину и Днепр? Примирение здесь едва ли возможно. Слово мира, сказанное поляком, есть слово лицемерия и обмана; а сказанное русским, есть слово недомыслия или предательства». Впрочем, главным объектом критики Владимирова — вполне в духе русской консервативной традиции — были не поляки, но «русские служилые люди в крае, отлично обделывающие

⁴⁵⁰ Владимирова А.П. Некролог // Виленский календарь на 1906 простой год. Царствования Императора Николая II год двенадцатый. Под ред. Ф. Н. Добрянскаго. Вильна, 3 Декабря 1905 г. С. 199 — 200.

Гене А. Виленские воспоминания // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1914. № 6. С. 580 — 610.

⁴⁵¹ *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости... С. 76.

⁴⁵² *Владимиров А.П.* Из Вильны // Русское обозрение, 1894, февраль. С. 1001.

⁴⁵³ *Котов А.Э.* Священник Иосиф Фудель ... С. 67.

собственные делишки и худо делающие "дело государево" – или, правильное, совсем не делающие его»⁴⁵⁴.

В рецензии Владимирова на брошюру «Наше дело в северо-западном крае» Фудель обвинялся в том, что его «благодарные» идеи играют на руку полякам⁴⁵⁵. По мнению Владимирова, мягкие меры «в духе любви», к которым взывал священник, декларативны и не практичны, а приводимые им успешные примеры миссии недостаточны (здесь полемист доходит до язвительных упреков: «отчего и сам отец Фудель, рекомендуя это средство другим, уехал из Северо-Западного края?»⁴⁵⁶). Скепсис Фуделя в отношении обращений приходов, совершаемых чиновниками, назывался «клерикальной крайностью»⁴⁵⁷.

Главное, что стремился обосновать автор в своей статье: быть против «располячения костела» или считать его «неважным» – это «измена или недомыслие»⁴⁵⁸. Речь шла о введении русского языка на католических мессах в костелах с тем, чтобы отделить «польское» от «католического», которое использовалось властями с 1869 г. Эффективность и последствия этой политики в историографии оцениваются отрицательно⁴⁵⁹. Фудель разделял мнение, что русификация костела не способствует продвижению дела православия. Неслучайно в 1887 г. против нее выступили министр внутренних дел Д.А. Толстой и обер-прокурор К.П. Победоносцев (после чего проект заглох до конца XIX в.)⁴⁶⁰. Конфессионального вопроса эта мера не решала – католическое влияние оставалось проблемой для Православной церкви, и религиозное противостояние только усугублялось.

Отец Иосиф решил дать ответ на обличительный текст Владимирова и еще раз обозначить свою позицию. Он выразил мнение о том, что подъем православия

⁴⁵⁴ Цит. по: *Котов А.Э.* Священник Иосиф Фудель ... С. 67.

⁴⁵⁵ *Владимиров А.П.* Новая брошюра о северо-западном крае // Русское обозрение, 1893, декабрь. С. 1007.

⁴⁵⁶ Там же. С. 1010.

⁴⁵⁷ Там же. С. 1009.

⁴⁵⁸ Там же. С. 1010.

⁴⁵⁹ См., например: *Бендин А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.). Минск, 2010. *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

⁴⁶⁰ Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. С. 278.

в крае возможен только путем развития церковной жизни, причем государство должно «дать все средства к такому развитию» – «это путь положительный». «Г. Владимиров стоит за чисто-государственное решение данного вопроса, средствами политическими, как-то обращение католиков, располячение костела и т.д. Этот путь, – в моем смысле, чисто-отрицательный» – пояснял он⁴⁶¹. Как писал отец Иосиф, приводя 17 пунктов в защиту располячения костела как единственного средства развития православия на северо-западе империи, Владимиров «игнорирует вообще все те пути этого развития, которые исходят из Церкви и совершаются ее внутренними силами и средствами, при внешней охранительной помощи государства»⁴⁶². Фудель еще раз указал на то, что есть священники, которые вносят в свою пастырскую деятельность «не пастырские приемы», что неудержимое их стремление к политической деятельности непохвально: кому как не Церкви нужно понимать, «где кончается "кесарево", а где начинается "Божие"»⁴⁶³.

Для него первостепенной задачей виделась необходимость возвысить авторитет православия, развить его благотворительные, учебные и церковные учреждения, развить церковный дух любви. Поэтому он не придавал такого значения «располячению» костела, как «обрусители»-государственники, выразителем которых выступал Владимиров; равно как и не преследовал в своей брошюре исключительно задачи порицания графа Муравьева за насильственное обращение католиков в православие через своих чиновников. Дело в том, что Фудель писал работу в 1890-е годы, т.е. спустя 30 лет после губернаторства М.Н. Муравьева. С одной стороны, меры губернатора и его последователей по насильственному обращению католических приходов Фудель оценивал критически. Но в то же время Муравьев выступал за учреждение в Вильно духовной академии, передачу народного образования в руки православного духовенства, увеличение числа училищ для воспитания дочерей священников,

⁴⁶¹ Фудель И.И. *Pro duto sua*. Письмо к издателю // Русское обозрение, 1894, Т. 1, январь. С. 482.

⁴⁶² Там же. С. 484.

⁴⁶³ Там же. С. 482.

необходимость материального обеспечения духовенства и строительства храмов за счет правительства⁴⁶⁴, что должно было вызывать его одобрение.

Муравьевская жесткая линия в политике по отношению к западным окраинам проводилась и в дальнейшем, хотя с ней соперничал «либеральный подход» отдельных его преемников⁴⁶⁵. Например, губернатору А.Л. Потапову (1868–1874) и его единомышленникам были чужды «славянофильские» идеи о русском народе как государствообразующем начале, об «исконно-русской» принадлежности Северо-Западного края («русской народности») Потапов противопоставлял полиэтничную «русскую державу»⁴⁶⁶. Соответственно, ими не ставилась задача полной ассимиляции, а значит, и взгляды на конфессиональную политику были иными. Тем не менее, политика деполонизации продолжилась и после Муравьева⁴⁶⁷, и такая жесткая мера как русификация костела пришла как раз на губернаторство Потапова. Воспоминания о правлении этого генерал-губернатора стали для православной иерархии «коллективной психологической травмой, неизжитой к началу XX в»⁴⁶⁸ (известно также, что он не принимал важность идеи братств, видя в них «выражение бессилия» господствующей Православной церкви⁴⁶⁹). Позднее сторонником проведения радикальной русификаторской политики по отношению к бывшим униатам и католикам Польши и Западного края выступал обер-прокурор К.П. Победоносцев, и этот бескомпромиссный курс доказал свою неэффективность, фактически подрывая основы, на которых зиждилась Россия как имперское государство⁴⁷⁰.

⁴⁶⁴ Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 98.

⁴⁶⁵ Сам Муравьев делил правительственные круги Петербурга на две «партии»: своих сторонников – «усердных помощников русского дела» и противников – «партию космополитов и внутренних врагов России», друг друга они называли «космополитами» и «ультра-патриотами» (См. Комзолова А.А. Политика самодержавия... С. 144). Спор между двумя партиями на деле шел не только о методах интеграции Западного края – этот конфликт носил мировоззренческий характер.

⁴⁶⁶ Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае. С. 281-284.

⁴⁶⁷ Западные окраины Российской империи... С. 261.

⁴⁶⁸ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.). С. 49. См. также: Извеков Н.Д. Некоторые черты деятельности митрополита Макария (Булгакова) по управлению Литовской епархией // Богословский Вестник. 1892. №12. С. 411-434.

⁴⁶⁹ Комзолова А.А. Политика самодержавия... С. 182.

⁴⁷⁰ Полунов А.Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 279.

Интересна позиция славянофильской печати в конфессиональном вопросе на западных рубежах. Признавая уравнивание Северо-Западного края с остальными губерниями империи в политико-административном отношении, славянофилы считали невозможным требовать этого «относительно умственного развития, потребностей духовных, обычаев, нравов»; в определённой степени, уподобление всё-таки допускалось, но оно должно было совершиться «вольным мирным влиянием великорусской народной стихии», а не принуждением и насилием под угрозой наказания⁴⁷¹. Главную роль в обрусении Северо-Западного края они отводили не русскому языку (как, например авторы «Виленского вестника»), а «духовным началам», т.е. православию, причем к русским относили не только великороссов, но и белорусов и малороссов, исповедовавших православие⁴⁷². Славянофилы поддерживали политику русификации Северо-Западного края, но в этом деле они отдавали приоритет не государству, а русскому обществу и православному духовенству. Они выступали за ослабление католицизма и разобщение его с полонизмом, отдавая первое место в этом деле активизации православных братств и народных школ, и в т.ч. открытию в Вильно православной духовной академии (при этом, настаивая на ликвидации польского влияния в западных губерниях, они не агитировали за обрусение поляков и евреев; больше возможностей для этого они видели в литовцах и белорусах, но также при сохранении их этнических особенностей)⁴⁷³.

Таким образом, в строе мыслей Фуделя можно заметить немало пересечений со славянофильством (в данном случае, преимущественно со взглядами И.С. Аксакова на эту проблему), что вполне закономерно, т.к. он находился под их влиянием. Однако степень этого влияния не стоит преувеличивать, т.к. мировоззрение Фуделя скорее отражало его христианский идеализм, нежели исключительно политическую славянофильскую повестку (в частности, он не поднимал вопроса о культурной самобытности местных народностей). Недаром

⁴⁷¹ Москва. 1868. 10 апреля // Цит. по: *Радченко А.А.* Славянофилы об «обрусении»... С. 140.

⁴⁷² Виленский вестник. 1867. 12 января; Москва. 1867. 17 января // Цит. по: *Радченко А.А.* Славянофилы об «обрусении»... С. 142.

⁴⁷³ *Радченко А.А.* Славянофилы об «обрусении»... С. 140-145.

повествование его брошюры предварял эпиграф с цитатой Макария (Булгакова), бывшего в 1868–1879 гг. архиепископом Литовским и Виленским, вот одна из приводимых строк: «помните, что Православие есть чистейший свет и отнюдь не должно распространяться путями тьмы»⁴⁷⁴.

К теме Северо-Западных земель в дальнейшем отец Иосиф не возвращался, но отчасти с этим опытом была связана продвигаемая им тема братств. Влияние того, что Фудель был выходцем с западных земель или прослужил там несколько лет было не столь сильно, как, например, в случае с историком М.О. Кояловичем, происходившим из Гродненского местечка. Последний, к тому же, вышел из семьи униатского священника, перешедшего в православие – поэтому конфессиональная тема им остро воспринималась с детства, а впоследствии он выступал с публицистикой по вопросу западных земель в околославянофильском духе, также высказываясь за развитие братской жизни.

За идеей «нашего дела» для отца Иосифа стояла именно православная миссия, которая, в свою очередь, привела бы к естественной, добровольной ассимиляции. Разделяя «национальное» (политическое, государственное) и религиозное (для него – подлинно «национальное»), насилию и подчинению первого он противопоставлял любовь и свободное произволение второго. О необходимости подобного разграничения он говорил и несколькими годами ранее, когда противопоставлял «племенное» («политическое») и «культурное» движение на Балканах, вслед за К.Н. Леонтьевым критически оценивая современный ему панславизм, не прочащий, по его мнению, настоящего национального подъема⁴⁷⁵.

Однако на практике приоритет духовного в мировоззрении Фуделя не отрицал для него государственного начала. Учитывая реалии синодальной системы, Фудель полагал, что для дела утверждения православия в крае, помимо использования внутрицерковных ресурсов, можно прибегать и к тем

⁴⁷⁴ Фудель И.И. Наше дело... М., 1893. С. 1.

⁴⁷⁵ Фудель И.И. К вопросу о национальном. Самообман и ошибки // Московские ведомости. 1890. N 293. 23 окт. С. 2–3.

исключительно созидательным мерам, которые могло бы обеспечить государство (прежде всего – к финансированию церковных учреждений), при этом границы, в пределах которых действуют церковные и политические деятели, должны быть твердо определены, и усилия церкви прежде всего должны были быть направлены на развитие ее внутренней жизни⁴⁷⁶.

§2. Служение в Бутырской Пересыльной тюрьме (1892–1907)

О том, какое место в тюрьме занимала церковь и ее священник, можно судить из официальных документов. Постановка вопроса о гуманизации тюремной системы и организации общественной благотворительности в этой сфере берет начало в 1819 г., когда были разработаны «Правила для Попечительного Общества о тюрьмах», ставящие одной из главных целей «нравственное исправление содержащихся преступников», «наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности» (но пока это касалось лишь Попечительного Общества, целью тюрьмы оставалось возмездие, устрашение и изоляция преступников от общества)⁴⁷⁷. С течением времени пребывание священника в тюрьме регламентировалось, и к концу века мы можем видеть перечень его прав и обязанностей.

Они были прописаны в специальных правилах и касались тюремной церкви, тюремной школы, больницы и непосредственно заключенных. Приведем некоторые выдержки из них. Прежде всего, там указывается необходимость исправления нравственного уровня заключенных (эта цель тюрьмы была поставлена главной впервые лишь в 1890 г. в «Уставе о содержащихся под стражей»): «Священник церкви стараться должен ознакомиться с нравственностью каждого из содержащихся в тюремном замке, приобрести его

⁴⁷⁶ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Винюкова Н.В.* Священник Иосиф Фудель: уроки служения на западных рубежах // Сретенские чтения. Материалы XXV научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов / Сост. З.М. Дашевская. М., 2019. С. 227-233.

⁴⁷⁷ *Ходыкин И.* Миссионерское служение в местах лишения свободы: дис. ... канд. богословия. М., 2001. С. 30.

доверенность к себе, и основывать действия в отношении к исправлению каждого соответственно обстоятельствам»⁴⁷⁸.

Примечательно, что инструкция ограничивает вмешательство священника в судьбу заключенных: «стремясь всячески поддерживать свое высокое духовное значение, священник обязан внушать заключенным, что через его посредство они не могут рассчитывать получить от тюремного начальства какие-нибудь материальные выгоды и льготы». Но в то же время предписывается, что «священник должен стараться разузнавать подробности о семейном положении заключенных, способствовать восстановлению нередко разорванных преступлением семейных уз, в необходимых же случаях обращаться за содействием к учреждениям и лицам, которые могли бы оказать семействам заключенных призрение и помощь»⁴⁷⁹. То есть в этих указаниях можно обнаружить некоторую неопределенность.

Священнику предписывалась норма посещения арестантов: «Священник, независимо от исправления треб, посещает содержимых в тюремном замке в приличное время, сколь можно чаще, и по крайней мере два раза в неделю»⁴⁸⁰. Ряд обязанностей связан с ответственностью за школу (это могли быть как дети, так и взрослые) и библиотеку: обучение Закону Божию «или же и другим предметам»⁴⁸¹, обязанности инспектора классов, наблюдение за правильностью школьного преподавания и за успехами обучающихся, за исправным хранением тюремной библиотеки и за выдачей книг для чтения, и покупкой новых книг. Помимо этого, священнику предписано неукоснительное посещение больных арестантов, оказание им религиозного утешения, а также христианское напутствие умирающих⁴⁸², а каждое воскресенье и в праздничные дни

⁴⁷⁸ Рябчиков А.Н. Устав о содержащихся под стражей. Казань: лито-тип. Л.П. Антонова, 1903. Приложение №13. С. 64.

⁴⁷⁹ Там же. Приложение №14. С. 82.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же. Приложение №14. С. 82.

священнику положено предлагать заключенным религиозно-нравственные беседы⁴⁸³.

В это широкое поле деятельности и погрузился молодой священник. Отца Иосифа – 27-летнего и «социально активного» священника с высшим юридическим образованием, по его прошению и содействию Т.И. Филиппова⁴⁸⁴, перевели из Белостока в Москву, определив на тяжелое, но соответствующее вышеназванным характеристикам место – в Александро-Невскую (с 1899 г. переосвящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы) церковь при Бутырской Пересыльной тюрьме, где он прослужил с 10 июня 1892 до 1 сентября 1907 г.⁴⁸⁵. «Вообразите, как я рад, как счастлив: не знаю, как благодарить Создателя, пославшего мне такую благую милость!» – делился Фудель радостью о своем переводе с С.А. Рачинским⁴⁸⁶.

Яркую биографическую зарисовку отцу Иосифу дал К.Н. Леонтьев в 1891 г. в письме к В.В. Розанову, незадолго до своей смерти и до его перевода в Бутырскую тюрьму: «Фудель человек замечательный; ему не более 26 лет; — он уже 3-й год Священником в Белостоке <...> Он кончил курс юристом в Москве; под влиянием Ив. С. Аксакова и все того же Достоевского — напечатал очень хорошую ("аки млеко первоначальное") книжку "Письма о русской молодежи" — против нигилизма и в духе того пламенного тумана, в который заводят оба вышеупомянутые знаменитые авторы. — Потом — не хуже Вас, вступил со мной в переписку; не долго думая (он решителен и тверд; немецкая кровь по отцу, польская по матери! Увы!) приехал сюда [*в Оптину пустынь* – Н.В.]; — поговорил с Отцом Амвросием и со мной и благословился у Отца Амвросия пойти в Священники. <...> Его рукоположили <...> и туман „гармонии" и т. п., слава Богу, совсем прояснился. <...> Рекомендую Вам Фуделя с самой лучшей стороны»⁴⁸⁷.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 3102. Л. 3.

⁴⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 195.

⁴⁸⁶ Фудель И.И. – Рачинскому С.А. Июль – август 1892 г. // ОР РНБ. Фонд 631. Д. 65. Л. 55 - Л. 55 Об.

⁴⁸⁷ Преемство от отцов. С. 53-54.

Вскоре после переезда в Москву отец Иосиф познакомился с Л.А. Тихомировым, жившим неподалеку и ставшим близким другом его семьи. Тихомиров нарисовал детальный портрет своего друга: «Он был красив и строен, и весь как-то запечатлен духовностью. На нем как-то не чувствовалось ничего материального. Высокий и чрезвычайно худой, он при быстром движении как бы скользил по земле. Худое лицо с правильными выразительными чертами и высоким лбом, красиво обрамлялось светло-каштановыми волосами и клинообразной бородой. Оно было проникнуто мыслью и приветливостью. Он редко смеялся, но добрая улыбка так и светила у него. С него хорошо было бы писать образ Спасителя: так много в нем выражалось духовного и так мало материального. Все у него было чисто, красиво, изящно. К этому общему типу хорошо подходил даже голос, слабый, не знавший громких нот. Физически, кстати сказать, он был слаб, легко простужался и болел. Но нервная сила все преодолевала; он работал удивительно много»⁴⁸⁸.

Он описал и условия, в которых поселилась семья Фуделей: «Тогда у самой цепи, под башнями, тюрьме принадлежал по Долгоруковской улице ветхий деревянный дом с большим двором и сараями. В нем и поселились Фудели. Дом, довольно обширный, от старости едва не разваливался и не держал тепла. Помещение было мрачно и холодно, но с приездом семьи Фуделей оно оживилось бодрым и веселым духом»⁴⁸⁹.

Доход тюремного священника был невысок, он получал жалование из государственной казны, и оно было меньше зарплаты смотрителя тюрьмы и практически уравнивалось с жалованием фельдшера и сторожа (как сообщает С.Г. Зубанова, об этом свидетельствует архивное «Циркулярное предписание городских тюрем»)⁴⁹⁰. Исследователь М.Г. Детков пишет, что священник тобольской тюрьмы по должностному окладу приравнивался к смотрителю тюрьмы, однако из им же приводимой таблицы видно, что в сумме он получал в

⁴⁸⁸ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 13-14.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 14 – Л. 14 Об.

⁴⁹⁰ Зубанова С.Г., Рузанова Н.П. Русская Православная Церковь в России в XIX веке (социальный аспект деятельности). М., 2011. С. 68.

два раза меньше, т.к. ему не полагалась оплата питания (равная окладу), которую имел смотритель⁴⁹¹. Положение осложнялось спецификой паствы – тюремный священник не всегда мог рассчитывать на пожертвования прихожан, т.к. приход как правило состоял из преступников.

Первый же год службы принес отцу Иосифу большое испытание – в Москве свирепствовала холера, которая проникла и в тюрьму: «На руках у него оказалось больше сотни холерных, из которых умерло несколько десятков человек. Он ухаживал за больными усердно, постоянно рискуя и сам заразиться, и перенести заразу в семью. Он постоянно навещал больных, утешал и ободрял их, напутствовал умирающих, нередко долго выжидая момента, когда стихающая рвота позволит приобщить больного. Он в этой тюремной работе весь предался на волю Божию и нравственно выпрямился во весь рост. Но холерное бедствие заложило первую основу любви к нему среди арестантов»⁴⁹².

Тюремный замок при постройке был рассчитан на 3000 человек. Состав его жителей был непостоянным, люди постоянно прибывали и убывали. Например, согласно тюремным отчетам, на первой неделе февраля 1898 г. численность составляла от 1844 до 2002 человек (из них женщин в среднем 230-247 человек)⁴⁹³, 3 декабря этого года численность заключенных составляла 1967 человек, а 15 декабря – 2725, в начале января же она составляла 1904 человека⁴⁹⁴. Тихомиров так описывает состав и характер многочисленной тюремной паствы: «Полюбили же его в тюрьме очень скоро. Да и он сам, пробывши на этой должности целых пятнадцать лет, привязался к своей многогрешной пастве. В тюрьме ему пришлось впрочем обслуживать несколько тысяч человек, мужчин, женщин, детей самого разнообразного состава. Здесь была и тюремная администрация со служащими, и заключенные, еще только ждавшие суда, и уже приговоренные, ожидающие отправки на место кары, и семьи, решившиеся

⁴⁹¹ *Детков М.Г.* Исполнение наказания в дореволюционной России: организационно-правовые аспекты становления и развития системы исполнения наказания в виде лишения свободы. М., 1990. С. 50, 79.

⁴⁹² *Тихомиров Л.А.* Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 14 Об. – Л. 15.

⁴⁹³ ЦГА Москвы. Ф. 623. Оп. 3. Д. 210. Л. 36-42.

⁴⁹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 623. Оп. 3. Д. 210. Л. 699, 711, 728.

разделить до конца участь осужденного отца. Было множество каторжников, совершивших самые тяжкие преступления, множество профессиональных "жуликов", то выбывавших "на волю", то снова появлявшихся в тюрьме. Эти десятки тысяч сменяющихся поколений арестантов передавали друг другу рассказы о том, какой добрый и душевный человек тюремный "батюшка". О. Иосиф всегда готов был поговорить с заключенными, помочь им всякими услугами и добрым советом, утешить в горести, не говоря уже о церковной службе и духовничестве. Он полюбил свою "несчастную" паству, среди которой научился под корой преступления находить чистую человеческую душу. <...> Они часто поддерживали переписку с о. Иосифом даже с Сахалинской каторги. <...> Арестанты, которым это было дозволено, любили помогать о. Иосифу по церковной службе. Хор тюремной церкви состоял из них»⁴⁹⁵.

На заботы «пресветлейшего батюшки»⁴⁹⁶, как его называли, заключенные откликались встречной любовью. В воспоминаниях его сына, Сергея Иосифовича Фуделя приводится письмо от 1893 года каторжника Никифорова к его знакомому: «К нам в камеры каторжных стал очень часто ходить наш прелестнейший батюшка о. Иосиф, г-н Фудель, и при всяком посещении давал нам читать различные книги духовно-нравственного содержания... Он по приходе во всякую камеру положительно подвергался, так сказать, нападению со всех сторон наших каторжных арестантов, и каждый желал получить хоть какую-нибудь книгу для чтения <...> Нелишним считаю заметить, что появление в наших камерах священника был случай не просто обыкновенный, а выходящий из ряда обыкновенных»⁴⁹⁷. В этих словах отражается и отношение заключенных к батюшке, и то, как они в нем нуждались.

Кроме того, Сергей Иосифович писал о большом количестве «народных» писем с просьбами и с благодарностями о семьях, деньгах, книгах: «При жизни отца все правые ящики его стола были заполнены арестантскими письмами,

⁴⁹⁵ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 15 – Л. 15 Об.

⁴⁹⁶ Фудель С. Воспоминания. С. 41.

⁴⁹⁷ Фудель С.И. Воспоминания. С. 35-36.

живыми знаками благодарности. Писали из тюрьмы, и с пересылочных этапов, и с поселения в Сибири, и с Сахалина. <...> Может быть, еще большим делом, которое отец делал для заключенных, было соединение мужей с женами»⁴⁹⁸. Отцом Иосифом писались заявления и письма, велись переговоры об улучшении положения заключенных и их семей⁴⁹⁹. Письмо отца Иосифа к С.А. Рачинскому от 15 января 1893 г. красноречиво свидетельствует об объеме стоящей перед ним работы: «Просто теряешься от той громадной области духовных нужд, какую представляет из себя тюрьма. Ведь здесь постоянно средним числом 2500 человек заключенных! Это целый городок людей духовно больных, людей, наиболее восприимчивых к духовному свету. И вот приходится теряться в громаде дел и впечатлений. Пойдешь по камерам, зайдешь в одну, другую – полдня прошло; как вспомнишь, что еще 45 камер, так и руки опускаются. А тут еще литературное дело; какое ни на есть, а все время отнимает часа три в день»⁵⁰⁰.

Замечательно, что свою тюремную деятельность Иосиф Иванович продолжал совмещать с общественной – прежде всего, связанной с учительством, вопросами образования и благотворительности. «Его на все хватало – церковные службы, требы, преподавание, посещение собраний, деловые поездки, чтение книг, писание статей. При этом он находил время быть самым внимательным семьянином. И эта нервная сила только оживляла его, не делала ни торопливым, ни раздражительным, не отнимала самообладания. Все эти черты остались у него на всю жизнь», – вспоминал Л.А. Тихомиров⁵⁰¹. За время бутырского служения он был назначен законоучителем церковно-приходской школы при Московской Синодальной Типографии (1896, 20 декабря), общим Собранием членов Московского Благотворительного Комитета при Тюрьме избран в директора правления оногo (1897, 20 декабря), определен на должность законоучителя школы тюремных надзирательниц (1899, 13 апреля), утвержден сверхштатным членом Московского Епархиального Училищного Совета (1899, 13 декабря),

⁴⁹⁸ Там же. С. 37.

⁴⁹⁹ Там же. С. 38.

⁵⁰⁰ Там же. С. 35.

⁵⁰¹ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 15, Л. 16 Об.

назначен принимать участие в заседаниях Совецания по вопросам народного образования при Московской Губернской земской управе (1900) и утвержден законоучителем женской Гимназии Фишер (1902, 10 января)⁵⁰².

Взгляд Фуделя на тюремный вопрос отражается в тех дневниковых записях, которые он оставил во время бутырского служения. Этот источник, написанный ориентировочно в 1892–1904-е гг. (с перерывами), ценен неординарностью тех условий, в которых пребывал автор, ведь тюрьма – это закрытое заведение, и трудно вникнуть в состояние процессов, происходящих внутри нее. Достаточно распространены воспоминания заключенных (в основном, «политических»), но сложнее найти свидетельства служителей тюрьмы, тем более священников. Тогда же, в 1890-е гг., несколько лет в пересыльной тюрьме Сергиева Посада служил Трифон Туркестанов – князь, ставший монахом, а позднее епископом, в то время знакомый Фуделя, также близкий к К.Н. Леонтьеву и Оптиной пустыни (однако он не оставил подробного описания этого периода своей жизни). Сопоставимы со служением Фуделя свидетельства другого его современника, миссионера и будущего архимандрита Спиридона Кислякова, с 1905 года бывшего духовником Читинской тюрьмы и Нерчинской каторги⁵⁰³.

Позиция священника в тюрьме особа тем, что, при равнодушном отношении к делу, он является скорее не представителем власти, но радетелем за судьбы арестантов. А отец Иосиф Фудель был именно равнодушным человеком. Помимо служб и проповедей, он большую часть сил отдавал арестантам – был для них утешителем и наставником, «психологом», помогал заключенным и материально: высылал каторжным деньги и книги⁵⁰⁴, ходатайствовал об улучшении их положения, устроил школу грамоты, открыл библиотеку для чтения⁵⁰⁵. Из отчета отца Иосифа за 1893 год следует, что число грамотных арестантов увеличивалось, заключенные обучали друг друга грамоте

⁵⁰² ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 195.

⁵⁰³ *Спиридон (Кисляков Г.С.). Исповедь священника перед Церковью.* М., 2018.

⁵⁰⁴ *Фудель С.И.* Воспоминания. С. 37.

⁵⁰⁵ *Фудель И.И.* Дневник священника пересыльной тюрьмы // *Православная община.* 1991, № 3. С. 61–69; № 4. С. 55–63.

посредством звуковой системы и в результате многие сами могли писать письма домой⁵⁰⁶.

Он сетовал на то, что очень много времени и труда священника уходит на исполнение мелких просьб арестантов (купить книгу, азбуку, образок и т. п.). Справляться с таким объемом работы в одиночку было тяжело, а начальство никак не способствовало ее облегчению, скорее наоборот. Так, в 1898 г. в результате сокращения штатов из тюремной больницы (работы в которой хватало бы еще на целый причт) были уволены все 7 сестер милосердия, что вызвало глубокое огорчение арестантов («они плакали, когда прощались с сестрами, целовали их платье, руки») и самого отца Иосифа, которому они помогали⁵⁰⁷.

«Дневник священника пересыльной тюрьмы» отец Иосиф явно писал для себя, не напоказ, что отразилось на его содержании – искренности и прямолинейности, с одной стороны, и нерегулярности заполнения, незаконченности формы – с другой. Для дневника характерны порой отрывочные, тезисные заметки, фиксирующие ключевые размышления и впечатления. Здесь можно встретить особенно потрясшие Фуделя истории заключенных с описанием отдельных преступлений и взглядов, отмеченные типы арестантов и выводы о состоянии тюремной системы в целом.

Примечательны замечания Фуделя о типах русского мужика и интеллигента, в которых он обнаружил полную противоположность. Мужику присущи смирение, привычка к безропотному перенесению всевозможных страданий – и при этом удивительная живость верноподданнического чувства, а также искреннее раскаяние и сознание собственной греховности при полном религиозном невежестве⁵⁰⁸. В интеллигентных же арестантах сквозила гордость и резонерство, они часто осмеивали распоряжения властей, на исповеди для них был характерен формализм, а не покаяние, в лучшем случае серьезность⁵⁰⁹.

⁵⁰⁶ Фудель С.И. Воспоминания. С. 36.

⁵⁰⁷ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 60.

⁵⁰⁸ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 4. С. 58.

⁵⁰⁹ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 64.

Интересно, что Фуделю встречались случаи бродяжничества по нравственным мотивам (уходили странствовать, чтобы не быть в тягость, не «позорить» семью, искупить свою вину). Были и те, кто добровольно принимал на себя вину другого. Таких людей встречал и миссионер Спиридон Кисляков: «Среди арестантов мне приходилось встречать и величайших подвижников Христовых. Это те каторжане, которые, будучи на свободе, а потом даже уже и в тюрьме, брали на себя добровольно преступления других и, ради Христа, из любви к самим преступникам и к их несчастным семьям, безропотно несли, как виновные, всю тяжесть каторжной жизни»⁵¹⁰.

«Здесь я полюбил русский народ, потому что узнал его», – писал Фудель о тюремном служении⁵¹¹. За предрассудками, невежеством и суевериями простых русских мужиков для него открывалось их христианское мировоззрение (которого он не находил во многих интеллигентах, даже верующих). Похожие и несколько парадоксальные впечатления оставил Спиридон Кисляков, так вспоминая Нерчинскую каторгу: «Здесь, среди преступного мира, я как будто снова оживал: душа моя снова наполнялась чистой любовью ко Христу, мне не раз легко и светло становилось на душе <...> Причина приближения ко Христу лежала в самих арестантах <...> Каторжане любили меня. Они были со мной христиански откровенны. Их исповедь была удивительно трогательна. Из свободных христиан по своей искренности никто не может с ними сравниться»⁵¹².

Особое смиренное и сочувственное отношение к заключенным И.И. Фуделя иллюстрирует следующий разговор. Однажды, уже в арбатский период жизни отца Иосифа, С.Н. Дурылин спросил его: «Какое же общее впечатление вынесли вы от долгого пребывания среди каторжан, от тысяч и десятков тысяч осужденных и преступников, прошедших перед вами?», а тот ответил: «Я удивлялся иногда и удивляюсь, почему они – в тюрьме, а я – на свободе»⁵¹³.

⁵¹⁰ *Спиридон (Кисляков Г.С.)*. Исповедь священника перед Церковью. С. 92.

⁵¹¹ *Фудель И.И.* Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 64-65.

⁵¹² *Спиридон (Кисляков Г.С.)*. Исповедь священника перед Церковью. С. 86, 88.

⁵¹³ *Дурылин С.Н.* Отец Иосиф Фудель. (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко). [Электронный ресурс] – <http://politconservatism.ru/upload/iblock/dbb/dbb508257bb36c8548ef16190c498bc0.pdf> (дата обращения: 25.05.19).

Тюрьма – место мрачное, пропитанное человеческим горем. Отец Иосиф отмечал, что отчаяние – общее явление среди каторжан⁵¹⁴. Он полагал, что священнику необходимо не обличать, а поддерживать малодушных и унывающих и выступал против обличительной проповеди (кроме того, его расстраивало то, как неравномерно накладываются епитимьи тюремными духовниками). В его представлении, проповедь арестантам должна быть особой – более чуткой и никак не жестокой: «Характер проповеди у заключенных не растревать раны, а прикладывать небесный божественный пластырь на рану. <...> Задача пастыря в тюрьме как можно ярче раскрывать и показывать красоту положительного идеала, к которому всех призывает Господь. Эта задача обуславливает и характер тюремной библиотеки <...>»⁵¹⁵.

Фудель не питал иллюзий касательно уровня нравственности и религиозности крестьян: «Мужик бьет поклоны, ставит свечи и в то же время тащит из кармана ближнего. Убийца, прежде чем убить, перекрестится. Для мужика, чтобы не опускаться в тину безобразия, необходима встряска (гром не грянет мужик не перекрестится)»⁵¹⁶. Нельзя сказать, что тяжелые тюремные условия однозначно способствовали пробуждению религиозности. Намечалась тенденция: чем дольше арестанты находятся в тюрьме, тем меньше они ходят в церковь.

Из тюремных отчетов можно сделать вывод о существовании следующих категорий арестантов: состоящие под судом и следствием, отбывающие наказание в данном месте заключения (срочные), ссыльные, пересыльные, добровольно следующие за ссыльными, содержащиеся по распоряжению административных и полицейских властей⁵¹⁷. Сам Фудель писал о таких категориях заключенных, как общественники, лишенцы и каторжники, при этом по состоянию духа выше всех он ценил именно каторжников: «Многие из них каются с горьким плачем, многие, даже невинно осужденные, горько плачут о самых простых грехах, считая их

⁵¹⁴ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 68.

⁵¹⁵ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 63.

⁵¹⁶ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 68-69.

⁵¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 623. Оп. 3. Д. 210. Л. 35-36.

причиной наказания Божия»⁵¹⁸. Разница мировоззрений представителей этих категорий хорошо отражалась в статистике запрашиваемых арестантами книг в открытой Фуделем библиотеке: «В верхнем коридоре было каторжан 315 человек, а лишенцев и бродяг 200 чел. Каторжан пришло получать книги 88 человек, из них только 11 спросили себе книги светского содержания <...> На другой день библиотека была открыта для лишенцев. Пришло их 75 человек, из них только 14 спросили себе книги духовного содержания, все остальные просили книги исторические, описания и т. д.»⁵¹⁹. Отметим, что московский губернатор В.Ф. Джунковский вспоминал, что библиотека «была очень хорошая, каторжане могли широко пользоваться книгами, было много научных, философских книг, было много и беллетристики»⁵²⁰.

В.Ф. Джунковский, неоднократно посещавший бутырскую тюрьму, подробно описал состав заключенных и условия их содержания в 1909 г., характеризуя режим содержания бессрочно-каторжных как «невыносимый»: «Строже всех содержались осужденные на бессрочную каторгу и на 20 лет. Таких в Бутырской тюрьме в то время было несколько сот, они помещались в отдельном коридоре, <...> закованы были в ножные кандалы, которые у них никогда не снимались, за исключением у больных по предписанию врача. Отбывшие кандалный срок пользовались наиболее льготным режимом, их выпускали и на наружные работы. Кандалные же работали только в мастерских внутри тюрьмы»⁵²¹. То же замечал и Фудель, сравнивая плохое содержание с медленной смертной казнью и констатируя удручающее влияние на арестантов кандалов⁵²². Тюрьма, как считал Фудель, истощала человека и физически, и духовно: «Когда видишь умирающего медленно в цинге, то с ужасом думаешь об европейской гуманности, которая доводит здорового человека до могилы, вместо того чтобы, сделав ему «внушение», отпустить на свободу»⁵²³.

⁵¹⁸ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 67.

⁵¹⁹ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 60.

⁵²⁰ Джунковский В.Ф. Воспоминания. С. 387.

⁵²¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. С. 386-387.

⁵²² Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 61.

⁵²³ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 4. С. 55.

Реалии тюремной жизни убеждали Фуделя в антигуманности тюремной системы. Это проявлялось в мере наказаний, судебных ошибках, условиях содержания арестантов. Опыт наблюдений и отчасти – юридическая подкованность подталкивали его к формулированию тех мер, которые могли бы исправить положение. Как писал Фудель, стены тюрьмы на некоторых действовали как стены монастыря, а других «развращали»⁵²⁴ (порядочные люди растворялись среди худших сотоварищей), поэтому он предлагал изолировать хороших арестантов от дурных – делать камеры на 5-10 человек (тогда как на деле в них помещали по 25 преступников, причем стремились располагать в камере поровну политических и уголовных, во избежание побега или беспорядка, т.к. «они никогда не сходились между собой»⁵²⁵).

Он отмечал, что среди каторжан множество невинно осужденных, в том числе и по оговору⁵²⁶. Встречались и прямо непричастные к преступлению, но осужденные: одни попались за бунт, другие по обвинению в укрывательстве убийства, большинство по обвинению в поджоге, часты были случаи подкупа свидетелей. Поэтому, как считал Фудель, стоило разработать вопрос о наказании за укрывательство, а упор на предварительное следствие мог бы решить проблему судебной ошибки, и, по его мнению, «необходимо отвести место прокурору и защитнику в камере судебного следователя, изгнав их из суда»⁵²⁷.

У отца Иосифа сформировалось убеждение, что жестокость наказания, и страдания, причиняемые им, зачастую превышают грех преступления. Условное наказание, по его мнению, – необходимая мера наказания, которая помогла бы избежать разрушение семей и судеб из-за незначительных преступлений. Кроме того, Фудель – противник не только смертной казни⁵²⁸, но и пожизненного заключения. Он считал, что необходимо сократить сроки наказания – оставить надежду на исправленную жизнь, которой не дает 10–20-летний срок. Не

⁵²⁴ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 63.

⁵²⁵ Джунковский В.Ф. Воспоминания. С. 387.

⁵²⁶ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 4. С. 59.

⁵²⁷ Там же. С. 58.

⁵²⁸ При этом он не осуждал ее применение властями в чрезвычайных ситуациях, как, например, в Первую русскую революцию. См.: Фудель И.И. Предстательство Церкви // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

удовлетворяло его и состояние российской каторги, которая отнимала надежду и выбрасывала из общества навсегда, отрывая от своей земли, родного дома и семьи⁵²⁹.

Вместе с тем в публицистических выступлениях отец Иосиф проводил мысль о том, что ссылка как форма наказания – лучше тюрьмы, т.к. она не убивает надежду и рецидивов после нее проявляется меньше⁵³⁰. Проводя разбор позиций, высказанных на Международном Тюремном конгрессе 1900 г., он скорее соглашался с зарубежными выступающими и полагал, что организация плохо поставленной у нас ссылки – насущная задача, в которой стоит опираться и на европейский опыт (например, оплата каторжного труда), а также на пример Сахалина, который он считал положительным⁵³¹. Однако это мнение не было популярным (так, начальник главного тюремного управления А.П. Саломон приводил доводы об отмене ссылки, доказывая несостоятельность этого вида наказания в российских условиях⁵³²), и к тому же, Сахалин как место отбывания каторжных работ перестал существовать после русско-японской войны.

Одна из центральных идей Фуделя в его размышлениях о состоянии тюрьмы заключалась в том, что важнейшая ее задача – исправление и возрождение человека (а не только изоляция преступника от общества) – не выполняется, что потерялся нравственный смысл наказания, и тюрьма превратилась в «синоним школы порока и преступления». Вместо примеров милосердия и равнодушия – «последнее слово гигиены, <...> бессмысленный труд, иногда проповедь, скользящая по поверхности души и мертвящий формализм во всем...»⁵³³. Были и факты, удручающие Фуделя как священника: обязательство говеть для всех арестантов без исключения (тогда как к таинствам должны приступать ищущие

⁵²⁹ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 64.

⁵³⁰ Фудель И.И. О тюрьме и ссылке в обсуждении VI Международного Тюремного конгресса // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

⁵³¹ Там же.

⁵³² Саломон А.П. Ссылка в Сибирь : Очерк ее истории и соврем. положения: Для Комис. о мероприятиях по отмене ссылки СПб., 1900.

⁵³³ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 4. С. 55.

его), запрещение причту брать добровольные пожертвования с заключенных (что расстраивало их и пресекало доброе намерение)⁵³⁴ и т.п.

В дневнике отец Иосиф так сформулировал убеждения, вынесенные им из тюремной практики: «1) Глубина и истинность православно-христианского мировоззрения. 2) Высота русского мужика, воспитанного в этом мировоззрении. 3) Ложь и несправедливость формального суда. Правда внутренняя никогда не сойдется с правдой внешней и никогда ни один суд не может олицетворять правосудие. Фемида слепа не потому, что перед ней все равны, а потому, что для нее закрыта душа человеческая»⁵³⁵.

Столь пессимистические выводы, однако, отца Иосифа не сломили: он продолжал работать не покладая рук. Фудель выступал за гуманизацию тюремной системы и в своих статьях. Так, он ратовал за улучшение положения семей, добровольно следующих за ссыльными мужьями и отцами в Сибирь и на Сахалин⁵³⁶. Проблема заключалась в том, что под их перевозкой «за казенный счет» понималось этапирование в тех же условиях, что и у арестантов (женщины при этом помещались вместе с преступницами, дети – с малолетними преступниками и ехали под конвоем). Отец Иосиф предлагал задуматься о необходимости улучшения содержания семей и их отправки – не раз в год с каторжанами, а на любых пароходах в качестве пассажиров. Кроме того, начальством не ставилась проблема разлучения семей, которая на самом деле была очень острой. Одна из частых причин ее заключалась в том, что при перевозке в тюрьму летом в жару возрастала заболеваемость детей, из-за чего во время дальнейшей отправки в Сибирь или на Сахалин партии арестанток их оставляли в больнице, а мать вынуждена была либо отправляться за мужем, бросив ребенка, либо ждать еще целый год до следующего отправления женщин (т.к. женские партии отправлялись раз в год).

⁵³⁴ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 3. С. 63.

⁵³⁵ Фудель И.И. Дневник... // Православная община. 1991, № 4. С. 56.

⁵³⁶ Фудель И.И. Один из тюремных вопросов // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 6-7.

Как положительный пример при Бутырской тюрьме существовал Сергиево-Елизаветинский приют (созданный дамским благотворительным тюремным комитетом под председательством Вел. кн. Елизаветы Федоровны), отделявший добровольно следующих от преступников, однако и он не решал указанной проблемы. Поскольку донести до вышестоящих инстанций конкретные предложения было практически невозможно, в основном Фудель оказывал адресную помощь арестантам и каторжанам, постоянно навещал больных, помогал жертвам судебной ошибки⁵³⁷.

Убедившись в несовершенстве государственных механизмов касательно исправления человека, он приходил к тому, что «могучими средствами для нравственной выработки личности обладает одна лишь Церковь»⁵³⁸ и много сил отдавал развитию именно этой церковной функции. Также он считал, что дисциплинарной власти церкви, обладающей возможностью применения к христианину конкретных мер (таких как внушение и увещание, епитимия, отлучение и т.д.), «более всего чуждо понятие внешнего принуждения или насилия, ибо область действия Церкви есть душа»⁵³⁹, и «только этим путем можно сдерживать распространение нравственного зла, неуловимого для всякой иной власти»⁵⁴⁰.

«По моему глубокому убеждению, надо закрыть глаза на все происходящее вне нас и чего изменить мы не можем, углубиться в себя и всецело отдаться своему непосредственному делу. Необходимо прежде всего бодрствовать над самим собой, умерщвлять свои страсти и помыслы греховные, дабы не явиться кому-либо соблазном, и в то же время неленостно исполнять свои обязанности: учить, служить, наставлять» – писал он 14 мая 1898 г. к священнику Евгению Ландышеву⁵⁴¹. Сфера для созидательного труда была у священника широкая: «Церковная школа, чтения и беседы, немолчная церковная проповедь, истовое

⁵³⁷ Подготовительные материалы С.И. Фуделя к сборнику "Воспоминания об о. Иосифе" // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

⁵³⁸ Фудель И.И. О значении церковной дисциплины в народной жизни. СПб., 1900. С. 4.

⁵³⁹ Там же. С. 9.

⁵⁴⁰ Там же. С. 17.

⁵⁴¹ Цит. по: Фудель С.И. Воспоминания. С. 32.

богослужение, братские союзы в приходе для призрения нищих, для борьбы с пороком или врагами Церкви, приходская миссия и т. под. – все это не что иное, как звенья одной обширной цепи средств воспитания личности и подъема нравственного уровня народа»⁵⁴².

Служение в Бутырской тюрьме укрепило и умудрило опытом мировоззрение отца Иосифа. Это и было то самое народничество, тяжкий труд, открывший для молодого священника много мрака, но и подтвердивший ему истинность и силу его веры. На его глазах происходили человеческие трагедии, ломались судьбы, переживались страдания, встречавшиеся привычным равнодушием начальства, как будто позабывшего о том, что Фудель считал главным делом не только в тюрьме, но и в жизни, – о нравственном воспитании личности. Тем не менее, Л.А. Тихомиров вспоминал, что «своей пастырской службой в тюрьме о. Иосиф вообще был доволен»⁵⁴³.

Как писал Джунковский, в декабре 1905 г. «тюрьме пришлось выдержать несколько наступлений революционеров, и только благодаря умелым энергичным действиям конвойной команды под руководством опытного начальника тюрьмы генерал-майора Мецнера тюрьма устояла. Начальник тюрьмы просил прислать провизии и для конвойной команды патронов. Я доложил об этом генерал-губернатору, который и приказал сбить баррикады вокруг тюрьмы и отправить под прикрытием двух рот Таврического полка съестные припасы для тюрьмы и патроны для конвойной команды»⁵⁴⁴. С разрастанием Первой русской революции атмосфера тюрьмы совершенно изменилась: «Сотни арестованных "политических", наполнивших камеры, с утра до ночи проводили шумные демонстрации, распевали революционные песни, устраивали иллюминации из своих сожигаемых матрасов и т. д. К своим демонстрациям они привлекали и уголовных. Вся тюрьма пришла в такое нервное возбуждение, что какие бы то ни было мысли о религии отошли на задний план, и не оставалось места никакой

⁵⁴² Фудель И.И. О значении церковной дисциплины... С. 4.

⁵⁴³ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

⁵⁴⁴ Джунковский В.Ф. Воспоминания. С. 123.

деятельности священника. Однако это тяжелое время о. Иосифу пришлось пережить на своем посту в тюрьме»⁵⁴⁵.

Прослужив в тюрьме 15 лет, И.И. Фудель все же не смог вписаться в систему, еще и заявлявшую новые требования в условиях революции. Не согласившись на предложение тюремного инспектора организовать в коридорах тюрьмы беседы на духовно-нравственные темы с обязательным посещением, считая, что принуждение в данном случае не уменьшает, а укрепляет противорелигиозное настроение (при том, что более половины каторжников были осуждены за политические преступления)⁵⁴⁶. Противостояние с начальством закончилось переводом отца Иосифа на последнее место его служения – в небольшой и бедный приход на Арбат. Как писал С.И. Фудель, «живое дело отец нашел и на Арбате, но все-таки сердце свое, всю основную силу своей горячей воли он оставил в тюрьме. На арбатский приход он пришел уже надорванным от борьбы с косностью, от все усиливающегося чувства духовного одиночества и безнадежности»⁵⁴⁷. Можно заметить примечательную параллель – о своих ранних поездках в Оптину пустынь отец Иосиф писал: «Да, это была миниатюрная Россия, представленная всеми ее разнородными частями. Здесь можно было наблюдать, изучать, прикоснуться к тайникам народной души»⁵⁴⁸. Но получилось так, что и Бутырская тюрьма стала для него такой же «Россией в миниатюре», правда, скорее «земной», чем «небесной».

Таким образом, вводимые в научный оборот материалы позволяют реконструировать пятнадцатилетний этап биографии И.И. Фуделя. Отец Иосиф живо участвовал в судьбах заключенных, интересовался тенденциями развития отечественной и международной пенитенциарной системы. Он не только записывал критику в дневник, но и высказывал ее публично, предлагая

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ Фудель С.И. Воспоминания. С. 40.

⁵⁴⁷ Там же. С. 51.

⁵⁴⁸ Фудель И.И. Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С.Н. Дурылину) // Преемство от отцов. С. 448.

конкретные меры по улучшению существующего положения, а главное – пытался преодолеть его недостатки примером собственного подвижничества⁵⁴⁹.

§ 3. И.И. Фудель в арбатский период жизни (1907–1918)

Последний период жизни И.И. Фуделя связан с его служением в арбатской церкви Николая Чудотворца в Плотниках, в которой отец Иосиф был настоятелем. В это время он сосредоточился на приходской жизни: заботился о ее оживлении, вовлекал мирян в богослужение и церковную благотворительность, боролся с сектантами-адвентистами, проповедовавшими в приходе (это была целая эпопея, описанная Тихомировым⁵⁵⁰), заботился о приходских бедных, выпускал «Приходской вестник», занимался издательством сочинений К.Н. Леонтьева, в годы войны собирал средства для голодающих (в его честь даже назвали открытую за его счет столовую в Самарской губернии⁵⁵¹), был пастырем лазарета⁵⁵², посещал религиозно-философские кружки. Сестра милосердия Н.А. Верховцева, которая останавливалась на некоторое время в квартире Фуделей, с теплотой вспоминала: «И сам он, и вся его чудесная семья являлись образцом христианского семейства, спаянного верой и любовью к Господу и друг к другу. Не забыть мне этого чудесного пастыря, как и его дочь Марию, благоухание души которой я глубоко ценила. Каким примером самопожертвования, подвижничества, сострадательной любви являлась она мне на первых порах моей сестринской деятельности!»⁵⁵³.

Приход церкви свт. Николая, был небольшим: включал 29 домов и хозяйств, 176 мужчин и 399 женщин, в основном дворянского сословия⁵⁵⁴. Тихомиров вспоминал новоселье у Фуделей: «Очень милое, совершенно провинциальное жилище, погост, с закоулками, сараями, садиком и так далее. Он наверху

⁵⁴⁹ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Винюкова Н.В.* Служение в Бутырской Пересыльной тюрьме: опыт И.И. Фуделя (1892–1907) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 90. С. 22-38.

⁵⁵⁰ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 30. Об. – Л. 32.

⁵⁵¹ *Фудель С.И.* Воспоминания. С. 51.

⁵⁵² Воспоминания В.Т. и Н.А. Верховцевых. М., 2001. С. 53.

⁵⁵³ Там же. С. 53-54.

⁵⁵⁴ ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 204.

блаженства, избавившись от своей тюрьмы и перешедши на приход»⁵⁵⁵. Перейдя на новое место, отец Иосиф Фудель горячо взялся за приходскую работу, и, особенно за развитие взаимопомощи. «В первую очередь привлекла его внимание вся беднота, живущая в приходе. Если в тюрьме людей, во всяком случае, кормили и давали койку, то здесь часто не было и этого, и кто-нибудь мог мечтать о тюрьме <...>. Через полгода после своего переезда в приход, т.е. в мае 1908 года, отец начал, как он сам писал, "с сомнением и боязнью совершенно новое дело для приходской жизни в России" – издание своими силами и средствами "Приходского вестника", печатного органа общения пастыря с приходом» – писал Сергей Фудель⁵⁵⁶. Подобного рода приходская издательская деятельность в то время распространена не была. Наиболее известной и успешной инициативой в этой области были просветительские «Троицкие листки» для народа, издаваемые Троице-Сергиевой Лаврой с 1879 г. – но у Лавры как крупного духовного центра было больше возможностей, поэтому масштаб этого предприятия был поистине широкий.

В случае с Фуделем «Приходской вестник» преследовал скорее практические цели и способствовал развитию деятельности приходского попечительства. Он сослужил большую службу в борьбе с адвентистами, покушавшимися пустить свои корни в приходе, в привлечении деятелей и пожертвований, в устройстве склада одежды для бедных, организации рождественской елки для детей. Издание рассылалось по домам прихода, как бы взывая о помощи к каждому прихожанину, и это возымело успех: так, сбор средств для слабоумных и припадочных детей, благодаря Вестнику, превысил прошлогодний в 2,5 раза. «Всякое воззвание к добру находило свой отклик в сердцах прихожан», но отец Иосиф с грустью отмечал их разобщенность: «Друг друга не знают. Живут помногу лет вместе, а никого не знают даже по фамилиям. Это общий недуг приходской жизни, не в нашем только приходе, а почти везде»⁵⁵⁷. Фудель убедился в незаменимом

⁵⁵⁵ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905 - 1907 гг. С. 391.

⁵⁵⁶ Фудель С.И. Воспоминания. С. 49.

⁵⁵⁷ Фудель И.И. За год // Приходской вестник. 1909. №7. Май. Там же. С. 4.

значении такого печатного приходского органа. Особенно для него важно было развитие чувства взаимной связи и церковного единства – «а это первое и главное, чего надо достигать для возрождения приходской жизни»⁵⁵⁸. Однако выполнить и десятую часть задуманного не удалось: за неимением достаточных средств, приходилось суживать издание и ограничиваться только самым необходимым и злободневным материалом⁵⁵⁹, а к 1915 г. он и вовсе прекратил издательство⁵⁶⁰.

Тихомиров писал, что «приход св. Николая в Плотниках стал с течением времени одним из лучших в Москве, если не самым лучшим. Его Приходское Попечительство заявило себя и в благотворительности, и в школьном деле, и в собраниях, на которых читались сообщения и велись беседы по различным вопросам»⁵⁶¹. И вся эта деятельность происходила несмотря на внутренние потрясения отца Иосифа: «Рухнули все его надежды, и рухнули так беспощадно, без остатка, как этого не могло бы привидеться в самом кошмарном сновидении. Никакой пессимизм К.Н. Леонтьева не мог в юности о. Иосифа предсказать того полного всеобщего разрушения, которое выпало на долю последних лет его жизни. <...> И если бы развал произвели только какие-нибудь внешние силы, это было бы еще можно перенести, но «Святая Русь» рухнула изнутри, сама перестала быть собой. Тут уже надежд не может оставаться»⁵⁶². Эту страшную драму, близкую к потере смысла жизни, особенно острую, согласно Тихомирову, в 1915–1916 гг., отец Иосиф все же одолел: в «последние два года жизни о. Иосиф и достиг внутреннего мира, плода высшего духовного созревания»⁵⁶³. Сергей Фудель пишет о преодолении кризиса после 1914 г.⁵⁶⁴. Расхождение, вероятно, связано с глубокими разочарованиями самого Тихомирова в годы Первой мировой войны⁵⁶⁵. Особую мрачность настроению Тихомирова и его окружения (в

⁵⁵⁸ Там же. С. 3.

⁵⁵⁹ Там же.

⁵⁶⁰ Фудель С.И. Воспоминания. С. 49.

⁵⁶¹ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.

⁵⁶² ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 37 Об. – 38.

⁵⁶³ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.

⁵⁶⁴ Фудель С.И. Воспоминания. С. 54.

⁵⁶⁵ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 467.

основном тогда это были члены новоселовского кружка⁵⁶⁶) придавала так называемая «распутинщина». «Распутин была мука, личная, историческая, апокалиптическая», – вспоминала их общая знакомая Н.В. Угримова⁵⁶⁷. «"Я верил, что русский народ носитель православия!"... "Было, может быть, ушло... Может быть ушло на север куда-нибудь, придет оттуда, от какого-нибудь другого народа". ..."Велик русский народ в страдании, ужасен в благополучии"», – говорил ей отец Иосиф⁵⁶⁸.

В последние годы, как вспоминал Тихомиров, Фудель достиг наивысшего внутреннего спокойствия: «Он даже перестал читать газеты и неохотно говорил о политических делах. Он стал интересоваться эсхатологическими вопросами, но не был ни мрачен, ни апатичен, а жил какой-то особой внутренней жизнью. На меня он производил необъяснимое успокоительное действие; в беседе с ним забывались земные смятения и страхи, и вспоминалось, что над этой жизнью есть другая, где все светло и блаженно, где владычествует бесконечность. Великая Благая Сила, не потрясаемая нашими бурями и катастрофами. О. Иосиф, благодушный и спокойный, уже, казалось, жил в ней, и только навевывался в нашу, чтобы сделать какое-нибудь распоряжение, узнать, будут ли у нас выдавать хлеб, не будет ли какой реквизиции, да помолиться за кого-нибудь»⁵⁶⁹. То же подтверждает и сын: «Наиболее светлым он мне вспоминается именно в последние годы – после 1914-го. В это время он освободился почти от всех литературных работ. Им были написаны тогда, кажется, только "Воспоминания о Леонтьеве", "Леонтьев и Соловьев" и работа о приходе <...> Он все больше уходил в молитву <...> все ярче светил в последние годы, когда появились кипарисовые четки и началось чтение Псалтири»⁵⁷⁰.

Отец Иосиф был из тех священников, к которому тянулась интеллигенция: «К о. Иосифу часто обращались лица, ищущие присоединения к православию. Все

⁵⁶⁶ Там же. С. 470.

⁵⁶⁷ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 5. Об.

⁵⁶⁸ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 5. Об.

⁵⁶⁹ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 40. - Л. 40. Об.

⁵⁷⁰ Фудель С.И. Воспоминания. С. 55.

это были по преимуществу интеллигенты и евреи. Интеллигенция естественно ожидала, что священник из светских, университетский, сам принадлежащий к тому же слою, легче поймет его религиозные запросы»⁵⁷¹. Но отец Иосиф не всегда быстро соглашался крестить, он серьезно относился к таким намерениям и интересовался побуждениям к этому: «Им руководили какие-то особенные соображения применительно к личности, к состоянию души. Он вообще сильно верил в самостоятельное действие мистического элемента, и придавал поэтому огромное значение действию самого таинства», – объяснял Тихомиров⁵⁷².

Так случилось и с Н.В. Угримовой (урожденной Гаркави). Молодая женщина, крещеная в протестантской церкви ради брака с христианином, вдруг сознательно решила принять православие. Она выросла в еврейской семье, получила всестороннее образование: «Рано (в шестнадцать лет) и блестяще, с золотой медалью, окончила классическую гимназию, изрядно знала немецкий, французский, и английский языки, посещала лекции в заграничных университетах, училась рисованию у хороших мастеров и подавала большие надежды в игре на фортепьяно, будучи очень музыкальной по природе»⁵⁷³. Вернувшись с семьей из европейских поездок, она зачиталась русской религиозной философией. Философ Г.А. Рачинский, очень любивший и почитавший Фуделя, познакомил их⁵⁷⁴. Но по решению отца Иосифа присоединение произошло только через год – в феврале 1914 г.

Вскоре Н.В. Угримова станет любимой духовной дочерью и другом отца Иосифа⁵⁷⁵. «После о. Иосифа я не исповедовалась так ни у кого, даже у старцев; мешали, путали – смущение, рисовка, стыд, или гордыня. Тут была простота, тишина, и опустошенность до дна. О. Иосиф знал это... Он в исповеди не поучал, не прерывал, создавал какое-то чувство, что он лишь посредник и, действительно, "Христос невидимо стоит"» – вспоминала Угримова своего духовника⁵⁷⁶.

⁵⁷¹ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 34. Об.

⁵⁷² Там же. Л. 35.

⁵⁷³ Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004. С. 376.

⁵⁷⁴ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

⁵⁷⁵ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 34. Об.

⁵⁷⁶ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л.4. – Л. 4. Об.

Как пишет сын Угримовой, Александр Александрович Угримов, Иосиф Фудель был очень известен в Москве⁵⁷⁷. Из его мемуаров можно узнать об интересах Угримовой, о том, что она часто собирала гостей, круг которых для нас весьма показателен, т.к. в этот дом был вхож и отец Иосиф: «Моя мать вошла в Религиозно-Философское общество, была попечительницей нескольких учебных заведений, основательницей музыкального кружка Brahmsverein, посещала много концертов, лекций – словом, принадлежала к соответствующему московскому культурному кругу. <...> Среди ближайших друзей и близких знакомых моих родителей, частых гостей у матери назову: Игоря Платоновича Демидова (член Государственной Думы) и его жену Екатерину Юрьевну, урожденную Новосильцеву; Константина Николаевича Игумнова (пианиста); Сергея Павловича Ордынского (адвоката); Юрия Николаевича Померанцева (дирижера в Большом театре); Сергея Андреевича Котляревского (моего крестного отца); Елену Владимировну Герье, Софью Владимировну Герье (теософку), их сестру Любовь Владимировну, бывшую замужем за Матвеевым; Полину Жильбертовну Доберт (камерную певицу, певшую и у нас в доме); Григория Алексеевича Рачинского (известного московского церковного деятеля, близкого к А.Д. Самарину); Лидию Новгородцеву (жену профессора); отца Иосифа Фуделя; Маргариту Кирилловну Морозову; художника Пастернака с женой; Овинова с женой Марией Юрьевной, старшей из дочерей Новосильцева»⁵⁷⁸. Это еще раз подтверждает, что отец Иосиф был вовлечен в культурную и религиозно-философскую жизнь Москвы.

Угримов свидетельствует о том, что отец Иосиф сыграл свою роль и в его жизни: «В церковь нашу стал я ходить еще до первой исповеди, когда мне было лет семь. И вот эту исповедь у о. Иосифа Фуделя, когда я в темной церкви за ширмой плакал навзрыд (от раскаяния и от страха тоже, наверное), я и беру за начало моего сознательного отношения к Богу. Да, я всю жизнь веровал в Бога и никогда не отступался. <...> Покрытое наполовину вуалькой, как тогда носили,

⁵⁷⁷ Угримов А.А. Из Москвы... С. 379.

⁵⁷⁸ Там же. С. 379-380.

печальное лицо матери в церкви хорошо вижу и сейчас. Многому послужило в укреплении моем в Православной вере и мое прислуживание в алтаре. Отца Иосифа я чрезвычайно уважал, побаиваясь его строгости без страха, а с любовью и почитанием»⁵⁷⁹.

По воспоминаниям Угримовой, Фудель любил классическую гимназию С.Н. Фишер, где он преподавал, и у гимназисток встречал ответное чувство: «Знаю, по рассказам "фишерок", что его очень любили ученицы, как преподавателя. <...> Уроки Закона Божия были одни из любимых уроков. На выпускных экзаменах – по традиции – старался класс блеснуть, и ученицы выучивали: одни по-гречески (из) Евангелия от Иоанна, другие по-славянски (что, не помню) и т. д.»⁵⁸⁰. В эту гимназию, считавшуюся одной из лучших в Москве, Угримова отдала и свою дочь⁵⁸¹, там же учились и две дочери отца Иосифа.

Действительно, законоучительство в гимназии, где Фудель преподавал с 1902 г., занимало важное место в его жизни⁵⁸². Очень теплые и дружеские отношения сложились у отца Иосифа с руководителем гимназии Софьей Николаевной Фишер. В память о ней священник оставил некролог, где вспоминал о наставнице своих гимназисток как об удивительном и глубоком человеке, превосходном педагоге. Описывая биографию Софьи Николаевны, Фудель отмечал, что поворотным моментом в ее судьбе было знакомство с крупным консервативным публицистом и сторонником «классического» образования М.Н. Катковым, который оценил ее педагогические таланты и поддержал задуманное ей необычное дело: «Она решила открыть женскую классическую гимназию с программой преподавания тождественной программе только что утвержденной для мужских классических гимназий»⁵⁸³. Ее целью было дать русской женщине широкое и глубокое гуманитарное образование, при этом «осветив для нее и все воспринятое ею и весь ее жизненный путь светом веры

⁵⁷⁹ Там же. С. 444-445.

⁵⁸⁰ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

⁵⁸¹ Угримов А.А. Из Москвы... С. 381.

⁵⁸² ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 195.

⁵⁸³ Фудель И.И. Светлой памяти Софии Николаевны Фишер. Богословский вестник, 1913, № 12. С. 887.

Христовой, в разуме Отцов Церкви»⁵⁸⁴. Впоследствии она мужественно и несокрушимо вела это «общественное и даже государственное дело» в течении более сорока лет, не сделав уступок времени (при том, что, по словам Фуделя, в 1910-е гг. в России уже не было ни одной мужской гимназии с такою же обширной программой по классическим языкам)⁵⁸⁵.

Составляя портрет Фишер, отец Иосиф пытался передать обаяние ее личности, подчеркивая в ней такие качества как отзывчивость, изумительное смирение, живую и ревностную веру («она верила просто, сердечно, по-Филаретовски»). При том что у нее не было своих детей, все свое внимание и силы она отдавала своим ученицам, многие из которых сохраняли с ней связь всю жизнь (немало воспитанниц Фишер содержала на собственные средства). «Она осуществила, показала нам *реально* идеал христианской женщины-матери» – писал Фудель⁵⁸⁶.

Воспоминания В.М. Сытиной, одной из учениц отца Иосифа, а потом и жены Сергея Фуделя, восстанавливают картину урока Закона Божия в гимназии: «В классе девочки лет 12-13, их мало, всего 28 человек <...>. Девочки его любят и чувствуется, что как бы берегут. Он приходит обычно усталый, по виду слабенький, но всегда спокойный и приветливый. Спросит выучили ли мы заданный урок, иногда кого-нибудь спросит, а иногда и нет, и отметит, что надо выучить к следующему уроку. Затем, взяв Новый завет, встает и, тихонько похаживая между нашими рядами, начинает с нами беседовать. Так проходит больше половины урока, нам хорошо его слушать, и вдруг он перестает казаться нам слабым и усталым, а заставляет нас самих собраться и слушать с непритворным вниманием и интересом, самым искренним и серьезным, его тихий разговор с нами»⁵⁸⁷.

В центре его преподавания всегда был Новый Завет: «Почти весь урок его ученики или ученицы читали Евангелие, или он сам его читал, пояснял, дополнял

⁵⁸⁴ Там же.

⁵⁸⁵ Там же. С. 888.

⁵⁸⁶ Там же. С. 891.

⁵⁸⁷ *Сытина В.М.* Урок. Воспоминания ученицы // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

параллельными местами. На вопросы по катехизису оставались последние минуты перед звонком»⁵⁸⁸. «Вот опять урок, мы читаем Евангелие, батюшка нас поправляет очень терпеливо и любяще. Все читаем, но порознь, по очереди. Беседа после этого идет о том, как просыпается в нас чувство живого тяготения к Богу. У всех оно есть. Но это обращение к Нему нельзя покинуть, оставить на произвол: "как пойдет, так само пойдет". Это чувство обращения к Богу живому надо беречь как нежнейший молодой зеленый росточек, только что вышедший из земли. Он еще такой неокрепший, нуждается в бережном уходе, сам ничего еще не умеет себе дать, надо его уберечь и укрепить, чтобы он вырос крепким и был нашей главной надеждой и опорой. "Берегите это чувство в себе, не дайте ему завянуть". После такой беседы и такого чтения, Евангелие бережнее убиралось и внутреннее имущество душевное пересматривалось с большей осторожностью» – вспоминала некогда гимназистка В.М. Сытина⁵⁸⁹.

Вот как она передает одну навсегда запомнившуюся ей речь И.И. Фуделя о силе молитвы: «<...> И вот что самое главное, что вы *запомните* [выделено автором – Н.В.]: это что у вас в руках есть могучее оружие, которое все побеждает и всем доступно – молитва. Вы можете помолиться за тех, кому вы не имеете права ни сделать замечание, ни возразить, а может быть и побоитесь просто это сделать. Не думайте, что молитва – это только высказывание молитв словами, которые прозвучали и замолкли, попытайтесь прибегнуть к ней и вы почувствуете, какая великая сила кроется в ней. И когда она вам поможет уже не отступайте и *не забывают*, как она вам помогла»⁵⁹⁰. «Так мы росли, имея душевный "уход" нашего доброго наставника, который наверное не знал, как глубоко западали его слова в наши сердца. Тем более, что он никогда не читал нам наставлений, а только Слово Божие и беседовал как с вполне разумными, хотя еще и малыми и слабыми детьми» – писала ученица⁵⁹¹.

⁵⁸⁸ Фудель С.И. Воспоминания. С. 29.

⁵⁸⁹ Сытина В.М. Урок. Воспоминания ученицы // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. Л. 5. Об.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Там же. Л. 6.

Смерть отца Иосифа глубоко затронула его близких – настолько глубоко, что его последние дни можно реконструировать до малейших деталей. Самый подробный рассказ оставил Л.А. Тихомиров – возможно оттого, что, когда он писал свой очерк, горечь утраты была еще так свежа. Осенью 1918 г. отец Иосиф тяжело заболел – мировая эпидемия «испанки» докатилась и до Москвы: «В конце сентября 1918 г. он произносил в своем храме особенно горячие проповеди, на которые все обращали внимание, как нечто выдающееся из ряда. 22 сентября, возвратившись домой, он сразу осунулся, стал жаловаться на страшную головную боль, и ночью лежал уже в сорокоградусном жару»⁵⁹².

В эти тяжелые дни особенно проявилась любовь прихожан. «Трудно представить, откуда бы достала семья все это в настоящее время, когда ничего не продается, а за тем, что могла достать – нужно по несколько часов стоять в «хвосте», дожидаясь очереди <...> На кухню Евгении Сергеевны ежедневно являлись припасы: приносили молоко, яйца, муку, даже коньяк, кто-то каждый день приносил крепкий бульон... «Не знаю, кто и носит», говорила мне в слезах Евгения Сергеевна»⁵⁹³ – вспоминал Тихомиров. О том же пишет и другая свидетельница этих событий: «Было материально тяжелое время, но беспрестанно звонили, стучали, осведомлялись о здоровье и передавали пакетики с продуктами. Приход кормил в эти дни своего батюшку, кормил его семью»⁵⁹⁴.

Последние дни запечатлел Сергей Фудель: «Умирал он в полном сознании своей смерти именно как момента перехода в "иного бытия вечного начало". За три дня до смерти, лежал в жару, он попросил одну из дочерей почитать ему Псалтирь. "Какую кафизму читать?" – спросила она. "Открой наугад". Она открыла, и, когда прочла до конца, он сказал: "А знаешь, Ниночка, это ведь ты на погребение мне прочла". Это была 17-я кафизма – "блажени непорочные в пути", читаемая на заупокойных службах. Он умер под утро 15/2 октября 1918 года, а накануне вечером причастился и сам громко и внятно произнес всю молитву

⁵⁹² ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 41.

⁵⁹³ Там же. Л. 41. Об.

⁵⁹⁴ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 6. Об.

"Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко", глядя неотступно на икону Казанской Божией Матери, писанную в Шамордине, рядом с Оптиной, там, где была его юность у ног старца Амвросия. После этого каждого из своих детей благословил, с каждым простился, каждому улыбнулся. Я, помню, был в соседней комнате, и туда вошла мама и сказала: "Идите, он хочет проститься". Так надо умирать. И не потому ли его похороны были для нас не то горем, не то праздником?»⁵⁹⁵.

Детально восстанавливал в памяти события Тихомиров: «От самой входной двери все заполняла густая толпа. Шла панихида. В толпе слышались по временам рыдания. Пели Фишерки, провожавшие своего батюшку. Вот прозвучало хватающее за сердце «Со святыми упокой, Христе», все опустились на колени, громче слышались сдерживаемые рыдания... <...> Похороны о. Иосифа состоялись 5 (18) октября. Накануне произошел вынос тела в церковь, и служили парастас, заупокойную всенощную. Раньше выноса шли постоянно панихиды на дому Фуделей. На всех службах я видел о. Илью Четверухина, близкого друга покойного. Много священников явилось проводить его последними молитвами, протопресвитер Николай Любимов, местный благочинный о. Сергей Успенский, о. Константин Всесвятский, о. Иоанн Арсеньев из храма Спасителя. Было много и других (о. Пятикрестовский, Забавин, Калиновский, Сахаров и другие) – только ни один епископ не пришел проводить такого уважаемого и заслуженного протоиерея. На это обратили внимание даже в народе, стекшемся во множестве. В церкви, на порастасе и на отпевании, теснилась густая толпа прихожан и друзей покойного. Жарко и душно было, и трудно было пробиться ко гробу, перед которым проходила толпа прощающихся. Хор Фишерской гимназии пел на всех службах и воспитанницы последний раз почтили своего наставника греческими распевами»⁵⁹⁶. «Флоренский один из первых священников пришел на панихиду, и я помню его читающего "Боже духов и всякия плоти"», – писал Сергей Фудель⁵⁹⁷.

⁵⁹⁵ Фудель С.И. Воспоминания. С. 57-58.

⁵⁹⁶ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 44. - Л. 44. Об.

⁵⁹⁷ Фудель С.И. Воспоминания. С. 47.

О последних днях особо написала и Н.В. Угримова: «О. Иосиф заболел "испанкой". Почему-то сразу было известно, что опасно. Болел, насколько помню, не долго, дней 10. Засыпал, угасал, уходил. Соборовался еще в начале болезни и соборовалась матушка. Несомненно готовился к смерти, готовилась и матушка, а последние дни все мы – приход. <...> Рано утром позвали. О. Иосиф тихо, совершенно тихо уходил (не приходя в себя). Комната наполнилась народом – двери не были заперты. Приходили и приходили прихожане – дети. Потом кто-то стал читать отходную. О. Иосифу вставили в руку свечу, кто держал не помню; все стали на колени. Это приход – в данном случае это было живое церковное тело – с молитвой провожал своего отца.

Панихиды были непрерывно. На отпевании церковь была полна. Пели хорошо – церковный хор, но о. Иосиф однажды выразил пожелание, чтобы пели фишерки "Херувимскую" и "Отче наш". Они пели по-особенному. Замечательно, и по-гречески. Затем весь приход провожал на Ново-Девичье кладбище. Шла толпа»⁵⁹⁸.

Отец Иосиф заранее купил могилы для себя и жены на кладбище Скорбященского монастыря, но места оказались потеряны, т.к. монастырь реквизируют, и в нем была помещена воинская часть Красной Армии⁵⁹⁹. И здесь выручили прихожане. Они пожелали взять все похоронные расходы на себя – собрали три тысячи пятьсот рублей. Вообще, любовь к батюшке проявилась невиданная и неожиданная даже для членов семьи, т.к. помогали и люди, пожелавшие остаться неизвестными: «Посторонний наблюдатель мог бы подумать, что это хоронят богатого человека, а не ничего не имевшего о. Иосифа Фуделя <...> Когда Евгения Сергеевна отправилась на могилу мужа, на другое утро после похорон, – она нашла, что могила уже обложена дерном и вся обсажена цветами, крест был обвит орхидеями. В следующее ее посещение – все цветы оказались заменены свежими. Кто это заботился и тратился – осталось

⁵⁹⁸ Угримова Н.В. Воспоминания об отце Иосифе Фуделе // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 6, Л. 6., об.

⁵⁹⁹ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 45.

неизвестно. В храме монастыря она же несколько раз заставляла панихиды по о. Иосифу, которые служили лица также ей неведомые»⁶⁰⁰.

Можно заключить, что образ Фуделя был привлекателен для многих людей. Просто «писателем и священником» он остался лишь в энциклопедических словарях⁶⁰¹. Для современников писателем он являлся в последнюю очередь. «Отец начал писать еще при последнем славянофиле – И. Аксакове, – хотя, несмотря на это, так и не сделался "писателем", а всегда был просто священником» – писал его сын⁶⁰², а В.В. Розанов и вовсе назвал отца Иосифа «литературным пустоцветом»⁶⁰³. Да и сам он невысоко ценил свои работы, С.И. Фудель вспоминал, как отец говорил «с какой-то насмешливой улыбкой: "Отец Павел велел прислать мне ему все мои *omnia opera*". <...> Уж какие, мол, там *omnia opera*, да еще для Флоренского»⁶⁰⁴. Это говорит не столько о том, что литература не стала для И.И. Фуделя делом жизни, а скорее о существовании иного, пастырского призвания. Он всегда оставался именно деятелем (несмотря на наличие около двухсот пятидесяти заметок в разных изданиях): «его дело было в другом: в живом общении с людьми для христианского на них воздействия и человеческой им помощи»⁶⁰⁵.

На рубеже XIX и XX вв. происходил глубинный слом во взглядах на задачи священнослужителя. Существующий в пастырском богословии «нормативный» образ священника как требоисполнителя постепенно трансформировался под влиянием обостряющихся вызовов времени: особая миссия – «духовное возрождение людей» выводилась в священническом служении на первый план⁶⁰⁶. Оттого все громче звучали вопросы подготовки священника, причем речь шла не только о социальных функциях пастыря, но и о его особой роли «водителя душ». Именно в рамках этого направления действовал И.И. Фудель. Конфликт двух

⁶⁰⁰ ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 45. Об.

⁶⁰¹ ЭСБЕ. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890—1907. Т. XXXVIa, 1902. С. 856.

⁶⁰² Фудель С.И. Воспоминания. С. 71.

⁶⁰³ Там же. С. 48.

⁶⁰⁴ Там же.

⁶⁰⁵ Фудель С.И. Воспоминания. С. 48-49.

⁶⁰⁶ Совершаемый «поворот» обычно связывается с работами свт. Феофана Затворника, митр. Антония (Храповицкого), митр. Вениамина (Федченкова), архиеп. Феодора (Поздеевского) и др.

парадигм во взглядах на духовенство запечатлел С.И. Фудель в воспоминаниях о своем отце: «Уже с 1915, кажется, года у него завелись кипарисовые четки <...> Для «мирского» священника это было, конечно, весьма необычайно: кругом было так называемое филаретовское духовенство. Этот термин, собственно, не имеет отношения к личности самого митрополита, а характеризует только определенную категорию людей. Может быть, при Филарете они были другие, но в этот период – перед и во время первой мировой войны – это были люди, в своем большинстве пребывающие с поразительным спокойствием в каком-то особом сытом благополучии»⁶⁰⁷.

На этом фоне значительно выделялся отец Иосиф, но все же он был не один. Говоря о его неординарности, не стоит забывать о том, что он был не только одним из нерядовых иереев «первопрестольной», но и представителем особого поколения. К поколению отца Иосифа (т.е., к родившимся в 1860-х), принадлежали многие видные деятели московского духовенства. Это священник Николай Смирнов (1868 г.р.), которого, по воспоминаниям еп. Арсения Ждановского, знала «не только религиозная Москва, но почти вся церковная общественная Россия»⁶⁰⁸. Он организовывал массовые паломничества, при его храме было устроено сестричество, открыта богадельня, детский приют, а во время Первой мировой войны – два лазарета для раненых, он же состоял в Братстве Святителей Московских и был одним из организаторов певческих курсов⁶⁰⁹. Это и другой член Братства отец Василий Постников (1865) – просвещенный проповедник, привлечший многих интеллигентных слушателей⁶¹⁰, и популярный в среде интеллигенции будущий святой праведный Алексей Мечев (1859), и Владимир Востоков (1868) – талантливый проповедник и издатель, участник религиозно-философских обществ и Поместного Собора, известный

⁶⁰⁷ Фудель С.И. Воспоминания. М., 2016. С. 22.

⁶⁰⁸ Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. М., 2014. Т. 1, кн. 1. С. 499-505.

⁶⁰⁹ Ореханов Г.Л., прот. Ф.Д. Самарин и его архив // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв. - 1 февр. 1997 г.: Материалы. М, 1997. С. 117 - 120.

⁶¹⁰ Русская Церковь. Век двадцатый... С. 505-507.

своей часто меняющейся политической позицией⁶¹¹. К этому же поколению принадлежали близкие Фуделю митр. Антоний Храповицкий (1863) и мирянин Михаил Новоселов (1864).

При этом лично отец Иосиф был тесно связан с представителями более молодого поколения, такими как Павел Флоренский (1882), Сергей Дурылин (1886), Илья Четверухин (1886), Сергей Булгаков (1871). Все они были высоко образованы и схожи в своем сознательном «обращении» и переходе «от материализма к идеализму». Иными словами, среди современников и близких отцу Иосифу людей было немало достойных иереев, многие из которых прославлены как новомученики.

Подытоживая, отметим, что сложившийся портрет И.И. Фуделя далеко не одномерный: это и отец, и наставник, и друг, и духовник, и издатель, и благотворитель. И иерей монашеского духа, и батюшка, который умел смеяться и ценить искусство. Самые разные люди тянулись к нему, и находили то, что искали – и животрепещущие «земные» проблемы, и «небесную» тишину. Для современников, оставивших мемуары, его образ неизбежно носил печать трагичности эпохи, но оттого казался еще более спасительным, светлым, путеводным. Написанные со свежей горечью (в 1919 г.) или с ностальгической теплотой (1950-е гг.), они складываются в портрет не только внешний, но и внутренний.

В священническом служении И.И. Фуделя можно выделить три этапа: первые годы в Белостоке, пятнадцатилетняя работа в Бутырской тюрьме и арбатский период. Опыт первого места службы Фудель обобщил в публицистике, которая вызвала определенный общественный резонанс. Выступая против жестких мер, дискредитирующих престиж православия в северо-западных землях, отец Иосиф был убежден, что усилия церкви в этом регионе прежде всего должны были быть направлены на развитие ее внутренней жизни – приходов, школ, монастырей, братств, других ее обществ и благотворительных и просветительских

⁶¹¹ *Знатнов А.В.* Восток // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 471-473.

инициатив. Сложная этноконфессиональная среда западных земель, в которую окунулся молодой отец Иосиф, стала для него не только личным испытанием и поводом для литературных выступлений по этому вопросу, но и почвой для раздумий о путях оживления общерусской церковно-приходской жизни, которые выразились в его дальнейшей деятельности и продвижении идеи братств.

Изучение бутырского периода позволяет сделать некоторые выводы о противоречивом состоянии дореволюционной тюремной системы (и, в частности, Бутырской тюрьмы), положении в ней арестантов и священника. Архивные материалы и воспоминания современников существенно дополняют эту картину. Дневник отца Иосифа, содержащий многочисленные наблюдения за психологией надзирателей и заключенных разных сословий, а также его статьи, дают понимание функций и возможностей священника в тюремной системе, раскрывают представления Фуделя о задачах тюрьмы, о миссии пастыря, представляют особый взгляд священника с юридическим образованием на меру наказания, действенность закона, эффективность следствия, условия содержания заключенных, уровень их религиозности.

Получив должность настоятеля церкви святителя Николая в Плотниках, отец Иосиф оказался уже в достаточно традиционном месте служения, что давало ему возможность реализовывать некоторые свои идеи об оживлении церковно-приходской жизни на практике. Он погрузился в разностороннюю приходскую жизнь и значительно в ней преуспел, сумев совместить духовничество и миссионерскую, благотворительную и издательскую деятельность⁶¹².

⁶¹² При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Винюкова Н.В.* Священник на рубеже XIX-XX вв.: И.И. Фудель глазами современников // *Человек и культура.* 2019. № 6. С. 226-241.

Глава 3. И.И. Фудель и проблема христианского просвещения

§1. И.И. Фудель о проблеме народного образования

В 1884 году, по инициативе обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, церковно-приходские школы были переведены из подчинения Министерству народного просвещения в ведение Синода⁶¹³. Таким образом, установился дуализм в управлении системой начального образования: церковно-приходские школы существовали наряду с сетью земских, городских и государственных народных школ⁶¹⁴. С 1880-х годов их количество значительно увеличилось: только за 1883–1893 гг. число выросло в два раза, количество учащихся в них — в три раза (составило более 500 тысяч), к 1903 г. церковные школы составляли около половины всех начальных школ России⁶¹⁵. Однако «качественный» аспект реформы подвергался серьезной критике как из светской, так и из церковной среды: сомнению подвергались система управления, качество образования, неэффективное использование средств, кадровая политика. Публичное обсуждение вопроса о народном образовании обострилось в 1890-е гг. Борьба с небывалым по масштабам голодом 1891–1892 гг., вступление на престол в 1894 г. нового императора существенно поспособствовали активизации общественности. Зачастую решение вопроса об образовательной реформе рассматривалось как фактор перемен в русской жизни: кто-то видел в нем залог политических преобразований, кто-то — потенциал для культурного развития страны.

Особое внимание ей уделял И.И. Фудель, выступая в 1895-1897 гг. в консервативных изданиях «Русское обозрение» и «Русское слово». В своих статьях он исходил из посылки, что «развитие культуры и даже судьбы самого государства находятся в зависимости от того, *в каком духе воспитывается народ* [выделено автором — Н.В.]»⁶¹⁶. Проблема образования, главное назначение

⁶¹³ Правила о церковноприходских школах от 13 июня 1884 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IV. СПб., 1887. С. 372-374.

⁶¹⁴ *Исхакова Р.Р.* Создание церковно-приходских школ России в 1880-х гг.: политический курс и идейная борьба. Казань: Новое знание, 2002. С. 16.

⁶¹⁵ *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 214.

⁶¹⁶ *Фудель И.И.* Народное образование и школа. М., 1897. С. 3.

которого Фудель видел в воспитании личности, а не в накоплении знаний, рассматривалась им как проблема будущего развития России, прежде всего, ее культурного развития. Грамотность, которую обеспечивает школа, – это только средство просвещения: «Если бы все дело народной школы заключалось в том, чтобы обучить ребятишек чтению и письму и четырем правилам арифметики, то тогда никакого школьного вопроса не существовало бы», – писал Фудель, отмечая формальную схожесть программ преподавания министерской и церковно-приходской школ⁶¹⁷. Школьный вопрос сводился Фуделем именно к разным мировоззренческим установкам, лежащим в основании этих двух типов. По его мысли, эта раздвоенность имела корни в глубине петровских реформ, нарушивших целостность русской жизни: «С того времени появляется отделение верхнего образованного слоя от нижнего народного, отделение постепенно все увеличивающееся. Этот "раскол" отражается между прочим и на судьбе народной школы; с этого времени ее задача, ее положение раздваиваются. Она становится не столько "цементом", сколько *проводником* тех или других идей или желаний сверхнародного слоя»⁶¹⁸.

В общественной полемике о «школьном деле», как считал Фудель, затушевывалась разница задач двух типов школ и выдвигались чисто практические аргументы против церковной школы – с которыми согласятся и люди, не чуждые церкви⁶¹⁹. Центр вопроса для Фуделя был в том, носитель какого мировоззрения будет учить детей: «Школа – это место не только обучения, но и взаимообщения детей со своим учителем, взаимообщения чисто духовного, причем активную роль играет наставник, имеющий почти неограниченное духовное влияние на доверчивые, чистые, раскрытые для всего детские души своих питомцев. О чем он беседует со своими учениками, что им говорит, читает, на что указывает, что подчеркивает в беседе – этого всего никакими программами не предусмотреть и это все фактической, формальной проверке не подлежит. Но

⁶¹⁷ Там же. С. 114.

⁶¹⁸ Там же. С. 93.

⁶¹⁹ Там же. С. 110.

это все составляет ту школьную атмосферу, которая *воспитывает* детей в ту или другую сторону»⁶²⁰.

Противоречие установок раскрывалось Фуделем, в частности, через разницу определения термина «просвещение»: для земцев это чистое знание, залог общественного прогресса, для духовенства – знание христианское, обеспечивающее духовно-нравственное развитие личности. Для самого Фуделя характерно христианское понимание «просвещения», присущее еще древнерусской традиции – когда «святость», «просвещенность» и «образованность» стояли в одном синонимическом ряду⁶²¹. Он писал: «Просвещение же есть *развитие* [выделено автором – Н.В.] духовной стороны человека, развитие зерна Богоподобия, заложенного в душе каждого человека, прояснение в нем образа Божия. Знание само по себе не дает человеку ни нравственного руководства в деятельности, ни смысла жизни. Просвещение дает и то и другое. Можно достигнуть вершин человеческого знания и иметь в своем сердце ледяную пустыню»⁶²². Неслучайно Фудель состоял в строго православных религиозно-философских кружках именно просветительского назначения – входил в «Кружок ищущих христианского просвещения» М.А. Новоселова и в московское «Общество любителей духовного просвещения».

Фудель подчеркивал критическое значение борьбы двух подходов к народному образованию: «Мы видим, что в народе проснулась *потребность самосознания*, жажда культурной работы и видим, что интеллигенция идет на встречу этой потребности и несет народу под флагом "просвещения" свой багаж идей и обрывков знаний. Мы переживаем, несомненно, роковое время»⁶²³. Очевидность именно «духовного» характера народных запросов Фудель подкрепляет многочисленными статистическими материалами (в т.ч., собранными и самими земцами). Вот одно из характерных его замечаний: «Из числа книг

⁶²⁰ Там же. С. 115.

⁶²¹ *Сдвижков Д.А.* Сравнить несравнимое: общее и особенное в понятиях «образованного человека» // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 36.

⁶²² *Фудель И.И.* Народное образование и школа. С. 44.

⁶²³ Там же. С. 52-53.

изданных "лубочниками", почти *половина* всего количества – содержания духовно-нравственного; у *интеллигентных* же издателей половина их изданий принадлежит к отделу "литературному", содержащему повести, рассказы и сказки; *отделу же духовно-нравственному посвящена всего только девятая часть [выделено автором – Н.В.]»*⁶²⁴.

Как писал Фудель, интеллигенция, увы, не желает считаться с народными предпочтениями и удовлетворять «проснувшуюся духовную жажду народа на почве того мировоззрения, которое вынес в своей душе народ за все время своей исторической страды», ведь «для этого нужно иметь хоть чуточку любви к этому мировоззрению, а любовь невозможна без понимания»⁶²⁵. «Интеллигенция, т. е. образованный слой страны должен служить *культурному* развитию народа», но подтачивает и разрушает его основы⁶²⁶. Вот как, по Фуделю, в двух словах можно обозначить разницу мировоззрений: для крестьянина – «все на небе», а для интеллигента – «все на земле»⁶²⁷.

За интеллигентским «просвещением» Фудель видел цели «космополитической прогрессивности»⁶²⁸, по сути – обезличения народа, уподобления его себе⁶²⁹. Все эти проявления он рассматривает на конкретных примерах. Так, отдельную статью он посвящает разбору резонансного «дела А. Штевен», школьная деятельность которой в Нижегородской губернии была пресечена епархиальным училищным советом, или приводит программу орловского книжного склада дешевых книжных изданий: «1. Цель склада – воспитывать в читателе чувства человеческого и гражданского достоинства. <...> Этой цели могут вредить и потому подлежат исключению из склада книги: 1) воспитывающие в читателе чувства национальной, сословной и религиозной нетерпимости, и 2) развивающие в нем мистицизм и индифферентное отношение к жизни общественной. 2. Цель склада – ознакомить читателя с интеллигенцией,

⁶²⁴ Там же. С. 34.

⁶²⁵ Там же. С. 36.

⁶²⁶ Там же. С. 49-50.

⁶²⁷ Там же. С. 37.

⁶²⁸ Там же. С. 96.

⁶²⁹ Там же. С. 50-53.

как передовой частью общества»⁶³⁰. Характерна и отсылка на книгу авторитетного педагога Н. Бунакова «Школьное дело»: как пишет Фудель, для него народ – это «"темная масса, живущая бессознательно, полуживотной жизнью". Школа должна "очеловечить" эту массу, а как это сделать – укажут "лучшие" люди»⁶³¹. Комментарий Фуделя таков: «Какая голая откровенность, какое цинично-высокомерное отношение к тому народу, который удивляет мир своими подвигами духовного смирения и самоотверженной любви к ближнему! И какое невежественное отрицание всей многострадальной истории народа, отрицание его заслуг, его исторических прав на самоопределение!»⁶³².

За «космополитизмом и безнациональностью» интеллигенции Фудель видел «полное непонимание духа церковного, незнание ее установлений, несоблюдение ее уставов»⁶³³. «Главное зло в том, что интеллигенция вот уже более 30 лет старается *переделать народ на свой лад* и вытравить из народа то, что мешает этой переделке. <...> Им непонятна цельность натуры мужика. Они не в состоянии уразуметь, что мужик, несмотря на все свое невежество и темноту, давно *просвещен* тем светом, который утерян интеллигенцией, что никакие знания, никакие сведения не в состоянии заменить тот смысл жизни, которого у интеллигенции нет и который с молоком матери всасывается православным крестьянином»⁶³⁴ – продолжал Фудель идеи, проводимые им еще в студенческие годы⁶³⁵.

Духовенство, «класс наиболее сохранивший национальную окраску и не изменивший заветам родной истории»⁶³⁶, по мнению Фуделя, оставалось единственным общественным слоем, близким к народной жизни и мировоззрению (религиозным по своей природе). Ведь «необходимо ниву народную не засеивать, а только возделывать (обрабатывать, культивировать)»⁶³⁷. Заведующие школами

⁶³⁰ Там же. С. 74-75.

⁶³¹ Там же. С. 96.

⁶³² Там же.

⁶³³ Фудель И.И. Наше дело в Северо-Западном крае. С. 11.

⁶³⁴ Фудель И.И. Народное образование и школа. С. 70-73.

⁶³⁵ Фудель И.И. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888.

⁶³⁶ Фудель И.И. Народное образование и школа. С. 107.

⁶³⁷ Там же. С. 20.

(духовенство или интеллигенция в ее настоящем «безнациональном» состоянии) – важное условие, создающее разницу между двумя типами школ. Но Фудель отмечал, что главное заключается «не в розни двух ведомств, не в ссоре "начальств" и не в том – кому командовать в народной школе: священнику или учителю, а в том, *какой дорогой России идти в культурном развитии: своею ли, исторической, или чужой, общеевропейской?* [выделено автором – Н.В.]»⁶³⁸. Церковная школа «ставит известные *препятствия* полной *свободе* просвещения – в этом вся суть. Дело вовсе не в учебниках, не в программах, не в дороговизне или дешевизне школы, а в том – *какую книгу привыкает читать школьник и какую он вносит в свой дом*»⁶³⁹.

Печатная борьба со сторонниками земских школ не занимала Фуделя всецело: полемике он предпочитал реальную деятельность и проповедь. Критически оценивая современное нравственное состояние народа, Фудель понимал, что переломить ситуацию невозможно исключительно силами духовенства. Еще в ранних своих работах он ставил ставку на свободное личное перерождение «интеллигента»⁶⁴⁰. Став священником, он не расставался с мыслью о необходимости воцерковления образованного слоя, важности церковной «миссии среди интеллигенции». В 1898 г., выступая в «Обществе Любителей Духовного Просвещения», он отмечал: «Необходимо стремиться, прежде всего, к подъему еще не зараженных, здоровых сил народа, для того, чтобы культурной работой остановить дальнейшее разложение», но «почти вся тягота этой работы ложится на духовенство»⁶⁴¹. А интеллигенция, как верил Фудель, могла бы серьезно способствовать делу культурного возрождения.

В брошюре Фуделя 1904 г. «Нравственно-культурное значение учительства»⁶⁴² уже не встретить обличений «западнической» общественности. К интеллигенции он обращается мягче, с надеждой: ведь именно ей предстоит

⁶³⁸ Там же. С. 85.

⁶³⁹ Там же. С. 137-138.

⁶⁴⁰ Фудель И.И. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888.

⁶⁴¹ Фудель И.И. Знамение времени. Из реферата, читанного на собрании Общества Любителей Духовного Просвещения 23 марта 1898 г. // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 16-18.

⁶⁴² Фудель И.И. Нравственно-культурное значение учительства. М., 1904.

«святой подвиг учительства». Учитель – вот «та культурная сила, которая стоит ближе всех и в непосредственном отношении к народу»⁶⁴³. Знание – действительно сила, но не единственная: ответственность учителя гораздо большая, она лежит в культурно-нравственной области. И «нравственный долг перед народом <...> говорит ему: учи не детей только, а весь народ тому, чего он ищет; учи его добру, разумной, нравственной жизни, добрым отношениям к семье и к ближним, трезвой жизни, воздержанию языка... Учи его не только умирать свято, но и жить свято, чтобы не порывами только к свету определялась его жизнь, а постепенным, но неуклонным приближением к нему», – такие задачи ставит Фудель перед учителем. Заметим, что в юности Фудель сам выбирал между учительством и священством: «Я звал молодежь на служение народу, главным образом на поприще сельского учительства, и вот в это время блеснула мысль: «а почему же не в священном сане? Ведь это еще ближе к народу»» – вспоминал он⁶⁴⁴.

Все повествование статей Фуделя проникнуто призывом к нравственному обновлению. Он убежден, что ни чистое знание, ни материальный прогресс, так завладевший обществом, не обеспечивают праведной жизни. В духе концепции «русской идеи»⁶⁴⁵ Фудель утверждал, что именно «русскому народу во всей его целостности, т. е. и простому народу, как непосредственному хранителю в тайниках своих новых начал жизни, так и в союзе с ним интеллигенции, как сознательной истолковательнице этих начал» предстоит «создать свой путь развития, свою культуру, т. е. нравственные начала жизни, одухотворить ее»⁶⁴⁶. Прибегая к славянофилам (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков), В.С. Соловьеву, Ф.М. Достоевскому, ссылаясь на С.А. Рачинского и К.П. Победоносцева, Фудель пытался вселить в читателя веру в духовно-нравственное призвание России, в необходимость главенства духовного над материальным. В отношении этого

⁶⁴³ Там же. С. 15.

⁶⁴⁴ Фудель И.И. Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С. Н. Дурьлину) // Преемство от отцов. С. 454-455.

⁶⁴⁵ Горбунов В.В. Русская идея // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. / Журавлев В.В. (ред.). М., 2005. С. 463-465.

⁶⁴⁶ Фудель И.И. Нравственно-культурное значение учительства. М., 1904. С. 9.

настроения примечательно выступление перед Аккерманским уездным земским собранием правоконсервативного политика В.М. Пуришкевича: «Глубоко убежденный противник земских тенденций в вопросах народного образования, весь проникнутый идеями Хомякова, Аксакова, Победоносцева, Рачинского и Фуделя, я отказываюсь от службы на земском поприще и верю, что, из уважения ко мне, вы не станете просить меня поступиться моими принципами и служить мне чуждому кумиру»⁶⁴⁷. То, что Фудель попал в этой речи в ряд «столпов» «русского направления» говорит само за себя.

Можно заметить, что для Фуделя школьный вопрос был частью важнейших для него проблем христианского просвещения и оживления религиозной жизни. Воспитание личности было важным для отца Иосифа и в отношении детей (это показывает его равнодушие к проблемам образования), и заключенных разных сословий, рабочих, интеллигенции. И он вел активную деятельность в этом направлении.

Интересен сюжет с участием Фуделя в открытых чтениях для рабочих, на которые он поначалу возлагал большие надежды: «Он стал посещать собрания рабочих, стал заводить с ними разговоры. В это же время была организована (и на этот раз законно, с легальным Уставом) Комиссия по Общеобразовательным чтениям для рабочих. О. Иосиф увлекался также и этими чтениями, пока не увидел, что и они заволакиваются казенщиной, и совершенно уходят от мысли свободного общения народа, культуры и религии, на осуществление чего он сначала надеялся», – писал Тихомиров⁶⁴⁸. Он состоял в руководстве религиозно-нравственного отдела созданной в 1902 г. в Москве специальной Комиссии по организации общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих. Она была учреждена при московском генерал-губернаторе под председательством московского митрополита и непосредственным наблюдением департамента полиции⁶⁴⁹.

⁶⁴⁷ Бессарабев. 1900. 8 октября. Цит. по: Котов А.Э. Священник Иосиф Фудель... С. 61.

⁶⁴⁸ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 27. Об.

⁶⁴⁹ Грабко М.Е. Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX - начале XX вв.: дисс. к.и.н. М., 2015. С. 179.

При открытии чтений для рабочих в Историческом Музее 16 июня 1902 г. Фудель произнес речь, в основе которой лежала мысль о святости как идеале русского человека, подкрепленная широкой цитатой из открытого письма В.С. Соловьева к И.С. Аксакову («Любовь к народу и русский народный идеал»): «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (*la belle France, la gloire du nom français*); англичанин с любовью говорит: старая Англия (*old England*); немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: *die deutsche Treue*⁶⁵⁰. Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о "святой Руси". Вот идеал: не консервативный и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный»⁶⁵¹.

Но вдохновение на этом поприще продолжалось недолго: «Он представлял себе рабочие массы организованные, культурно развивающиеся, был уверен, что при этом в народе заговорит и духовное чувство, и патриотизм. Он стал посещать собрания рабочих, стал заводить с ними разговоры», – вспоминал его близкий друг Л.А. Тихомиров⁶⁵². Но после революции 1905–1907 гг. Фудель перенесет тяжелые разочарования в идее «Святой Руси».

Соображения Фуделя касательно образования особо раскрываются в контексте общественной мысли того времени. Его позиция в школьном вопросе в целом шла в русле политики Синода. Недаром многие его статьи напечатаны в «Русском обозрении», курируемом К.П. Победоносцевым, который стремился

⁶⁵⁰ Немецкая верность (честь) (нем.).

⁶⁵¹ Цит. по: Фудель И.И. Святая Русь... М., 1902. С. 7-8.

⁶⁵² Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 27 – 27 об.

делать упор на публикациях учительско-назидательного характера⁶⁵³. Можно заметить, что Фудель, в свойственной для Победоносцева манере, в своей аргументации ссылается на зарубежных авторов (А. Фуллье, Г. Спенсера); случайно или нет, он употребляет такие фигуры речи как «великая ложь» и «ледяная пустыня» (используемые однако обер-прокурором в иных коннотациях).

В идеях Фуделя заметно созвучие работам педагога-практика С.А. Рачинского, близкого К.П. Победоносцеву и, собственно, вдохновившего его на школьную реформу. С ним Фудель вел дружескую переписку. Идеалом Рачинского была школа, которая объединила бы мирян и церковь, преобразив все общество⁶⁵⁴. Как писал Г.В. Флоровский, «Рачинскому казалось, что народ свидетельствует свою окончательную и непреложную решимость и волю жить и быть в Церкви, и через Церковь расти и развиваться»⁶⁵⁵. В школе Рачинский видел не только образовательное, но, прежде всего, воспитательное дело, вопросы организации и программ имели для него вторичное значение. Для Рачинского основным учителем в сельской школе должен был быть священник, а для Победоносцева оптимальным путем просвещения виделось постепенное возникновение школ при церквях с преподаванием в них членов причта и благочестивых крестьян⁶⁵⁶. На этом фоне заметно, что Фудель не оставлял надежд в школьном деле на интеллигенцию, к которой глава духовного ведомства относился с подозрением. В то же время Фудель с радостью отмечал деятельность в деревне образованных поместных дворян⁶⁵⁷.

Похожую, но достаточно осторожную позицию относительно образования занимал старший друг и наставник Фуделя философ К.Н. Леонтьев. Еще в 1868 г. он писал: «Если же жизнь должна быть своеобразна, а своеобразие сохранилось в нашем народе лучше, чем в нашем высшем и ученом обществе, то надо дорожить этим своеобразием и не обращаться с ним торопливо, дабы не погубить своей

⁶⁵³ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев... С. 312.

⁶⁵⁴ Рачинский С.А. Сельская школа. Сборник статей. М., 1891.

⁶⁵⁵ Флоровский Г.В. Воцерковление школы (На память о С.А. Рачинском) // Вопросы религиозного воспитания и образования. Выпуск II. Париж, 1928. С. 3.

⁶⁵⁶ Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев... С. 211.

⁶⁵⁷ Русское обозрение. 1893. Июль. С. 359.

исторической физиономии, не утратить исторических прав на жизнь и духовный перевес над другими» – писал Леонтьев⁶⁵⁸. Он выступал не «против грамотности, а против поспешного и тем более против обязательного обучения»⁶⁵⁹, потому как «надобно, чтобы образованная часть русского народа (так называемое общество) приступила бы к просвещению необразованной части его только тогда, когда она сама (т. е. образованная часть) будет зрелее»⁶⁶⁰.

Будучи представителем консервативного взгляда на проблемы образования, Фудель все же несколько выходил за рамки официального подхода К.П. Победоносцева. Из общего с ним представления о «простом народе» как главном хранителе исторических устоев России он приходил к идее оживления школьного и приходского дела, а не «охранительства». Т.е. для Фуделя церковно-приходские школы виделись, главным образом, основой будущего органического самобытного развития, а не залогом общественной стабильности, которую тщетно пытался сохранить пессимистически настроенный обер-прокурор. «Романтические» идеалы Фуделя впоследствии потерпят крах, но для нас важно, что именно они мотивировали его в этом вопросе. Отметим, что в отдельных работах Фуделя разбирались и практические его аспекты: так, он писал о необходимости подъема церковно-приходской жизни посредством распространения церковных братств, обществ трезвости и других подобных форм⁶⁶¹. Эта линия в политике Синода не была приоритетной: хорошо известно настороженное отношение К.П. Победоносцева ко всякого рода «самодеятельности»⁶⁶².

Можно заключить, что переведение вопроса об образовании из узкопрактической плоскости в мировоззренческую придавало ему особое звучание: за основаниями, на которых будет строиться народная школа, виделся выбор пути культурного развития страны. В представлении Фуделя школа должна

⁶⁵⁸ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // К. Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. СПб., 2005. Т. 7. К. 1. С. 130.

⁶⁵⁹ Там же. С. 90.

⁶⁶⁰ Там же. С. 119.

⁶⁶¹ Фудель И.И. О значении церковной дисциплины в народной жизни. Изд. журнала "Миссионерское Обозрение". СПб., 1900; *Он же*. Основы церковно-приходской жизни. М., 1894.

⁶⁶² Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев... С. 234.

была отвечать народному духу и развивать в человеке сознательного христианина. Этому делу, по его мысли, могло бы послужить не только духовенство, но и христианская (она же – народная) интеллигенция. В ранних работах образованию в его светском понимании накопления знания Фудель решительно противопоставлял христианское просвещение, подчеркивая, что за умственным развитием должно, прежде всего, стоять духовно-нравственное совершенствование личности, ответственность за которое лежит не только на священнике, но и на учителе.

За продвигаемыми им в 1890-х – начале 1900-х гг. идеями о культурной самобытности народа, о пропасти между народом и интеллигенцией, заложенной петровскими реформами, скрывался широкий пласт влияний русских мыслителей разных направлений (славянофилов, почвенников, народников). Устремленность к христианскому просвещению и «нравственно-религиозному» идеалу в дореволюционный период подпитывалась у Фуделя надеждами на углубление культурного своеобразия народа на основе православной веры, но впоследствии они померкли под ударами времени: «русская идея» уступила место исключительно христианской⁶⁶³.

§2. «Внутренняя миссия среди интеллигенции» в работах и деятельности

И.И. Фуделя

Тема христианского просвещения интеллигенции была в публицистике И.И. Фуделя одной из центральных. Как писал Л.А. Тихомиров, отец Иосиф был «поглощен общей мыслью о слиянии церкви, народа, интеллигенции. С интеллигенции он начал писательство и никогда ее не забывал»⁶⁶⁴. Действительно, уже студенческие статьи Фуделя 1886–1887 гг. пестрили словом «интеллигенция». «Интеллигенты» там – образованные, казалось бы, «лучшие люди». И автор ощущал себя одним из них, но с определенными оговорками:

⁶⁶³ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Вишюкова Н.В.* И.И. Фудель о народном образовании (1890-е - начало 1900-х гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С. 100-109.

⁶⁶⁴ *Тихомиров Л.А.* Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

«"Служение народу" не только наша интеллигентная обязанность, но и наша человеческая, христианская, нравственная обязанность"», – уточнял он⁶⁶⁵. Идея «служения народу» звучала вполне в народническом духе, только проводилась им в христианском преломлении (в отличие от представлений народников, ушедших от христианских смыслов этого служения в сторону светских гуманистических).

Состояние современного интеллигентного общества виделось молодому Фуделю критическим, хоть и небезнадежным. Интеллигент «привык рабски следовать за Европой», погряз в «безверии и скептицизме»; он «фразер» и чурается настоящей работы (большинство среди молодежи, по выражению Фуделя, – «интеллигентные буржуа», «"крепостники" интеллигентного труда»). Будущий священник писал о несостоятельности современного народничества, старого «либерально-западнического направления» (славянофильство – вот «истинное народничество»)⁶⁶⁶. «Русский интеллигент <...> представляет из себя тип идеального интернационала» – назидательно отмечал Фудель-студент⁶⁶⁷. В качестве достижимого и сулящего подлинный национальный подъем идеала Фудель видел именно «православного народника» – это узловая идея юношеской работы⁶⁶⁸.

Критика преобладающего среди интеллигенции настроения высказывалась им и позднее. Так, противником непримиримого антагонизма общества и власти Фудель выступал в 1895 г. в статье «Одна из наших слабостей»⁶⁶⁹. В ней он отделял либерализм от «либеральничанья», т.е. критиканства, «дурной привычки все и всех ругать», воспитанной «двухвековым холопством перед Европой»⁶⁷⁰. «Это общая черта Русского человека, давно уже отмеченная и, к сожалению, сделавшаяся как бы национальной чертой... Самооплевание – наша страсть» – писал отец Иосиф, подчеркивая, что в современном ему настроении общество не

⁶⁶⁵ Фудель И.И. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888. С. 172.

⁶⁶⁶ Там же. С. 53, 81, 91, 127, 129.

⁶⁶⁷ Там же. С. 72.

⁶⁶⁸ Там же. С. 157.

⁶⁶⁹ Статья была ответом на работу публициста Н.М. Павлова «Полемика Каткова с Герценом» (Русское обозрение, 1895, № 5).

⁶⁷⁰ Фудель И.И. Одна из наших слабостей (по поводу полемики Каткова и Герцена) // Русское обозрение, 1895, №6. С. 901-902.

ушло «не только от сороковых годов, но и от двадцатых»⁶⁷¹. Такая характеристика делала для Фуделя очевидной как популярность А.И. Герцена и В.Г. Белинского, так и категорическую непопулярность статьи М.Н. Каткова «Заметки для издателя "Колокола"», обличающей все это бытующее настроение. Выступая в защиту Каткова, Фудель делал вывод: «Борьба со злом, в чем бы оно ни выражалось, борьба со всем, что наносит ущерб государственным интересам – вот политические обязанности русского публициста»⁶⁷². Но более политических тем священника, естественно, волновали темы церковные, которым он и посвятил основную часть своих работ.

На образованного человека отец Иосиф возлагал надежду на осознанную перемену ценностей, самостоятельное обновление: «Когда все образованные люди станут ездить в Оптину, когда духовенство получит руководящую роль, когда общество не будет смотреть на Церковь издали, а будет жить в ней, тогда на этой почве получатся новые культурные всходы, точно так же, как в Средние века католичество было основой культурного своеобразия Западной Европы. Тогда и быт наш изменится, и науки получат новый толчок в известную сторону (Ваши проповедуемый пессимизм в науке), и искусство будет иметь почву (религиозный характер музыки, развитие церковных песнопений, новые виды Богослужений, новые темы для живописи, новые темы для романов, трагедий и т. д.)» – писал молодой Фудель К.Н. Леонтьеву⁶⁷³. С растущим революционным подпольем и «материализмом» 1890–1900-х годов с одной стороны, и с жизненным и внутрицерковным опытом самого Фуделя – с другой, эти ожидания померкнут, оставив все же дорогу личному пути, на котором изредка встречались единомышленники, многие из которых были также «интеллигентами, вернувшимися в церковь» (К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров, С.А. Рачинский, М.А. Новоселов, П.А. Флоренский, С.Н. Дурылин и др.).

⁶⁷¹ Там же. С. 901, 905.

⁶⁷² Там же. С. 905.

⁶⁷³ Фудель – Леонтьеву. 20 февраля 1891 г. // Преемство от отцов. С. 293.

Фудель не всегда отождествлял «интеллигенцию» с целым «обществом» (т.е. со всеми образованными людьми): «Чуждо Церкви не общество, а только часть общества. Именно та часть, которую принято называть иностранным и глубоко-пошлым словом "интеллигенция"»⁶⁷⁴. «Европействующий интеллигент» появляется для Фуделя именно в контексте проблемы взаимоотношений интеллигенции и церкви. Расхожее представление о пропасти между интеллигенцией и народом переосмысливается им именно как ее разрыв с церковью как основоположницей народной жизни: «Полный разброд мысли, отвлеченные фразы, прикрывающие недостаток убеждений, полужнание, полуневежество и, поверх всего этого, доктринерская гордость мысли. Но все это разнообразие оттенков, вся смесь различных мнений и фраз объединяется одним началом – полной разобщенностью и несоответствием всех этих мнений с мировоззрением народа»⁶⁷⁵.

Примечательно, что для Фуделя этот разрыв мог быть преодолен. На понятие времени (с негативной коннотацией) у Фуделя накладывалось широкое представление об «интеллигенции» как образованном обществе, заложенное традицией 1860–70-х годов. В 1904 году, говоря о важности учительства, он писал: «"Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его"!... И "Царствие Божие внутри вас есть"! Вот это предстоит русскому народу во всей его целостности, т. е. и простому народу, как непосредственному хранителю в тайниках своих новых начал жизни, так и в союзе с ним интеллигенции, как сознательной истолковательнице этих начал»⁶⁷⁶.

Критика интеллигенции Фуделем в целом соответствовала тону славянофильской и консервативной пореформенной печати. Принципиальным оставался вопрос – что делать в этой ситуации национального «раскола». Деятельная натура Фуделя шла вразрез с чрезмерным охранительством К.П. Победоносцева (скептически относящегося к делу духовного просвещения

⁶⁷⁴ Русское обозрение. 1892. Июль. С. 288.

⁶⁷⁵ Фудель И.И. Народное образование и школа. М., 1897. С. 69.

⁶⁷⁶ Фудель И.И. Нравственно-культурное значение учительства. М., 1904.

интеллигенции⁶⁷⁷) или стремлениями К.Н. Леонтьева «подморозить Россию»⁶⁷⁸: в их представлении соединение интеллигенции с народом принесло бы только вред⁶⁷⁹. Этому «пессимистическому реализму» Фудель противопоставлял свою деятельность (служение, просвещение, благотворительность) и «религиозный идеализм»: веру в то, что соединение с народом преображенной христианским духом интеллигенции (которая воспитает в крестьянине сознательного христианина) выведет страну на самобытный путь развития. Эта задача, по сути, ставилась со времен первых славянофилов.

Отец Иосиф не остался исключительно на позициях критики. Находясь внутри церкви, он стремился к ее большему сближению с интеллигенцией посредством проповеди, в том числе и публицистической. Именно в печати «колеблющийся интеллигент ищет разрешения смущающих его сомнений», а для церкви в ней открывается широкое поле для «внутренней миссии» – среди интеллигенции⁶⁸⁰. «Только огненное ораторское слово проповедника способно всколыхнуть стоячее болото интеллигентного самомнения и равнодушия к Церкви» – писал он⁶⁸¹.

Не раз отец Иосиф проводил мысль о том, что самая главная задача – это устройство религиозно-нравственных бесед с образованными людьми. «Все братства народные – ни одного нет, которое бы ставило задачи религиозно-просветительские среди образованного общества!», – восклицал он⁶⁸². «Почти полностью отсутствует борьба служителей слова Божия с сектантством образованных классов», писал он, под борьбой понимая «не столько обличение и критику, сколько положительное изложение христианского вероучения». Он отмечал, что сектантство в образованном обществе распространено в том числе и

⁶⁷⁷ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 100.

⁶⁷⁸ Леонтьев К.Н. Передовые статьи Варшавского дневника 1880 года // Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М., 1912. Т. 7. С. 124.

⁶⁷⁹ Подробнее см.: Вишюкова Н.В. И.И. Фудель о народном образовании (1890-е - начало 1900-х гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С.100-109.

⁶⁸⁰ Фудель И.И. О христианской публицистике // Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 28-32.

⁶⁸¹ Фудель И.И. Церковное учительство // Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 19-20.

⁶⁸² Русское обозрение. 1893. Сентябрь. С. 404.

по причине полного незнания истин христианского вероучения⁶⁸³. Отчасти поэтому он выступал против принуждения каждого пастыря говорить проповедь за каждым богослужением. Он считал, что необходимо развивать импровизацию, и проповедь в условиях распространяющегося неверия должна быть привлекательной (в пример он приводил архиепископа Херсонского Никанора (Бровковича), «проповедями которого зачитывается вся образованная Русь»⁶⁸⁴).

Фудель участвовал в проведении воскресных миссионерских бесед (в одном из трех подразделений московского пастырско-миссионерского кружка, организованного епархиальным миссионером И. Г. Айвазовым в 1908 г.⁶⁸⁵) и отмечал важность этих бесед не столько для иноверцев, сколько для «простых православных». Он полагал, что в наступившую эпоху главное – вразумлять и возвращать «своих»: развивать невежественного крестьянина, впитавшего православный быт с молоком матери, но не имеющего сознательной веры, стучаться в души верящих в прогресс интеллигентов.

Устремления Фуделя были направлены навстречу интеллигенции, хотя он сознавал, что «нападение» интеллигенции на «народную почву»⁶⁸⁶ означало ее же «нападение» на церковь: наступило время «особенной напряженности противощерковных и противорелигиозных стремлений крайних элементов нашего общества, стремлений, граничащих с открытой борьбой»⁶⁸⁷. Но он видел и признаки благоприятного для церкви настроения: встречаются люди хоть и неверующие, «но в то же время не уклоняющиеся от умственного общения и откровенной беседы с искренно-верующими»⁶⁸⁸. Ведь «есть неверие книжников и фарисеев, и есть неверие апостола Фомы», – приводил Фудель сравнение Вл. Соловьева⁶⁸⁹.

⁶⁸³ Русское обозрение. 1892. Октябрь. С. 882.

⁶⁸⁴ Фудель И.И. Живое слово и проповедь // Русское обозрение. 1893. Май. С. 333.

⁶⁸⁵ М.П.М. Московские миссионерские беседы // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1759.

⁶⁸⁶ Фудель И.И. Народное образование и школа. М., 1897. С. 94.

⁶⁸⁷ Фудель И.И. Миссия среди интеллигенции. Миссионерское обозрение. 1901 г. Июль. С. 497.

⁶⁸⁸ Там же. С. 498.

⁶⁸⁹ Там же. С. 500.

С этими идеями он выступал на орловском Миссионерском съезде в 1901 г. На съезде Фудель был единственным представителем от Москвы, а его доклад встретил «общее сочувствие и одобрение»⁶⁹⁰. Основная мысль его речи заключалась в том, что духовенству «надо идти навстречу малейшему наклону в нашу сторону людей колеблющихся»⁶⁹¹ при одном важном условии – снисходительности и любви. Еще ранее отец Иосиф выделял рождественское обращение сербского митрополита Михаила и других сербских епископов 1892 г. с наставлениями духовенству о том, как вести борьбу с распространяющимся безбожием: Фудель соглашался с этим посланием, подчеркивая, что необходимые меры должны заключаться «не в противодействии отвлеченному учению, а в непосредственном и личном воздействии приходского пастыря на находящегося в приходе безбожника и еретика»⁶⁹².

Выступление Фуделя на орловском съезде, опубликованное в «Миссионерском обозрении», было отмечено многими церковными деятелями⁶⁹³. Так, о речах Фуделя и Новоселова писали: «как светоча луч среди непроницаемой тьмы, блеснула речь этих людей, но охваченная всеобщим мраком, она, как степной огонек в ночи, замерла»⁶⁹⁴. Последовал и отклик читателей: в редакцию журнала поступило большое анонимное письмо с «интеллигентной» стороны, написанное выпускником Санкт-Петербургского университета, где он оспаривал в чем-то обличающий, а в чем-то снисходительный тон, выбранный отцом Иосифом. По его мнению, пропасть между интеллигенцией и духовенством на деле еще больше, нежели представляет себе Фудель, и едва ли последнее готово

⁶⁹⁰ Подробнее см.: *Айвазов И.Г.* О свободе совести. Тамбов, 1901.

⁶⁹¹ Там же. С. 501.

⁶⁹² Русское обозрение. 1893. Январь. С. 319-320.

⁶⁹³ *Четвериков С., священник.* Возможно ли объединение интеллигенции с народом и Церковью? // Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь. С. 109-112.

Чельцов М. О некоторых писательских приемах в нашей духовной литературе // Миссионерское обозрение. 1902 г. Май. С. 1146-1153.

Айвазов И.Г. О свободе совести. Тамбов, 1901.

Айвазов И.Г. Антикритика на статью г. Чельцова «О некоторых писательских приемах в нашей духовной литературе» // Миссионерское обозрение. 1902 г. Сентябрь. С. 365-368.

⁶⁹⁴ Скворцов В.М. В защиту миссии и миссионеров (письмо, посланное в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей») // Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь. С. 202-207.

принять интеллигенцию с любовью, а само заявление о «миссии» среди интеллигенции (подобной «народной миссии») только отдаляет его от цели⁶⁹⁵.

Статья Фуделя «О христианской публицистике» продолжала его размышления об условиях успешности «миссии среди интеллигенции», где он продвигал мысль о необходимости развития не только устного слова, но и печатного. Не отсылая прямо к вышеупомянутому анонимному письму интеллигента, отец Иосиф все же счел должным отметить, что «неподдельная христианская любовь в ее проявлениях, так ясно описанных апостолом <...> есть естественнейшее условие плодотворности миссионерского подвига, условие успеха миссии, как среди народного сектантства, так и среди интеллигенции. Таков закон миссионерского дела. <...> И в беседе с сектантами, и в публичной лекции, и в журнальной статье, цель миссионера одна и средства, употребляемые для достижения этой цели, могут быть только одни», это должна быть любовь «со скорбью об их заблуждении»⁶⁹⁶. При этом Фудель очертил те трудности, которые, как он считал, возникают перед христианским публицистом. Они связывались им как с выбором тона письма (что не просто сделать, не имея собеседника перед глазами и не зная его возможной реакции), так и с примером светской печати и используемых в ней приемов, недопустимых для миссионера, который должен быть свободен от всего «внешнего», т.к. у христианской публицистики и основа, и цели совершенно самостоятельные, «ничего общего с коммерческими или партийно-политическими не имеющие»⁶⁹⁷.

Примечателен в этом отношении период работы Фуделя в редакции «Русского обозрения». До прихода Фуделя журнал заявлял о приверженности принципам индивидуальной свободы, беспристрастности и беспартийности, отказывался отождествлять национальную принадлежность с конфессиональной, выступал за независимость церкви от государства и веротерпимость. Это шло вразрез с позицией Победоносцева, хотя его работы публиковались в этом

⁶⁹⁵ Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1901 г. Июль. С. 900-904.

⁶⁹⁶ Фудель И.И. О христианской публицистике // Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь. С. 15.

⁶⁹⁷ Там же. С. 19.

издании, но впоследствии в нем печатались даже возражения А.А. Киреева на победоносцевский «Московский сборник». Стремясь отмежеваться от крайних направлений консерватизма, журнал вел полемику с «Гражданином» и «Московскими ведомостями» (такая политика давала возможность привлечь к сотрудничеству даже Вл. Соловьева). Со временем направление журнала двигалось «вправо», а тираж его составлял около 2 тысяч экземпляров; просуществовав с 1890 по 1898 г. как ежемесячный журнал и ненадолго возобновившись в начале XX в., он прекратил свою работу⁶⁹⁸.

В то время, когда редактором этого журнала был князь Д.Н. Цертелев, в нем не появилось ни одного материала православной тематики. Ситуация изменилась при Н.М. Боборыкине, а при А.А. Александрове (питомце Катковского лицея и «ученике» К.Н. Леонтьева) закрепились репутация «Русского обозрения» как журнала церковного направления⁶⁹⁹. Во многом этому способствовал отец Иосиф Фудель, пришедший в редакцию еще при Боборыкине в качестве автора рубрики «Вопросы церковной жизни» (тогда в журнале печатались созвучные ему Ю.Н. Говоруха-Отрок и В.В. Розанов, а политическую линию журнала отражал отдел «Летопись печати», которым заведовал Л.А. Тихомиров). Одна из первых статей Фуделя там как раз поднимала проблему разделения печати на светскую и духовную. Он писал, что если светская печать призвана отвечать потребностям общества, то она эту задачу не выполняет, абсолютно игнорируя церковную жизнь, в которую вовлечено большинство населения страны и читателей журналов: «интеллигенция чужда Церкви и ее интересов, но не общество»⁷⁰⁰. Такой подход, по его мнению, приводит читателя к самообману, что так и должно быть и воспитывает в нем отсутствие интереса к жизни церкви. Приводит к этому и смешение церковных вопросов с богословскими и философскими – им действительно место в специальных изданиях. «Всякий журнал, как орган не

⁶⁹⁸ Водерников В.В. Русское обозрение // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века. Энциклопедия. Отв. Ред. В. В. Шелохаев. М., 2010. С. 432-436.

⁶⁹⁹ Медоваров М.В. О редакционной политике журнала "Русское обозрение" (по материалам базы данных содержания журнала) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 1. 2019. С. 52.

⁷⁰⁰ Русское обозрение. 1892. Июль. С. 288.

какого-нибудь "интеллигентного" кружка, а православного русского общества, должен давать у себя место вопросам церковного характера» – провозглашал Фудель, который и взялся вести такую политику⁷⁰¹. Помимо этой рубрики там был опубликован цикл его статей о народной школе и Северо-западном крае.

В составляемой Фуделем «Хронике» были представлены статьи к юбилеям разных деятелей и событий, приводились обзоры деятельности братств, религиозно-просветительских обществ, монастырей и Синода, освещались успехи православной миссии в разных регионах, юбилеи. В своих обзорах он иногда прибегал к данным другой прессы (порой цитировал такие издания, как «Московские ведомости», «Московские церковные ведомости», «Церковные ведомости»). У Фуделя иногда встречается противопоставление «первопрестольной» Москвы и Петербурга (где размещались Синод и бюрократия). Так, во время празднования юбилея Сергия Радонежского он отмечал: «мы видим удивительно гармоническое сочетание истинного гражданина Русской земли с истинным сыном православной церкви. К сожалению, это не всем понятно. Непонятно нашей "интеллигенции", умеющей, впрочем, рассуждать о государственном значении преп. Сергия; непонятно и Петербургу, так равнодушно и безучастно отнесемуся к церковному торжеству»⁷⁰².

Неслучайно, что особым вниманием Фуделя пользовались случаи принятия духовного сана светскими людьми, что «стало явлением почти обычным»⁷⁰³: «число светских лиц, получивших высшее светское образование и посвящающих свою жизнь на служение Церкви, все более и более увеличивается. Этот факт нам особенно отрадно отметить», – писал он⁷⁰⁴. Часто он сообщал о пострижениях дворян в Московской духовной академии (МДА), приводил их краткие биографии. Но этот печатный «энтузиазм» во многом оставался внешним. В

⁷⁰¹ Там же. С. 289.

⁷⁰² Русское обозрение. 1892. Сентябрь. С. 386.

⁷⁰³ Русское обозрение. 1893. Март. С. 973.

⁷⁰⁴ Русское обозрение. 1892. Декабрь. С. 903.

личных письмах С.А. Рачинскому Фудель откровенно и с грустью писал о таких «переходах» и при этом большой ответственности «переходящих»: «А все-таки невыразимо грустно становится, когда оглянешься кругом на своих собратий из светских. Я особенно за этим слежу; во мне особенно больно отзывается всякая неудача, всякий неверный шаг именно *этих* собратий. Ведь каждый этот неверный шаг составляет торжество для тысячи врагов, тоже из собратий, не могущих нам простить нашего происхождения. Ведь мы «первые», пролагающие путь в духовенство светским людям, способны сразу погубить все дело, скомпрометировать и себя и тех, кто нам помогает выйти на эту дорогу. И посмотрите кругом; много ли нас? А между тем один лечит водой, другой едет в кругосветное путешествие с антимином для того, чтобы на всяком месте служить обедни, третьего чуть не гласно уличают в ереси и т. п. Не правда ли – достойно мы оправдываем надежды, возлагавшиеся на нас?..»⁷⁰⁵.

Примечательна его статья о старце Амвросии Оптинском, который сыграл роль и в судьбе самого Фуделя (у него окормлялся Леонтьев и через него отец Амвросий благословил Фуделя на принятие сана). Отец Иосиф писал о его великом масштабе и глубоком влиянии на современное религиозное движение. Так он раскрывал свою мысль: «Словами "религиозное движение" мы обозначаем не те умствования на религиозные темы, которые расплодились особенно в последнее время и указывают только на разнузданность современной мысли, а тот невидимый органический процесс в жизни нашего общества, видимым признаком которого служит появление *целой группы образованных людей, сознательно отдающих свои силы на служение Церкви Православной* [выделено автором – Н.В.]. В этом смысле видимым признаком этого скрытого процесса является одинаково и художник В. Васнецов со своею дивною иконописью во Владимирском соборе, и бывший профессор Московского Университета, С.А. Рачинский, создавший образец для церковных школ, и те воспитанники университетов и лицеев, которые принимают пострижение в монашество. <...>

⁷⁰⁵ Письма И.И. Фуделя С.А. Рачинскому // ОР РНБ. Ф. 631. Д. 65 (предоставлено О.Л. Фетисенко).

Молодежи бывало у отца Амвросия множество; сколько разбитых нравственно натур он воссоздал и исцелил силою своей любви, скольким потерявшим веру в Бога и во все святое он эту веру возвратил и тем самую жизнь их сохранил; скольких он благословил на трудный иноческий подвиг или на пастырское служение; сколько из них возрожденных осталось там же около него... Все это неведомо миру»⁷⁰⁶.

Свое воплощение стремление Фуделя к поощрению «религиозного движения» нашло и в его совместной деятельности с М.А. Новоселовым (бывшим толстовцем⁷⁰⁷ и будущим новомучеником) – в участии в организованных им Клинских съездах 1895 г. (на которых собиралась деревенская интеллигенция – учителя, фельдшеры и т.п.)⁷⁰⁸ и в разработке программы «Религиозно-философской библиотеки» (РФБ)⁷⁰⁹. Это был уникальный издательский проект начала XX в., призванный через избранные произведения, как Отцов Церкви, так и известных современников, от славянофилов до западников и социалистов (это могли быть как И.В. Киреевский или А.С. Хомяков, так и А.И. Герцен или Л.Н. Толстой), приводить читающую публику к вечным вопросам и христианским ответам. В письме от 17 января 1905 года Новоселов писал Ф.Д. Самарину: «Хотелось бы издать также Белинского, Влад. Соловьева, Кавелина – о царской власти. Эти имена не отталкивают и оппозицию... Если найду средства, то издам ряд маленьких брошюр по этому основному вопросу нашего бытия»⁷¹⁰.

Издательская деятельность началась в 1902 г. с публикации брошюры Новоселова с «программным» для проекта названием: «Забытый путь опытного Богопознания (в связи с вопросом о характере православной миссии)». Всего вышло 39 выпусков РФБ (некоторые книги переиздавались 2–3 раза), кроме этой

⁷⁰⁶ Русское обозрение. 1892. Октябрь. С. 876.

⁷⁰⁷ В 1890-е гг. Новоселов постепенно сблизился с оптинскими старцами, о. Иоанном Кронштадтским, обращение же из толстовства приписывал влиянию старца подмосковной Зосимовой пустыни иеросхимонаха Алексия (Соловьева).

⁷⁰⁸ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 23. Л. 23. Об.

⁷⁰⁹ Там же. Л. 25.

⁷¹⁰ Письма мученика Михаила Новоселова Ф.Д. Самарину, 1905–1913 гг. / Е. С. Полищук, публ., коммент. // Богословские труды. 2013. Вып. 45. Цит. по: Полищук Е.С. Михаил Александрович Новоселов... [Электронный ресурс] – <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=248> (дата обращения: 15.10.19).

серии выходили и многие непромуерованные книги и издавались «Листки РФБ». Вокруг Новоселова к 1907 г. соберется «Кружок ищущих христианского просвещения», который в своем составе пересекался с межприходским Братством Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (существовавшего в 1909–1917 гг.). Некоторые члены этих сообществ (куда входил и отец Иосиф), выступают авторами РФБ. Вопросы, поднимаемые в цикле брошюр РФБ, витали в воздухе и вызвали общественный интерес: это касается проблем социальной активности христианина, трезвения и христианской мистики, гуманизма и социализма, нравственного богословия; одной из центральных была тема опытного постижения догматов, стяжания Духа Святого как цели христианской жизни; ряд выпусков был посвящен теме церкви, желанию оградить ее от сектантства, католицизма, протестантизма⁷¹¹.

«Словно живой водой брызнули на сухие богословские схемы, будто в душную атмосферу начетнически отвлеченной богословско-философской мысли ворвалась вдруг струя свежего и чистого воздуха», – передавал свое впечатление от новоселовской «Библиотеки» один из современников⁷¹². Говоря об истоках чуткости Новоселова к проблемам текущего дня, П.А. Флоренский указывал на значение (помимо собственного духовного опыта) также и продолжительного личного общения со многими выдающимися современниками (Л.Н. Толстым, В.С. Соловьевым и др.), которое открыло ему «душу современного русского человека, и притом различных социальных слоев», и называл издаваемую им Религиозно-философскую Библиотеку «своего рода новым Добротолубием»⁷¹³. Заслуги Новоселова в деле духовного просвещения и христианской апологетики были признаны, о чем говорит его избрание почетным членом МДА в 1912 г.

В пореформенное время об опасности распространения неверия и разных «лжеучений», острой необходимости особого окормления церковью

⁷¹¹ *Никитина И.В., Половинкин С.М.* «Московский авва» // Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 18.

⁷¹² *А.Ф.* Разные пути // Таврический церковно-общественный вестник. 1909. №8. С. 347-353. Цит. по: *Полищук Е.С.* Михаил Александрович Новоселов...

⁷¹³ Из академической жизни. 1. Избрание новых почетных членов МДА // Богословский вестник. 1912. № 12. С. 865. Цит. по: *Полищук Е.С.* Михаил Александрович Новоселов...

интеллигенции, катастрофическом состоянии подготовки пастырей для этого дела писали как русские архиереи, так и мыслители (К.Н. Леонтьев, Л.А. Тихомиров, А.А. Киреев и др.)⁷¹⁴. К началу XX в. можно говорить о существовании в имперской России консервативного проекта «национальной» (церковной) интеллигенции, за неимением единой платформы – несколько аморфного. Так, «Союз русских людей» (его «Воззвание» 1905 г. среди прочих видных московских общественных деятелей подписал Фудель) призывал к образованию «истинно-русской интеллигенции», т.е. «людей просвещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей православный народ русский и которые делают порою из безграмотного крестьянина-простеца богатыря-подвижника»⁷¹⁵. Не один публицист чаял подобного обновления, каждый по-своему: надежды на появление «новой интеллигенции» возлагал М.Н. Катков, о задачах «государственной интеллигенции»⁷¹⁶ писал К.П. Победоносцев⁷¹⁷, о необходимости «церковной интеллигенции» размышлял С.Н. Булгаков⁷¹⁸.

Отделяя себя от «интеллигенции» (и не принадлежа к ней в глазах современников), Фудель все же был выходцем из ее среды, человеком с университетским образованием. Он всю жизнь сохранял некоторые присущие ему «интеллигентные» наклонности: помимо типа мышления, которому свойственна повышенная оценочность суждений⁷¹⁹ и, в какой-то степени, мессианство, неприятие насилия и формализма (неизбежных спутников государственной системы); определенного рода демократизм, который можно заметить в центральной для его публицистики идее братств, в стремлении к оживлению инициативы мирян в приходах; помимо этого, Фудель всю жизнь

⁷¹⁴ *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале 20 века. М., 2008. С. 233-236.

⁷¹⁵ Вестник союза русских людей. 1906. №1. С. 10.

⁷¹⁶ *Победоносцев К.П.* Церковь и государство // Московский сборник. М., 1896. С. 4.

⁷¹⁷ *Колоницкий Б.И.* Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец 19 – начало 20 в.) // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 160.

⁷¹⁸ *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Спб., 2011. С. 98-99.

⁷¹⁹ *Лотман М.Ю.* Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм. М., 1999.

сохранял любовь к художественной культуре и литературному труду. Живую характеристику отцу Иосифу дала Н.В. Угримова: «Любил театр и концерты, очень горевал, что обычаи запрещают их посещать. Любил красоту и в людях, в поэзии. Не любил "одежды" своей, особенно "рукава поповские". "Кто их выдумал? Безобразно, неудобно, не оправдано историей". Ужасно хорошо смеялся, весело, легко. Я всегда прибежала рассказать что-нибудь забавное. И любил смеяться»⁷²⁰. Отец Иосиф делился с ней своими несостоявшимися планами: «Боюсь, что умру, не исполнив двух поставленных себе целей своего долга: написать биографию Леонтьева и о русской женщине»⁷²¹.

Все эти признаки не мешали Фуделю строго нести свое служение. «В краткой формуле можно было бы так охарактеризовать всю совокупность его пастырской, проповеднической, литературной и школьной деятельности: апология чистого христианства» – писал его сын⁷²². По словам современника, в отце Иосифе «не было вовсе ничего от сословной ленцы и грязцы», «никакими бытовыми красками не было испещрено его священство», «это был всегда, не только в храме, но и в жизни, – не поп, не "наш добрый батюшка", – а истинный иерей Божий»⁷²³.

Можно заметить, что за понятием «интеллигенция» на рубеже веков стояло определенное мировоззрение – то, что его современники называли «беспочвенностью»⁷²⁴. Этот «приговор» как будто не подразумевал существования церковной интеллигенции как реальности. Но в то же время антиинтеллигентский пафос мечтающих о нарождении церковной интеллигенции и их деятельность все же говорят об обратном, что подтверждает, в частности, пример отца Иосифа и его окружения. Однако этот круг церковной интеллигенции оставался довольно тесным.

⁷²⁰ Угримова Н.В. Кусочки воспоминаний духовной дочери // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 4. Об. – Л. 5.

⁷²¹ Там же. Л. 4. Об.

⁷²² Фудель С.И. Воспоминания. М., 2016. С. 29.

⁷²³ Дурылин С.Н. Отец Иосиф Фудель. – [Электронный ресурс] – <http://politconservatism.ru/upload/iblock/dbb/dbb508257bb36c8548ef16190c498bc0.pdf> (дата обращения: 12.10.2019). С. 38.

⁷²⁴ Федотов Г.П. Трагедия Интеллигенции // Версты. Париж, 1927. №2. С. 150.

Значительного слоя «народной интеллигенции» Фудель так и не увидел⁷²⁵, оставшись одним из немногих его представителей. На вышедший в 1909 г. сборник «Вехи» он дал сдержанный положительный отзыв, оставив ряд сомнений: «Действительно ли потрясение было так велико, что интеллигенция разбужена им?»⁷²⁶. Его размышления напоминают посыл статьи К.К. Арсеньева из оппозирующего «Вехам» сборника «Интеллигенция в России» (1910): «Ни "богоискателям", ни "богостроителям" не удастся возбудить сколько-нибудь широкое, и глубокое движение; никому из них не дано "глаголом жечь сердца людей". Нет этого дара и у господствующей церкви»⁷²⁷. С.Н. Булгаков, один из авторов «Вех» и человек фуделевского круга, писал об «осколках славянофильства» начала XX в.: «русские почвенники были <...> живым отрицанием нигилизма, но они не были его преодолением <...> потому что сами были, в сущности, духовно сыты, и никуда не порывались души их... Они жили прошлым, если не только в прошлом»⁷²⁸. В этой пессимистичной оценке Булгакова, отделяющего себя в этих словах от своего окружения, несколько недооценивается тот мессианский надрыв и устремленность к христианскому просвещению, которые были характерны для многих неославянофилов.

Представляется, что Фудель выступает как раз примером «преодоления» – человеком особого культурного типа, появившегося в бурную эпоху модернизационных процессов второй половины XIX–начала XX в., типа «вернувшихся» в церковь и стремившихся к «миссии среди интеллигенции» (к нему можно отнести как К.Н. Леонтьева, так и многих участников новоселовского «Кружка»). От общего «духа» интеллигенции (в современном ему понимании) отец Иосиф отошел – как социально, так и духовно. Но все же, он верил в возможность церковной жизни образованных людей, жаждал ее, и в то же время – был ее представителем. Противопоставляя «православное народничество»

⁷²⁵ Фудель И.И. Критика интеллигентского сознания // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

⁷²⁶ Там же. Л. 51.

⁷²⁷ Арсеньев К.К. Пути и приемы покаяния // Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей 1909— 1910. / Сост., коммент. Н. Казаковой; Предисл. В. Шелохаева. М., 1991. С. 223.

⁷²⁸ Булгаков С.Н. Пять лет (1917-1922) // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1997. С. 334.

всевозможным «интеллигентским» течениям, Фудель надеялся избыть «вечные» параллели «интеллигенция – власть» и «интеллигенция – народ» – посредством преодоления, по его мнению, центральной оппозиции – «интеллигенция – церковь».

Мы рассмотрели деятельность Фуделя в области христианского просвещения во время обер-прокурорства К.П. Победоносцева (1880–1905 гг.). Подводя итог, можно сделать вывод и о том, насколько И.И. Фудель вписывался в курс этого сановника, в значительной степени определявшего церковную политику в то время. Известно, что Фудель бывал в доме Победоносцева (там он и познакомился с С.А. Рачинским)⁷²⁹, а обер-прокурор посылал ему бумаги и брошюры⁷³⁰ (при этом отношения их вряд ли были близкими, нам не удалось обнаружить прямой переписки). Сущность расхождений И.И. Фуделя с курсом Победоносцева и его личными взглядами наглядно можно представить в таблице:

Таблица 1.

И.И. Фудель	К.П. Победоносцев
Сторонник предсоборного движения и реформы прихода	Противник восстановления Патриаршества и славянофильской риторики о «соборности»
сторонник оживления церковно-приходской жизни и увеличения участия в ней мирян; противник реформы приходских попечительств	Противник общественных инициатив, опирался больше на епископат, отвергал идеи самоуправления в церковной среде в связи с низким культурным уровнем народных масс
Верил в нарождение христианской интеллигенции, призывал к миссии церкви в образованной среде; сторонник участия церкви в общественной полемике; его воодушевляло появление городского, интеллигентного типа христианина	Отрицал пользу диалога с интеллигенцией и свободы печати; воспринимал общество как начало несамостоятельное и ведомое; имел нелюбовь ко всякой «пестроте» мнений и неоднозначности в организации общества; культ провинциальной, сельской простоты

⁷²⁹ Преемство от отцов. С. 650.

⁷³⁰ РГИА. Ф. 1574 Оп. 1 Д. 33а. Л. 111.

Стремился развить сознательную веру в народе (и интеллигенции) – как воплощение христианского идеала	Стремился сохранить цельность традиционного уклада жизни русского народа – как залога общественной стабильности
Был вхож в религиозно-философские кружки и общества, хотя представлял там «ортодоксальную» линию	Питал недоверие к «умствованиям» даже в церковной среде, к современному богословию
Высказывался против репрессивно-административных мероприятий в Северо-Западном крае, сам боролся с сектантством мягкими мерами	Противник свободы совести и сторонник жестких репрессивных мер в отношении иноверцев на окраинах; бескомпромиссная позиция
Считал, что церковная проповедь не должна быть предписанной (и становиться от этого формальной), полагал, что проповедь должна быть настоящим «Словом»	Предписывал чаще произносить проповеди в храме, организовывать вероучительные беседы
Принадлежал к числу «новых консерваторов» из спонсируемого Победоносцевым «Русского обозрения» и, как правило, находил взаимопонимание с сотрудниками	Имел сложные отношения с Т.И. Филипповым и К.Н. Леонтьевым; не смог установить прочные контакты с новым поколением российских консерваторов (В.В. Розанов, А.А. Александров, С.Ф. Шарапов, Л.А. Тихомиров и др.) ⁷³¹

Как видно из Таблицы 1, пунктов расхождения существовало значительное количество, при этом они носили как объективный, так и субъективный характер. Представляется, что, разбирая тонкости созвучий и разногласий сановника и писателя или философа и священника (как в случае сравнения Фуделя с такими фигурами, как Победоносцев или Леонтьев), важно понимать – зачастую у них были разные мотивы и задачи. К тому же, своеобразие каждого из мыслителей зачастую препятствует строгой систематизации направлений.

Тем не менее, у Фуделя и Победоносцева были и значительные пересечения, касавшиеся, например, оценок представителей русской мысли. Победоносцев также выступал как сторонник самобытности, ценил славянофилов, хотя во

⁷³¹ Подробнее о Победоносцеве см.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. С. 136, 181, 277, 384.

многим критиковал: община (важнейший идеал славянофилов) рассматривалась обер-прокурором с сугубо прагматических и охранительных позиций, как средство удержать народ от «легкомысленных порывов к свободе», которая окажется для него губительна⁷³². Он активно критиковал бюрократию, демократию и парламентаризм, его любимый тезис – «люди, а не учреждения» (Фудель разделял это настроение, хотя политический аспект интересовал его здесь значительно меньше церковного. Обер-прокурор близко общался с Достоевским и любил его, но также с оговорками⁷³³. Для мировоззрения Фуделя, как отмечалось нами выше, аксаковская «Русь», Достоевский и его Пушкинская речь сыграли ключевую роль, во многом определив выбор жизненного пути.

Как заметил А.Ю. Полунов, Победоносцев, не солидаризуясь до конца ни с одним течением, в той или иной степени соприкасался с каждым из них, используя их идеи и аргументы для критики пореформенного развития России. Его особое внимание к вопросам религии было явлением достаточно необычным на фоне далеко зашедшей секуляризации правительственной политики России и предвещало, как казалось многим, существенные изменения в системе отношений церкви и государства. Но постепенно его деятельность все больше стала сворачивать в привычную колею жесткого бюрократического надзора за церковью, что в конечном счете привело, по мнению автора, к провалу политики Победоносцева⁷³⁴.

Важно и то, что деятельность Победоносцева составляла контекст начального периода священнического служения Фуделя. Его стараниями активизировалась издательская деятельность духовенства, увеличилась численность клира и храмов, организовывались массовые церковно-общественные торжества, принимались меры по оживлению церковной

⁷³² Там же. С. 100.

⁷³³ «Давая оценку "Легенде о великом инквизиторе", он сожалел, что не нашел прямого опровержения изложенных здесь заблуждений. Одоблив в целом "пушкинскую речь" Достоевского (июнь 1880 г.), он в то же время без комментариев переслал ему статью К. Н. Леонтьева "О всемирной любви", где, как известно, содержалась резкая критика высказанных писателем положений. Очевидно, Победоносцев рассчитывал, что со временем взгляды Достоевского примут более "ортодоксальный" и менее "беспокойный" характер». См.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев... С. 158.

⁷³⁴ *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев... С. 342, 344.

проповеди; поощрялось создание братств, занимавшихся просветительской, благотворительной и миссионерской деятельностью (хотя неизбежное развитие самостоятельных организационных структур, связанных с этой активностью, пугало его своей непредсказуемостью)⁷³⁵. Вся эту деятельность Фудель приветствовал и был активно в нее вовлечен. Он также стремился восстановить значение церкви и духовенства в общественной жизни и выступал сторонником церковно-приходских школ, которым покровительствовал Победоносцев, симпатизировал и вел переписку с близким Победоносцеву просветителем С.А. Рачинским (известным, в том числе, своей широкой школьной деятельностью в Смоленской губернии). Наконец, Фудель использовал журнал «Русское обозрение», которому Победоносцев оказывал покровительство, для выражения своих взглядов и формирования новой общественно-церковной журналистики⁷³⁶.

⁷³⁵ Там же. С. 230, 278.

⁷³⁶ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Винюкова Н.В.* И.И. Фудель о проблеме воцерковления интеллигенции // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 1. С. 39-53.

Глава 4. И.И. Фудель в русской общественно–церковной жизни конца XIX–начала XX вв.

§1. Приходской вопрос в 1890-е – начале 1900-х гг.

На протяжении XIX в. происходил процесс закрепощения православного прихода – подчинения его вышестоящим церковным и светским властям и соображениям государственной необходимости. В пореформенной России приходской вопрос был для церкви одним из самых обсуждаемых. Его основной нерв – проблема оживления приходской жизни – сделалась одной из центральных тем в общественно-церковном пространстве с 1860-х гг., когда был проведен ряд церковных преобразований. Однако тогда реформаторами на первое место ставился вопрос об изменении статуса и материального положения православного духовенства империи, а приход рассматривался по-прежнему утилитарно – как источник повышения благосостояния причта (за счет активизации добровольных пожертвований прихожан). Реформы были направлены на раскрепощение духовного сословия и привлечение прихожан к более активной поддержке своих пастырей: добиться этого предполагалось с помощью образования попечительств⁷³⁷.

Согласно «Положению о приходских попечительствах при православных церквах» 1864 г. определялись три основные направления их деятельности: забота о нуждах приходской церкви, о нуждах причта, а также о благотворительной и просветительской деятельности⁷³⁸. Однако изменить уровень благосостояния духовенства с помощью попечительств не удалось, они оказались чуждым учреждением, вызывавшим подозрение как у клириков, так и у большинства мирян; число попечительств росло медленно и неравномерно⁷³⁹; зачастую они возникали преимущественно для решения конкретных задач – постройки, ремонта

⁷³⁷ *Беглов А.Л.* Приходские попечительства при православных церквах Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // *Российская история.* 2014. № 6. С. 104.

⁷³⁸ Состав попечительств формировался из неперменных членов и членов, избираемых прихожанами. Председатель попечительства был также выборным лицом, следовательно, им становился не только приходский священник. Подробнее см.: *Беглов А.Л.* Кризис «государственной церковности» в фокусе приходского вопроса. 1860-е-1917 гг. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2019. № 1-2. С. 58-89.

⁷³⁹ *Беглов А.Л.* Приходские попечительства при православных церквах... С. 106, 115.

или украшения храмов⁷⁴⁰. Многочисленные финансовые и административные конфликты, связанные с приходскими попечительствами, свидетельствовали о том, что они воспринимались скорее как элемент не церковной, а «мирской» или земской организации⁷⁴¹.

К началу 1890-х гг. неудача приходских преобразований, предпринятых в 1860-е гг., признавалась и государством, и иерархами, и обществом, в связи с чем К.П. Победоносцев готовил новую реформу прихода, частью которой должно было стать и преобразование попечительств⁷⁴². На этом фоне выделялся альтернативный приходским попечительствам подход к реформе прихода – путем выделения в приходе религиозно активной части прихожан и организации православных братств. Ярким защитником этого пути выступал отец Иосиф Фудель. В 1890–1900-е гг. этот взгляд не был преобладающим, хотя высказывался и рядом других архиереев и священников.

Братская тема также актуализировалась с 1860-х гг. Тогда о братствах писали священник А.В. Гумилевский, историк М.О. Коялович, Ф.Г. Лебединцев, Н.С. Лесков и др.⁷⁴³. Отмена крепостного права стала катализатором братского движения, в 1864 г. были приняты «Основные правила для учреждения православных братств». Их задачами определялись противодействие посягательствам на права церкви со стороны иноверцев и раскольников, строительство и украшение православных храмов, дела благотворительности, духовное просвещение и взаимная поддержка⁷⁴⁴. Чуть более чем за 15 лет было основано 63 братства, что все же не составляло большого количества в размерах империи, но с каждым десятилетием их количество увеличивалось. По своей сути братство как форма приходской жизни имело характер именно религиозно-просветительской организации (в отличие от попечительств, которые изначально

⁷⁴⁰ Там же. С. 118-119.

⁷⁴¹ Там же. с. 127.

⁷⁴² Там же. С. 109.

⁷⁴³ История церковных братств в России: Сб. документов. Хрестоматия по истории Русской православной церкви. М., 2018. С. 47.

⁷⁴⁴ Журавский А.В. Братства православные // Православная энциклопедия. Т. 6. С. 205.

мыслились как многофункциональные организации, но наделе нивелировались преимущественно до хозяйственных).

Хотя среди современников отсутствовало единство во взглядах на пути реформирования прихода, в пореформенное время тон в дискуссии о приходском вопросе во многом задавал известный деятель славянофильского кружка Д.Ф. Самарин (1827–1901; младший брат Ю.Ф. Самарина), к нему по взглядам примыкал И.С. Аксаков. Для славянофилов приход был прежде всего общественным институтом, но его жизнь при этом мыслилась неразрывно связанной с жизнью всего церковного организма; славянофильский идеал – «свободная община», представлялась субъектом приходской жизни. Их продолжателем на рубеже XIX–XX вв. выступил крупный юрист и один из ведущих публицистов в приходском вопросе А.А. Папков, для которого приход также представал частью общественного устройства, а идею общинного самоуправления он положил в основу своей концепции переустройства прихода⁷⁴⁵. В рамках славянофильской парадигмы мыслили многие представители предсоборного движения начала XX в., в частности, она получила развитие в направлении, которое ставило во главу угла уже не крестьянскую общину, а братство (которому придавал большое значение в том числе и Папков).

Деятельность Фуделя в приходском вопросе приходилась на 1890–1910-е гг., когда он стоял с особой остротой. Особую позицию, отстаивая братский путь, отец Иосиф занял в дискуссии о приходских попечительствах. Для Фуделя мысль о братствах во многом проистекала из идей христианского просвещения и нравственной выработки личности, способствовать которым могло бы выделение ядра сознательных христиан в приходе – т.е. в вопросе о возрождении прихода он говорил скорее о духовно-религиозной церковной единице, нежели об экономической или общественной.

⁷⁴⁵ Беглов А.Л. «Община, учреждение, братство...». Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX – начала XX вв. // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 249-250.

В 1893–1895 гг. по инициативе обер-прокурора был проведен опрос епархиальных архиереев, в результате которого наметились два основных пути реформы приходских попечительств: «административный» (подчинение попечительств контролю благочинных и консистории) и «органический» (преобразование попечительств в добровольные приходские братства), причем за последний выступило лишь 11,4% архиереев⁷⁴⁶. При этом приверженцы наименее популярного пути, как правило, в качестве успешного примера развития приходской жизни приводили западнорусские братства и православные организации взаимопомощи в Америке. Примечательно, что отзывы преосвященных опубликованы не были, а И.И. Фудель размышлял о приходе параллельно с этим опросом в сходном с меньшинством архиереев ключе, высказываясь не за административный путь, а за низовой (при этом он не настаивал на непрременной отмене попечительств, предлагая оставить им лишь хозяйственные функции). С 1892 г. он напечатал об этом серию статей в «Русском вестнике» и «Русском обозрении», а позднее переиздал их отдельными брошюрами⁷⁴⁷.

Активная проповедь распространения братств у Фуделя имела особые предпосылки: отчасти это был собственный опыт служения в Северо-Западном крае, где братскую жизнь он наблюдал своими глазами, отчасти сказывалось и влияние славянофильства. Примечательно, что с 1860-х годов за распространение церковно-приходских братств в Северо-Западном крае высказывался уважаемый Фуделем И.С. Аксаков и его круг (в частности, на страницах газеты «День»⁷⁴⁸). Хотя славянофильские постулаты о децентрализации управления и широком введении выборных начал (проводимые, к примеру, в газете «Русь»⁷⁴⁹) Фудель не пропагандировал, все же, продвигаемая им идея братств влекла за собой

⁷⁴⁶ *Беглов А.Л.* Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // Вестник ПСТГУ. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2014. Вып. 6(61). С. 55, 49.

⁷⁴⁷ *Фудель И.И.* Основы церковно-приходской жизни. М., 1894. *Он же.* К реформе приходских попечительств. М., 1894.

⁷⁴⁸ *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 282.

⁷⁴⁹ *Полунов А.Ю.* К. П. Победоносцев... С. 245.

расширение самостоятельности прихода и прав мирян. При этом Фудель выступал противником принципов выборности и разделения власти, лежащих в основании попечительств и проводил распространенное в среде духовенства мнение о необходимости единоначалия священника в приходской жизни: пастырь прихода, «как лицо, принявшее на себя ответственность за каждую вверенную ему душу, является естественным главой всякого учреждения, связанного с церковью и приходом»⁷⁵⁰.

Фудель выделял две главные задачи по улучшению приходской жизни: «просветительную» (в поднятии уровня религиозно-нравственной жизни прихода) и «благотворительную» (в организации помощи нуждающимся прихожанам)⁷⁵¹. Но эти задачи, по его мнению, были не по силам ни попечительству, ни священнику. Хотя «первая и главная основа церковно-приходской жизни – это энергичный, деятельный священник <...> он – душа прихода»⁷⁵², для его деятельности все же нужна определенная почва. В первую очередь, необходимо объединение лучших сил прихода – без этого ядра (добровольного, избранного и ведомого пастырем) невозможно развитие нормальной церковно-приходской жизни, и обновить приход могут только люди, сами отличающиеся благочестием и высокой религиозностью⁷⁵³.

Иными словами, основание приходской жизни, по мнению Фуделя, должно воплощаться в братствах, отвечающих как просветительским, так и благотворительным нуждам: это «форма историческая, не придуманная, а выработанная самой жизнью»⁷⁵⁴. При этом отец Иосиф отмечал упадок западных братств, в частности, в связи с угасанием в них религиозно-нравственных задач (в его время они занимались преимущественно поддержкой церковного благолепия и благочиния, тогда как до появления попечительств в 1864 г. важной частью их деятельности была и благотворительность). Тем не менее Фудель подчеркивал,

⁷⁵⁰ Там же. С. 14.

⁷⁵¹ Там же. С. 5.

⁷⁵² Там же. С. 29.

⁷⁵³ Там же. С. 8-14.

⁷⁵⁴ Западнорусские церковные братства получили распространение в XVI–XVII вв. как средство защиты веры и народности от польского гнета.

что эти сообщества все еще сохраняют дух древних братств: «та же корпоративность, то же добровольное подчинение личности целому, то же участие *каждого* братчика в исполнении обязанностей»⁷⁵⁵.

По мнению священника, приходские попечительства ограничены в своей деятельности и порой разъединяют приходскую жизнь, а главное – они не могут выполнять религиозно-нравственных задач, которые Фудель считал важнейшими⁷⁵⁶. Недостаточными для удовлетворения главных нужд прихода Фудель считал и такую форму организации как общества трезвости, в целом положительно им оцениваемые, но с оговорками, т.к. их деятельность не была регламентирована законом и не распространялась на область благотворительности (хотя они имели потенциал превратиться в братства). В пример он ставил организованное С.А. Рачинским Татевское общество трезвости⁷⁵⁷.

Таким образом, отец Иосиф предлагал выделить из сферы попечительств благотворительность (т.к. она имеет и религиозно-нравственное значение) и оставить им лишь функции хозяйственные и благоустроительные, благотворительные же – предоставить братствам⁷⁵⁸. При этом под братством он понимал не учреждение и приходской орган (как попечительство), а духовное объединение лиц, «коих деятельность обнимает более или менее обширный район»⁷⁵⁹.

В бытность сотрудником «Русского обозрения» в 1890-е гг., ведя церковную хронику, Фудель пристально следил за развитием братств. Важно, что в них он видел в них, в первую очередь, средство христианского просвещения, причем часто указывал, что все братства – «народные» и ни одно не ставит просветительские задачи среди образованного общества. «Пора нашему духовенству, особенно столичному, соединиться с лучшими мирянами в одной

⁷⁵⁵ Фудель И.И. К реформе приходских попечительств // Русское обозрение. 1894. №4. С. 877.

⁷⁵⁶ Фудель И.И. К реформе приходских попечительств... С. 869.

⁷⁵⁷ Фудель И.И. Основы церковно-приходской жизни. С. 16.

⁷⁵⁸ Фудель И.И. К реформе приходских попечительств... С. 875.

⁷⁵⁹ Там же. С. 877.

братской деятельности против врагов Церкви среди нашей интеллигенции, <...> защищать Церковь от нападения самозванных учителей. Разрозненные усилия хотя бы и великих апологетов с этой задачей не справятся» – писал он⁷⁶⁰.

Между тем идея Фуделя противоречила общему ходу обсуждения приходского вопроса в 1890-е гг. За «наивность» и «непрактичность» она натолкнулась на критику в печати со стороны правоведа Н.А. Заозерского, будущего профессора МДА и активного участника предсоборного движения⁷⁶¹. Хотя и «разделяя сочувствие к братскому делу», он критикует видного публициста-славянофила А.А. Папкова⁷⁶², переоценивавшего, на его взгляд, достижение братств, масштабы и перспективы их деятельности. Он полагает, что угасание деятельности братств с избавлением от польского владычества доказывает их утопичность и несостоятельность как самостоятельных организаций⁷⁶³. Заозерский пишет, что, несмотря на 30-летнее существование «Правил о церковных братствах», большая часть братств не отличается по атмосфере от обычного прихода: рассмотрев «массы так называемых «действительных» членов братств <...> мы должны будем признать их не более как единицами платящими 2, 3, 5 руб. в год членских взносов и сим только ограничивающими свое соприкосновение с братством»⁷⁶⁴. Относительная многочисленность братств объясняется профессором тем, что в их учреждении и деятельности непосредственное участие принимает светская власть и церковная иерархия⁷⁶⁵.

Критически отмечая «косность» и «стадность» в религиозном состоянии общества, Фудель, по мнению Заозерского, судит об обществе вернее Папкова⁷⁶⁶. Однако профессор добавляет, что о превращении каждого прихода в братство не может быть и речи ввиду недостатка в людях, способных к братскому делу.

⁷⁶⁰ Русское обозрение. 1893. Сентябрь. С. 406.

⁷⁶¹ Заозерский Н.А. Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах // Богословский вестник. 1894. Т. 4. № 10. С. 183.

⁷⁶² Папков А.А. Церковные братства: Крат. стат. очерк о положении церк. братств к началу 1893 года. СПб., 1893.

⁷⁶³ Заозерский Н.А. Братское дело... С. 176.

⁷⁶⁴ Там же. С. 185.

⁷⁶⁵ Там же. С. 193.

⁷⁶⁶ Там же. С. 185.

Стремление Фуделя «всю Русь обратить в православные братства» он считает утопией, резонно замечая, что для ее воплощения братчик из «лучших людей» прихода, помимо высокой нравственности, должен быть и популярен, и способен вести за собой, и склонен к общественной деятельности, и, что немаловажно, материально обеспечен⁷⁶⁷. Кроме того, он отмечает, что церковная жизнь у большинства людей находится далеко не на первом месте: «большинство людей всю жизнь бьется над преследованием одной задачи — *законом дозволенными* (мы уже не говорим абсолютно честными) средствами обеспечить себе соответственное потребностям и вкусам существование»⁷⁶⁸. Стремление к жертвенной жизни он считает фантазией, проявлением гордости: «никаких таких жертв в настоящее время никто от нас не требует и никому они не нужны»⁷⁶⁹. В итоге Н.А. Заозерский предложил следующее вполне рациональное решение для существования братств, которое уже имело место в некоторых случаях: они должны состоять «из двух категорий членов: одни из них участвуют в братстве только денежными взносами, другие только трудом за вознаграждение... Тот и другой таким образом без большого обременения для себя могут быть одинаково полезными членами церковного общества»⁷⁷⁰. Кроме того, он призывал к совершенствованию уже сложившейся системы приходских попечительств, распространению их деятельности за рамки одного прихода. Критикуя идею братств с рационалистической позиции, Н.А. Заозерский все же завершает свою статью призывом в качестве меры поднятия религиозно-нравственного настроения обратиться «в область человеческого сердца» и прислушаться к слову пастырей о том, чтобы «быть, а не именоваться только православными христианами»⁷⁷¹.

Эта дискуссия хорошо иллюстрирует разницу отношений к приходской жизни – рационалистического и идеалистического. Если Заозерский выступает с

⁷⁶⁷ Там же. С. 192.

⁷⁶⁸ Там же.

⁷⁶⁹ Там же. С. 196.

⁷⁷⁰ Там же. С. 194.

⁷⁷¹ Там же. С. 197.

позиций профессора-скептика, то Фудель – с позиции пастыря, «голоса Церкви», его задача – обозначить главную пастырскую задачу и направление деятельности. Если Заозерский констатирует, что церковная жизнь для большинства людей является лишь одной из потребностей и «никаких <...> жертв <...> никто от нас не требует», то Фудель, принявший христианский идеал как «путь, истину и жизнь», не может смириться с таким видением положения вещей. Цель церковной жизни он видит в стремлении к святости⁷⁷², а 1890-е годы были в его представлении временем «бить в набат», всем миром вставать на христианский путь. Публицистику Фудель использовал и как практическое руководство к действию, и, главным образом, как проповедь христианского идеала. Осмысляя впоследствии развитие этого устремления, Сергей Фудель очень остро чувствовал невозможность массовости пути, на который указывал его отец (испытывший затем серьезные разочарования в 1900–1910-е гг.), поэтому, уже в советское время, он часто говорил о вере как «первохристианстве» и «узком пути»⁷⁷³.

В итоге, в дискуссии о приходских попечительствах 1890-х гг. верх взяла наиболее реализуемая линия большинства: усиление епархиального контроля за деятельностью приходских попечительств, особенно за их финансами⁷⁷⁴. Впрочем, противоречивые полумеры, предпринимаемые в этом направлении, оставили приходскую реформу незавершенной, а к концу 1890-х гг. сам обер-прокурор уже не проявлял к попечительствам особого интереса⁷⁷⁵. Тем не менее идея братской жизни не завоевала тогда достаточных успехов.

Если к началу 1893 г. в империи насчитывалось 159 братств⁷⁷⁶ (с 1881 г. по 1894 г. их количество увеличилось на 22)⁷⁷⁷, то к 1917 г. число братств достигло 700, такой скачок был связан с реакцией на революцию 1905-1907 гг. и Первую

⁷⁷² Фудель И.И. Святая Русь. Речь при открытии Общеобразовательных чтений для рабочих г. Москвы, произнесенная в Историческом Музее 16 июня 1902 г. М., 1902.

⁷⁷³ Фудель С.И. Церковь верных // Собр. соч. Т. 2. С. 209.

⁷⁷⁴ Беглов А.Л. Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? С. 38.

⁷⁷⁵ Беглов А.Л. Конформизм приходской реформы К. П. Победоносцева // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 107-123. С. 120.

⁷⁷⁶ Заозерский Н.А. Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах // Богословский вестник. 1894. Т. 4. № 10. С. 177.

⁷⁷⁷ Полунов А.Ю. К. П. Победоносцев... С.230.

мировую войну⁷⁷⁸. Эта статистика показывает и то, что обер-прокурор К.П. Победоносцев не препятствовал созданию братств, хотя и не ставил на них основную ставку. Пожалуй, в этом кроется очередное противоречие натуры всесильного сановника: при своем подозрительном отношении ко всякой «самодеятельности» (будь то общества трезвости⁷⁷⁹ или религиозно-философские собрания – обер-прокурор опасался непредвиденных результатов, противоречий, ярких лидеров, т.е. всего, что может угрожать стабильности), он все же сочувствовал братствам и даже участвовал в работе Санкт-Петербургского братства Пресвятой Богородицы, собрания которого проводились в его доме⁷⁸⁰.

Что касается судьбы приходских попечительств – только в Москве начала XX в. их было по меньшей мере 108, но эти попечительства имели особую специфику и трансформировались под столичные условия. Обеспечение причта и поддержание благосостояния приходских церквей, являвшиеся, согласно «Положению о попечительствах», основными задачами приходских попечительств, не получили в Москве практически никакого развития: московские священнослужители зачастую использовали попечительства для организации благотворительной деятельности⁷⁸¹. Причиной тому были, с одной стороны, ярко выраженные процессы урбанизации и экономического роста в столицах, повлекшие за собой рост бедности и безработицы, с другой – лучший уровень обеспеченности духовенства и прихожан, наличие крупных жертвователей⁷⁸². Благотворительность московских попечительств ограничивалась рамками прихода: они занимались помощью бедным и искоренением уличного бродяжничества и промыслового нищенства, оказывали как адресную помощь, так и призрение в приютах и богадельнях, развивали приходские школы (т.к. бесплатные городские обычно были переполнены, иногда приход платил за обучение), занимались просветительской деятельностью

⁷⁷⁸ Журавский А.В. Братства православные // Православная энциклопедия. Т. 6. С. 205.

⁷⁷⁹ Полунов А.Ю. К. П. Победоносцев... С. 234.

⁷⁸⁰ Там же. С. 230.

⁷⁸¹ Панкрат Т.В. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы: вторая половина XIX-начало XX столетия. М., 2011. С. 173-175.

⁷⁸² Там же. С. 6.

(проводились чтения, открывались курсы по пению и т.п.). Бывало, что попечительства закрывались и открывались вновь – так, в церкви свт. Николая в Плотниках попечительство открывалось дважды, оба раза до настоятельства Фуделя, продолжая развиваться при нем (о чем свидетельствует один из его финансовых отчетов⁷⁸³). Иными словами, благотворительная и просветительская функции, которые отец Иосиф мечтал передать братствам, по-прежнему реализовывались попечительствами. Но самому отцу Иосифу удавалось участвовать и в братской жизни – это касается его участия в Братстве Святителей Московских.

В начале XX в. ключевая дискуссия по приходскому вопросу развернулась уже в несколько ином ракурсе, нежели в 1890-е гг. При всех разочарованиях, которые внесла Первая революция в ряды церковной интеллигенции, она дала новый импульс обсуждению приходского вопроса: тогда начались активные разработки приходского устава, сопровождавшиеся бурными дискуссиями в церковной и светской среде. Консенсус по этому вопросу был достигнут только на Поместном Соборе, однако он происходил уже в условиях революции, кардинально изменившей внутрицерковную ситуацию.

В 1906 г. в Предсоборном присутствии столкнулись славянофильский «общественный», общинный подход (который представляли А.А. Папков, Н.А. Заозерский, А.А. Киреев, архиепископ Сергей (Страгородский)) и противостоящий ему «институтный», со взглядом на приход как на учреждение церковной власти (его сторонники – профессора-канонисты А.И. Алмазов, И.С. Бердников, М.А. Остроумов)⁷⁸⁴. Попытка синтеза этих подходов была предпринята правоведом Н.Д. Кузнецовым (человеком фуделевского круга), который считал, что «общественное» и «институтное», «общинное» и

⁷⁸³ ЦГА Москвы. Ф.203. Оп.759. Д.908. Л.1- л. 1. об.

⁷⁸⁴ *Беглов А.Л.* Кризис «государственной церковности»... С. 67.

«иерархическое» начала едины в церкви, и необходимо соблюдать баланс этих принципов⁷⁸⁵.

Примечательна и позиция по приходскому вопросу соратника И.И. Фуделя – мирянина М.А. Новоселова, известного критическим выступлением на Особом совещании для выработки проекта о православном приходе в 1907 г., где он противопоставил приходу братство. Новоселов обвинил своих коллег по Совещанию в «чрезмерной вере в форму», в то время как оживление церковно-приходской жизни должно быть, по его мнению, прежде всего религиозным. Он отрицает территориальный принцип устройства прихода как препятствующий свободному возникновению «тесных нравственных связей» верующих и «добрых пастырей» и призывает иерархию, пастырей и ревностных мирян «приложить силы к церковно-религиозному действию», а не к писанию правил⁷⁸⁶. Для восстановления приходской жизни он призывает епископат «все свои силы употребить на одушевление пастырей и пасомых к <...> организации христианских союзов и братств» (которые он противопоставлял созданию в приходе гражданско-правомочной общины), выступает за «систему подготовительных к пастырству школ» и пастырских курсов при них (куда шли бы желающие священства по «свободному влечению», причем не только образованные, но и «простецы»), а также за создание института «специальных проповедников, апологетов, миссионеров» как из священников, так и из мирян в помощь священникам и для борьбы с лжеучениями; важное значение он придавал и «воскресению» монастырей, роль которых в религиозном возрождении он оценивал очень высоко⁷⁸⁷. Представляется, что такая программа во многом была созвучна и Фуделю.

В этом «особом мнении» Новоселова можно заметить как выражение его «духовного анархизма» и «отрицания прихода»⁷⁸⁸, так и отчаянную попытку

⁷⁸⁵ Там же. С. 68.

⁷⁸⁶ Беглов А.Л. «Община, учреждение, братство...». Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX – начала XX вв. // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 258.

⁷⁸⁷ Там же. С. 258-260.

⁷⁸⁸ Там же.

переставить акценты и поменять дух приходских проектов. Любопытно в этой связи и его выступление в печати в 1905 г. в «славянофильском духе»: «Лобызаю Вашу мысль о Церковном Соборе и о скорейшем восстановлении приходской общины [выделено мной – Н.В.]. И на Соборе, и в приходе мы услышим подлинный голос Русской Земли, который теперь дерзко заглушается бюрократией с одной стороны, большинством интеллигенции – с другой <...> на епископов надежда плоха» – откликнулся Новоселов на заметку С.Ф. Шарапова⁷⁸⁹.

Так или иначе, призыв М.А. Новоселова на Особом совещании 1907 г. действительно противостоял «правовому подходу» собравшихся и их вниманию ко множеству накопившихся юридических и материальных проблем, которые также требовали разрешения. Некоторые исследователи видят в этом призыве отзвуки прежнего толстовства Новоселова и своеобразную реинкарнацию «коммунитарного идеала» его юности⁷⁹⁰. Это настроение можно объяснить не только «толстовским» прошлым Новоселова⁷⁹¹, оно отражало в себе и влияние почвенничества, славянофильства, народничества – одним словом, витало в воздухе и без труда ложилось на православную почву, что заметно на примере его неославянофильского окружения. Схожие черты демонстрирует и судьба Фуделя, призывавшего в юности к «православному народничеству», а затем развивавшего идею братской жизни, и также высоко ставящего идею христианского просвещения интеллигенции.

Эти идеи, воспринимавшиеся как идеалистические, не были услышаны широкой общественностью или церковной и светской властью. Скорее они могли реализовываться в рамках личных путей их авторов. Отчасти возможность их осуществления была подтверждена практической реализацией братского пути в

⁷⁸⁹ Русское дело. 1905. № 6. С. 7. Цит. по: *Полищук Е.С.* Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994. С. 28.

⁷⁹⁰ *Беглов А.Л.* «Община, учреждение, братство...»... С. 260; *Гордеева И.А.* «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003. Однако следует отметить, что И.А. Гордеева понимает «коммунитаризм» достаточно широко: она прослеживает его во взглядах и деятельности российских интеллектуалов от молодёжных кружков 1820-х – 40-х гг., славянофильского увлечения «соборностью», до городских общежитий-коммун 1860-х – 70-х гг. и «общинных» симпатий революционеров-народников. См.: *Гордеева И.А.* «Забытые люди»... С. 10, 111.

⁷⁹¹ Подробнее о Новоселове см.: *Полищук Е.С.* Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М.А. Письма к друзьям. М., 1994; *Никитина И.В., Половинкин С.М.* «Московский авва» // Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 9–38.

период после Первой русской революции (о чем говорит опыт таких самобытных организаций, как новоселовский «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви» и Братство Святителей Московских) и теми трансформациями, которые претерпела приходская жизнь в 1917-1918 гг.

§2. И.И. Фудель, Л.А. Тихомиров и Первая русская революция

Для Фуделя 1890–1900-е гг. были связаны в том числе и с дружбой с Л.А. Тихомировым. Портрет И.И. Фуделя, который оставил Л.А. Тихомиров, в течении 26 лет бывший другом Фуделя и его семьи – один из самых глубоких и разносторонних. Тихомиров написал о Фуделе воспоминания вскоре после его смерти, в 1919 году (они не вошли в сборник «Тени прошлого», а сохранились лишь в рукописи с пометкой «этот очерк никуда не годится»⁷⁹²). Это была интересная дружба людей со схожими переломами в жизни: бывший народоволец, ставший одним из виднейших апологетов монархии – и бывший юрист, в студенчестве перешедший на славянофильскую позицию, призывавший молодежь к «православному народничеству»⁷⁹³ и сам взявший на себя тяжелый пастырский труд. Знакомство их состоялось вскоре после переезда Фуделя из Северо-западного края в Москву в 1892 г. Отец Иосиф был определен на служение в храме Бутырской тюрьмы, и поселился с семьей в ветхом деревянном доме прямо под тюремными башнями, а неподалеку (на улице Палиха) проживал Тихомиров⁷⁹⁴.

С тех пор их семьи близко дружили. Из дневников Тихомирова заметно, что часто он ощущал свое одиночество и отчужденность, но общение с семьей Фуделей оставалось порой чуть ли не единственной постоянной его отдушиной. Они посещали друг друга на все семейные праздники (жена Тихомирова Екатерина Дмитриевна, тоже в прошлом народоволка, была крестной матерью

⁷⁹² Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

⁷⁹³ Фудель И.И. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888.

⁷⁹⁴ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 13, л. 14.

Сергея Фуделя⁷⁹⁵), навещали в случае болезней, собирались на жур-фиксы или чтения в обществе единомышленников. Как вспоминал Тихомиров, семья была «большим и непреходящим счастьем» отца Иосифа: «Он всегда был прекрасным семьянином, и внутренняя семейная жизнь была счастьем, которого его никогда не лишал Господь. Он умел воспитать детей добрыми, честными, верующими. Взаимная любовь и дружность в семье только вырастали по мере взросления детей. Чем сознательнее они становились, тем яснее делалась их связь с отцом и матерью. Жену свою он называл лучшим, единственным другом, и они жили совершенно общей, как бы сливающейся жизнью, неразрывной во всех интересах и верованиях»⁷⁹⁶.

В 1890-е гг. они вместе работали в «Русском обозрении». Тогда Тихомиров писал вполне в духе «православного народничества» Фуделя: «Если кто хочет идти с народом, для народа и посредством народа – ему приходится немедленно принять основы его мирозерцания, нравственные и политические, из которых вырастает целый национальный строй»⁷⁹⁷. Для Тихомирова (как и для Фуделя) был актуален вопрос о создании национальной интеллигенции, в то время как большинство их консервативных соратников в интеллигенцию не верили. Констатируя привычный в этой среде тезис об оторванности интеллигенции от народа, он пытался достучаться до «образованного меньшинства», надеялся «обрусить образованный класс»⁷⁹⁸.

Л.А. Тихомиров также продвигал идею духовной выработки личности, и именно православное вероисповедание, по его мнению, было призвано разорвать порочный круг реакции и революции⁷⁹⁹. Примечательна его статья «Духовенство и общество в современном религиозном движении» с проводимой в ней мыслью о том, что интеллигенции нужно не переучивать русское духовенство, а у него учиться (там он, как и Фудель, отмечает как тенденцию приток «светских» в ряды

⁷⁹⁵ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 252.

⁷⁹⁶ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

⁷⁹⁷ Русское обозрение. 1892. №12. С. 926.

⁷⁹⁸ Репников А.В. Консервативные представления... С. 154, 156.

⁷⁹⁹ Милевский О.А. Л. Тихомиров о взаимоотношениях православной церкви и самодержавного государства (1892-1905 гг.) // Вестник Томского гос. пед. университета. Вып. 3. Томск, 1997. С. 42.

духовенства)⁸⁰⁰. Очевидно, близка Фуделю была и другая статья Тихомирова, где он возражал распространенному мнению (высказываемому, в частности, Н.К. Михайловским, С.Н. Трубецким, П.Н. Милюковым) о том, что славянофильство умерло, утверждая, что все зависит от результатов происходящего процесса национального самоопределения, который не прерван (особенно он выделяет идеи М.Н. Каткова, К.Н. Леонтьева, П.Е. Астафьева)⁸⁰¹. Похожие взгляды он излагал в 1890-е гг., особо подчеркивая, что дальнейшее развитие идей славянофильства обусловливается дальнейшим ростом национального самосознания, независимо от собственно славянофильского течения мысли⁸⁰².

Заметно, что Тихомиров хорошо знал, какие вопросы волновали Фуделя, его публицистику, понимал основную направленность его устремлений: «Он писал о миссии среди интеллигенции, о критике интеллигентного сознания, о нравственно-культурном значении учительства. Это его любимые темы. Когда в Москве начались общеобразовательные чтения для рабочих, он писал и о них. Даже в его статьях о тюрьме, о Иосифе полон мысли собственно о поднятии человеческой личности. Его немногие статьи о национализме, о Северо-Западном крае, также не удаляются от мысли о русском народе как носителе православия»⁸⁰³.

Из очерка Тихомирова еще более проясняется круг общения Фуделя с 1890-х гг. Это сотрудники журнала Д.Н. Цертелева и А.А. Александрова «Русское обозрение», где «собиралось много народа, одинаково воодушевленного надеждами на будущее»: помимо Тихомирова и Фуделя – это Ю.Н. Говоруха-Отрок, архимандрит Никон (Рождественский), Иван Леонтьевич Щеглов⁸⁰⁴. Это и посетители жур-фиксов, которые отец Иосиф давал у себя по четвергам: помимо вышеназванных, там бывали адвокат Ф.Н. Плевако, священники –

⁸⁰⁰ Тихомиров Л.А. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М., 1892 г.

⁸⁰¹ Тихомиров Л.А. Славянофилы и западники в современных отголосках // Русское обозрение. 1892. № 10.

⁸⁰² Фудель И.И. Культурный идеал К. Леонтьева // Русское обозрение. 1895. Янв.

⁸⁰³ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

⁸⁰⁴ Там же. Л. 21. Об.

Д.В. Георгиевский (из бутырского храма) и А.Г. Полотебнов (православный писатель и издатель), бывал консервативный публицист В.А. Грингмут (издатель «Московских ведомостей»), даже «заезжий» англичанин У.Д. Биркбек, перешедший в православие. «Четверги эти были очень оживленные. Нельзя не сказать, что в умственном оживлении националистов того времени была очень слабая сторона – именно невнимание к вопросам социального строя. Но что касается строя церковного, – о нем думали и горячо говорили», – пишет Тихомиров. Если вспомнить, что к Фуделю позднее приходили и В.В. Розанов, П.А. Флоренский, С.Н. Дурылин (по всей видимости, Тихомиров не упоминает о них, т.к. не был с ними близок), то можно судить о том, что Фудель мог собирать вокруг себя разных людей, обеспокоенных одними проблемами. Эти проблемы ощущались особенно остро на фоне растущей бюрократизации церкви⁸⁰⁵, что приводило к мечтам об оживлении церковной жизни: «В Патриархе надеялись создать силу, которая даст отпор обер-прокуратуре. Отец Иосиф разделял эти мысли, но практически – в этом отношении совершенно ничего нельзя было делать. Единственно возможным казалось ему только миссионерство»⁸⁰⁶.

Круг общения самого Тихомирова был очень обширен, и во многом пересекался с фуделевским. Среди своих гостей, в числе которых находился и Фудель, Тихомиров часто упоминает Георгиевских (имеется в виду семья историка и археографа Г.П. Георгиевского) и Грингмутов, известного проповедника о. И.И. Восторгова, В.А. Кожевникова, М.А. Новоселова и др. членов кружка⁸⁰⁷. В круг входили и художники «правого толка» – В.М. Васнецов⁸⁰⁸, М.В. Нестеров, К.П. Степанов. В период редакторства в «Московских ведомостях» (1909–1913 гг.) ему были близки такие представители русской консервативной мысли и правых организаций, как А.С. Суворин, И.И. Восторгов, Н.Н. Тиханович-Савицкий, А.Д. Самарин, В.А. Кожевников,

⁸⁰⁵ Там же. Л. 22.

⁸⁰⁶ Там же. Л. 22. Об.

⁸⁰⁷ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905 - 1907 гг.; Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 - 1917 гг.

⁸⁰⁸ Васнецов оказал материальную поддержку Тихомирову при издании «Монархической государственности» и подбирал шрифты к книге.

П.А. Флоренский, Д.А. Хомяков. Но в годы Первой мировой войны Тихомиров практически не имел никаких общественных контактов, кроме кружка Новоселова, он пытался сохранить внепартийную позицию⁸⁰⁹. Свою обособленность от разных обществ Тихомиров объяснял в письме к Н.В. Плеве так: «Ни одно из них не имеет и 1/1000 того, чему бы я согласился покориться. А все вместе – они своей грызней еще больше уменьшают сумму общей силы. <...> Мой руководящий принцип – люди, а не партии. Важны вожаки, важны сильные личности»⁸¹⁰.

Оттенки общественной мысли и жизни столь многообразны, что и среди почитателей славянофильства начала XX в. можно увидеть «левых» и «правых». При этом И.И. Фудель держался правее, хотя практически не высказывался по политическим вопросам (исключение составила Первая русская революция и происходившие в ходе нее перемены, ставшие для Фуделя глубоким потрясением). Приведем цитаты из немногих его заметок такого рода, напечатанных, по преимуществу, в «Колоколе» (издаваемом В.М. Скворцовым). В одной из них накануне выборов в I Государственную Думу он выступил с развернутой критикой принципа партийности: «Партии и партийность – это величайшее зло современного парламентаризма, "неизбежное зло", как признаются сами защитники и поклонники этого строя. Личная, независимая мысль, оригинальность личного творчества – в парламентарном строе исчезают, стираются, не допускаются. На их место становится партийная мысль, партийная тактика и дисциплина. На место служения своему народу, своему государству становится служение своей партии. На этой почве развивается политиканство; происходит соревнование, борьба из-за власти, гнусная скачка с препятствиями из-за достижения своих партийных целей <...> Даже великая заатлантическая республика не свободна от этих "благ культуры". Почитайте 2-ю часть сочинения Джемса Брайса "Американская республика" и вы в ужас придете от картин узурпации народной власти политиканами и тесно связанного с этим

⁸⁰⁹ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 470.

⁸¹⁰ Цит. по: Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. С. 475.

взяточничества и подкупа. <...> Неужели этот яд политиканства должен быть привит и нашему государственному организму? Неужели мы не можем избежать всех дурных и вредных сторон политической жизни Запада? По-видимому, нет, не можем. За три месяца у нас уже организовалось до 25 политических партий с вполне определенными программами...»⁸¹¹.

Первая революция принесла для Фуделя, как и для многих других консерваторов, серьезные разочарования. Он писал: «Эти проклятые дни принесли столько крови, слез, горя, озлобления, страданий и материальных потерь, сколько Москва не видела со времени нашествия французов. Надо было все это пережить физически, теперь все это переживается и долго еще будет переживаться нравственно. <...> Уже и теперь можно безошибочно сказать, что результаты "вооруженного восстания" плачевны прежде всего для самих руководителей его. <...> И в результате получилось только отвращение к ним со стороны людей, не потерявших совести и правды, а для многих и очень многих и... "отрезвление". В нашей революции не малую роль играет бессознательное слепое следование массы за вожаками, под влиянием гипноза, политического опьянения. Рано или поздно это состояние должно же пройти»⁸¹².

Очень опечален отец Иосиф был позицией, занятой церковью в условиях революции: «Мучительно больно, бесконечно больно было сердцу, начиная с октябрьских дней, когда Церковь учащая или молчала, или говорила так, что лучше бы молчала. Что она дала за это время яркого, выразительного? В чем был подлинный голос Церкви? <...> Мысль церковная захвачена была событиями врасплох. Шаблон оказался уже негоден, надо самостоятельно и по-своему отвечать на новые вопросы жизни. И понятны даже такие факты, как петиции группы петербургских и московских священников об отмене смертной казни. Это была грубая ошибка. Ходатайствовать об этом, когда революционеры применяют смертную казнь с неумолимой строгостью, по меньшей мере, бестактно»⁸¹³. С

⁸¹¹ Фудель И.И. Московские письма II // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 43.

⁸¹² Фудель И.И. Московские письма // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

⁸¹³ Фудель И.И. Представительство Церкви // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

одной стороны, он осуждал «черносотенную» проповедь митрополита Владимира (Богоявленского) 16 октября 1905 г., составленную епископом Никоном (Рождественским) на основе т.н. «Протоколов сионских мудрецов», которая воспринималась как призыв к погромам «жидов и крамольников» и вызвала отпор части духовенства и профессоров МДА. С другой – обличал поведение «либерального» епископа Антонина (Грановского)⁸¹⁴, а в пример ставил архиепископа Рижского Агафангела, известного своей самоотверженной деятельностью по примирению враждующих сторон, оказанию помощи всем пострадавшим от революционных волнений и ходатайству за гонимых⁸¹⁵.

На положение России уже в 1905 г. он смотрел чрезвычайно пессимистически и дальше это настроение только нарастало: «Ближайшее будущее бесконечно мрачно и полно кровавого ужаса; я могу представить себе все, о чем нельзя было и подумать полгода тому назад: страшную резню, полное банкротство России, потерю окраин и даже международное вмешательство с неизбежной войной. Но за этими мрачными горизонтами дальнейшее будущее для меня светло. <...> Быть может и родине нашей суждено томиться предсмертною скорбью, быть может, она вся будет истекать кровью и мы с нею будем умирать каждый в отдельности и все вместе, как нация... Пусть так. Но и умирая, мы верим и будем верить, что в свое время Господь скажет: "Лазарь, иди вон!" (XI, 43). "И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком" (XI, 44)»⁸¹⁶.

Похожее отношение к действительности было и у Тихомирова, который вспоминал 2 июня 1916: «Я уже *тогда*, десять лет назад <...> вполне увидел, что *моей* России – пришел конец, а *новой* – я не умею служить, потому что не

⁸¹⁴ На фоне революционных событий 1905 г. епископ Антонин прекратил на своих службах поминовение Императора как «самодержавнейшего», о чём уведомил петроградское духовенство. Свои действия он объяснил установлением в России после «Манифеста 17 октября» конституционного строя. В 1907 г. в своей проповеди он назвал самодержавие исчадьем сатаны, за что в 1908 г. был уволен на постоянное жительство в Троице-Сергиевский монастырь под Петербургом. См.: *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 2. С. 213.

⁸¹⁵ Подробнее см.: *Гаврилин А.В.* Рижский период служения священноисповедника митрополита Агафангела (Преображенского) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 18. С. 47-61.

⁸¹⁶ *Фудель И.И.* К смерти или к возрождению? // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.

согласен с ее планами самоуничтожения»; впоследствии только религиозная проблематика и вызывала у Тихомирова хоть какой-то интерес⁸¹⁷.

Так и Фудель после Первой революции все больше отходил от политики. Довольно быстро Фудель отошел и от внешнеполитической повестки, важной для многих консервативных мыслителей (национальный и конфессиональный вопросы поднимались им скорее в ранние годы, в связи с Леонтьевым и Северо-Западным краем). В 1918 г., незадолго до смерти, Фудель писал Дурылину: «И когда в старости видишь, что и тупость и непонимание одних, гениальное прозрение других — все это лежит в неведомом нам плане Высшего мироправления, когда видишь, что в целях скорейшего достижения конца прямо необходима слепота массы или слишком позднее ее прозрение — тогда примиряешься со всем и, как Леонтьев последний год жизни — благодушно и спокойно смотришь на медленнодвигающуюся к обрыву колесницу истории»⁸¹⁸. Эсхатологическое настроение тогда и позднее было свойственно не только Фуделю, но и близким ему Новоселову, Тихомирову, Дурылину, затрагивавших тему Апокалипсиса. Свою работу «Апокалипсис и Россия» С.Н. Дурылин посвятил Фуделю. Важное место в ней было уделено апокалиптике К.Н. Леонтьева, а в глазах Дурылина о. Иосиф был прочно с ним связан⁸¹⁹.

Тихомиров передает то настроение, которое наступило в его окружении после Первой революции: «Вместо Собора, вместо какой-нибудь органической устроительной деятельности, Россия увидела лишь небывалый еще позор: временщика Гришку Распутина, распоряжающегося всем на царском престоле, сменяющего и назначающего архиереев и министров»⁸²⁰. Но Фудель «все-таки не покладал рук, делал что можно, где можно, везде "подвизаясь" тем "добрым подвигом", на котором для человека сплетается духовный "венец жизни"»⁸²¹.

⁸¹⁷ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Л.А. Тихомирова. С. 477.

⁸¹⁸ Фудель И.И. Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С. Н. Дурылину) // Преемство от отцов. С. 463.

⁸¹⁹ Подробнее см.: Резвых Т.Н. «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С. Н. Дурылина // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 (59). С. 83-118.

⁸²⁰ Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 29. Об.

⁸²¹ Там же.

И.И. Фудель выступал твердым сторонником идеи созыва Поместного Собора. Одно из его выступлений было связано с выходом в 1913 г. в «Московских ведомостях» статьи «Застрявшее дело», написанной под криптонимом «Д.Х.», за которым скрывалось имя видного церковного деятеля славянофильского направления Дмитрия Алексеевича Хомякова. Замечая, что изложение статьи логически стройно и автор ее – «человек православнейший и церковнейший», Фудель все же настаивал, что «если так мыслить, как мыслит о сем Д.Х. <...> то дело соборности погребено»⁸²². «А когда же приходы засоборуют? Скажите пожалуйста, есть какая-либо надежда на это и на чем она основана?» – вопрошал Фудель в ответ на утверждение Хомякова о том, что возрождение возможно только «снизу»⁸²³. После чего выразил собственную, пастырскую позицию: «А вот мы, рядовые приходские пастыри, знаем, что засоборуют приходы лишь тогда, когда засоборует «голова» <...> Из трех составных частей церкви: епископата, клира и мирян, епископат более других сохранил способность к соборованию<...> Пусть же начнут они это дело<...> Надо собором призвать клир и мирян к соборности. И этого одного достаточно. Ради одного этого нужен Собор <...> Живой образ соборования будет перед глазами»⁸²⁴.

Ту же обеспокоенность следствием подхода Д.А. Хомякова к вопросу о созыве Собора высказывал и Тихомиров, который писал об «обязанности созвать общий Церковный Собор именно в настоящее время и без проволочек»⁸²⁵. Задаваясь вопросом, откуда начинать «соборную» практику – сверху или снизу, он отвечал: «Можно бы начинать ее с прихода и тому подобных мелких церковных общений, можно начинать со всецерковного Собора. А мы скажем, что нужно начинать *со всего*»⁸²⁶. Иными словами, в отстаивании острой необходимости созыва Собора Фудель и Тихомиров были солидарны.

⁸²² Фудель И.И. К вопросу о Соборе // ДРЗ. Ф. 8. Д. 5. Л. 57.

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ Там же.

⁸²⁵ Тихомиров Л.А. Необходимость Церковного Собора // Тихомиров Л.А. Публицистика. М., 2012. С. 139.

⁸²⁶ Там же. С. 141.

Таким образом, в идеях возвращения церковной интеллигенции и восстановления соборности друзья явно были единомысленны. Но политическая повестка на протяжении жизни волновала Фуделя гораздо меньше Тихомирова. Мы не встречаем в работах Фуделя прямого прославления «уваровской триады» или обоснования монархии как идеала, хотя известно, что он с удовольствием читал «Монархическую государственность» Тихомирова (по крайней мере, первые ее части, о чем упоминается в письмах 1890-х гг.)⁸²⁷. При этом в начале XX в. оба критически смотрели на современную монархию и бюрократию.

Если в публицистике Фуделя заметны ноты стремления к освобождению церкви от государственной опеки и бюрократизации, общие для многих консерваторов, то характерные для консерватизма идеи неразрывной связи самодержавия и православия и необходимости сословного устройства общества едва ли прослеживаются. Хотя точные взгляды его на этот счет известны. О неизбежности самодержавия и сословности как условиях существования церкви он упоминал в личной переписке с Леонтьевым: «Для Православной Церкви необходимо опираться на крепкую империю; для крепости монархии необходима сословная организация; стало быть я с своей стороны поддерживаю сословную организацию государства. <...> Цель – прославление и укрепление на земле Православной Церкви; остальное все – только средства. <...> Старые славянофилы недостаточно разработали эту сторону вопроса, новые националисты совсем упустили ее и засели в мелочах»⁸²⁸.

При всех разочарованиях начала XX в., монархизм и сословный консерватизм Фуделя с самого начала объяснялись исключительно благом церкви. С революционными переменами эти «столпы» все более не оправдывали себя, что приводило к болезненному переживанию этих потрясений и ощущению «конца времен». В кругу Фуделя политика и разграничения на фланги во многом носили вторичный характер, что показывает опыт дальнейшего объединения в

⁸²⁷ И.И. Фудель – Л.А. Тихомирову, 1896 г. // ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

⁸²⁸ Преемство от отцов. С. 292.

новоселовский «Кружок» и Братство Святителей Московских. Не приняв революцию, неуверенную позицию в ней церкви и предпринятые властью политические уступки, отец Иосиф целиком погрузился в приходскую жизнь Москвы.

*§3. И.И. Фудель и «Кружок ищущих христианского просвещения в духе
Православной Христовой Церкви»*

Широкое распространение различных общественно-церковных объединений (кружков, обществ, братств) было одной из характерных форм духовной жизни предреволюционных десятилетий. На их заседаниях всесторонне обсуждались проблемы христианского вероучения, в том числе, в связи с новыми вызовами современности, а их смешанный состав (духовенство, философы, богословы, ученые, писатели) давал возможность непосредственного диалога между церковью и интеллигенцией, позволял ставить задачу воцерковления последней⁸²⁹. Большое значение такого рода деятельности придавал М.А. Новоселов, который участвовал в ней, начиная с заседаний самого первого из таких объединений – Петербургских «Религиозно-философских Собраний» (1901–1903 гг.), неизменно выступая на них со строго церковных позиций в противовес Д.С. Мережковскому и В.В. Розанову, участвовал он и в работе Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (1905–1918 гг.), возле которого сосредоточились в то время основные силы русской религиозной философии⁸³⁰.

Однако атмосфера упомянутых обществ и характер дискуссий в них не удовлетворяли Новоселова, и он взялся за реализацию проекта духовного сплочения небольшой группы друзей на основе не ученой религиозно-философской деятельности, но личного духовного общения. «Нам необходимо в

⁸²⁹ Полицук Е.С. Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М.А. Письма к друзьям. М., 1994. [Электронный ресурс] – <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=248> (дата обращения: 15.10.19).

⁸³⁰ Там же.

своем сознании передвинуть центр тяжести из сферы интеллектуализма <...> в подлинную область религиозного познания» – взывал Новоселов⁸³¹. Люди, собиравшиеся на новоселовских «четвергах», стремились реализовать дорогую им хомяковскую идею «соборного богопознания»⁸³². «Суть связи этого кружка – личная и нравственная; высшее его качество – не выявляться, не спорить; печататься как можно меньше. Но взамен этого – чаще видаться, общаться; жить некоторою общею жизнью, или – почти общею. Без всяких условий и уговоров они называют почти старейшего между ними, Мих. Ал. Новоселова, "авва Михаил". И хотя некоторые из них неизмеримо превосходят почтенного и милого М. А. Новоселова ученостью и вообще "умными качествами", но, тем не менее, чтут его, "яко отца", за ясный, добрый характер, за чистоту души и намерений и не только выслушивают его, но и почти слушаются его», – писал В.В. Розанов⁸³³.

Примерно к 1907 г. был разработан устав «Кружка ищущих христианского просвещения», в 1-м параграфе которого значилось: «Кружок имеет целью помогать своим членам, а также и посторонним лицам, которые будут к нему обращаться, в усвоении начал христианского просвещения. Кружок никаких политических целей не преследует и в обсуждение политических вопросов не входит»⁸³⁴. Этот пункт весьма примечателен, так как многие его члены были замечены в политических организациях от монархического и неославянофильского толка до близких идеям «христианского социализма» (или в сочувствии им). Так, Ф.Д. Самарин возглавлял «Кружок москвичей» (также называемый «самаринским»), пользовавшийся с 1905 г. влиянием в «правом» лагере и тесно связанный с «Союзом русских людей» и «Русским собранием» (в его ядро входили также В.А. Кожевников, А.А. Корнилов, Л.А. Тихомиров,

⁸³¹ Новоселов М.А. Догмат, этика и мистика в составе христианского вероучения. М., 1912. Цит. по: Воронцова С. 301.

⁸³² Полищук Е.С. Михаил Александрович Новоселов... [Электронный ресурс] – <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=248> (дата обращения: 15.10.19).

⁸³³ Петроградский старожил [Розанов В.В.]. Бердяев о молодом московском славянофильстве // Московские ведомости. 1916. 17 авг. № 189. Цит. по: Полищук Е.С. Михаил Александрович Новоселов...

⁸³⁴ Цит. по: Никитина И.В., Половинкин С.М. «Московский авва»... С. 19–20.

Д.А. Хомяков)⁸³⁵, поддерживал его и не числившийся в нем М.А. Новоселов. Для этих организаций была характерна славянофильская риторика (в которой верность самодержавию принимала уже иное звучание в виду меняющейся политической обстановки начала XX века, перенося неославянофилов в крайне-правый политический спектр), попытки выйти на общенациональный уровень и противопоставление себя партийности, но при этом разрозненность членов, и в итоге – их политическое бессилие.

По замечанию К.Я. Паромова, учредили «Кружок» именно «правые»: М.А. Новоселов, Ф.Д. Самарин (председатель), В.А. Кожевников, Н.Н. Мамонов и П.Б. Мансуров. К ним в течение 1907–1908 гг. присоединились А.А. Корнилов, А.И. Новгородцев и ректор Московской духовной семинарии архимандрит Феодор (Поздеевский)⁸³⁶. Но членами «Кружка» были и представители «левых» настроений. Так, «Христианское братство борьбы», где христианство было приближено к социализму, возникло в том же 1905 г. усилиями В.Ф. Эрна, В.П. Свенцицкого, А.В. Ельчанинова, А.С. Глинки-Волжского, С.Н. Булгакова, при сочувствии студента МДА П.А. Флоренского⁸³⁷. С.Н. Булгаков, например, был избран депутатом II Государственной Думы как беспартийный «христианский социалист»; хотя впоследствии он будет «дрейфовать» в консервативном направлении, так и не станет классическим консерватором⁸³⁸, представляя в «Кружке» условно «левый» фланг. «Из моих друзей только П.А. Флоренский знал и делил мои чувства в сознании неотвратимого», – с грустью писал Булгаков⁸³⁹. Но интересно его упоминание одного декабрьского вечера 1916 г. в квартире Угримовых⁸⁴⁰ в Никольском переулке: «Сочувствовал

⁸³⁵ Соловьев К.А. Кружок москвичей // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века. М., 2010. С. 256-257.

⁸³⁶ Паромов К.Я. Епископ Феодор (Поздеевский)... С. 69.

⁸³⁷ Там же. С. 68.

⁸³⁸ Гайда Ф.А. Произведения С.Н. Булгакова 1909 – 1917 гг.: политический контекст. [Электронный ресурс] – <http://religionandculture.ru/page3872791.html> (дата обращения: 15.10.19).

⁸³⁹ Булгаков С.Н. Агония // Прот. Сергей Булгаков. Дела и дни. Статьи. 1903-1944. М., 2008. С. 398.

⁸⁴⁰ Н.В. Угримова была духовной дочерью отца Иосифа, он часто бывал на собраниях в ее доме. Ее сын вспоминал, что среди гостей у них можно было увидеть: И.П. Демидова (член Государственной Думы); К.Н. Игумнова (пианиста); С.П. Ордынского (адвоката); Ю.Н. Померанцева (дирижера в Большом театре); С.А. Котляревского; Е.В. Герье, С.Ф. Герье (теософку); П.Ж. Доберт (камерную певицу, певицу и у них в доме); Г.А. Рачинского (известного московского церковного деятеля, близкого к А.Д. Самарину); Л. Новгородцеву (жену профессора);

мне только один протоиерей отец И. Фудель, который при выходе сказал мне упавшим и полным отчаяния голосом, что он давно уже видит всю неизбежность революции и всю ее гибельность. Но в этом чуждом для меня собрании и он молчал, да и мое выступление имело значение только для исповедания веры»⁸⁴¹.

Известно, что Фудель, как и часть кружковцев, в апреле 1905 г. подписал воззвание «Союза русских людей»⁸⁴² – но далее его след в этой организации теряется, и в документах монархических партий и съездов его имя мы не встречаем⁸⁴³. Принципиально провозглашенная аполитичность кружка была явно созвучна настроению И.И. Фуделя, а позже во многом и М.А. Новоселова, С.Н. Булгакова, Л.А. Тихомирова и др., подчеркивавших свой отход от политики. Но члены кружка отнюдь не были «лоялистами». В 1910–1912 гг. Новоселов (а также Тихомиров, руководивший в то время «Московскими ведомостями») играл весьма активную роль в антираспутинской кампании, а в 1913 г. отстаивал имяславческие идеи⁸⁴⁴, которые были официально осуждены Святейшим Синодом (хотя в 1914 г. синодальное решение было фактически дезавуировано). А.Д. Самарин, ставший обер-прокурором в период политического кризиса 1915 г. и лишь несколько месяцев удерживавший свой пост, являлся видной фигурой внутриправительственной оппозиции⁸⁴⁵.

«В области церковной жизни может быть и должна быть только одна главная реформа — покаяние и молитва, а все остальное, тоже, конечно, полезное, пойдет из этой благодатной реформы духа» – этот взгляд, высказанный епископом

М.К. Морозову; художника Пастернака с женой; Овинова с женой Марией Юрьевной, старшей из дочерей Новосильцева. См.: *Угрюмов А.А.* Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004. С. 379.

⁸⁴¹ *Булгаков С.Н.* Агония // Прот. Сергей Булгаков. Дела и дни. Статьи. 1903-1944. М., 2008. С. 399.

⁸⁴² В нем определялись задачи Союза: «1) содействовать законными средствами единению Церкви, Престола и Народа; 2) без корысти выбирать достойных людей; 3) одолеть внешнего врага и водворить порядок». См.: *Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917* / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 503.

⁸⁴³ *Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы.* В 2-х тт. / Сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. М., 1998.

⁸⁴⁴ Имяславие – движение почитателей имени Божия, начавшееся в русских монастырях Афона в 1909-1913 гг., нашедшее сторонников в России и вызвавшее богословскую полемику. Подробнее см.: *Иларион (Алфеев), архиеп.* Имяславие // *Православная энциклопедия.* М., 2009. Т. 22. 457-495.

⁸⁴⁵ *Гайда Ф.А.* И.В. Воронцова. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века: М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. 424 с. [Рец.:] // *Российская история.* 2011. № 2. С. 201.

Феодором (Поздеевским), разделялся многими кружковцами и вызывал неприятие волновавшейся религиозными темами интеллигенции⁸⁴⁶. «Имел случай увидеть у Л.А. Тихомирова собрание церковников (Грингмут, Введенский, Погожев, Трифановский, Новоселов, Фудель, vikарий Анастасий, Никон, В. Васнецов и др.) когда он читал свой реферат – и... плевался три дня... Этим все сказано», – писал Андрей Белый в 1903 г.⁸⁴⁷. А в 1907 г. Д.С. Мережковский писал из Парижа А.С. Глинке-Волжскому: «Вы все “поправели”, мы — “полевели”. И это не на политической суетной поверхности, а глубже, принципиальнее. <...> Сближение Булгакова с Новоселовым, который есть несомненный “черносотенец”, их общее склонение к православному “жизню-бытью” производит на нас самое тягостное впечатление. <...> Ревную я вас всех к православию...»⁸⁴⁸.

Однако замечательна характеристика, данная М.А. Новоселову Н.А. Бердяевым (который не был с ним лично близок). Отчасти она раскрывает то, что привлекало к нему некоторых представителей интеллигенции: «Очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный, даже хлопотливый, очень участливый к людям, всегда готовый помочь, особенно духовно. Он всех хотел обращать. Он производил впечатление монаха в тайном постриге <...> Православие М. Новоселова было консервативное, с сильным монашески-аскетическим уклоном. Но вместе с тем у него не было того клерикализма и поклонения авторитету иерархии, которые характерны для правых течений русской эмиграции. Он признавал лишь авторитет старцев, т. е. людей духовных даров и духовного опыта, не связанных с иерархическим чином. Епископов он в грош не ставил и рассматривал их как чиновников синодального ведомства, склонившихся перед государством»⁸⁴⁹. В последних штрихах можно усмотреть черты «толстовского» прошлого Новоселова, хотя неприятие бюрократии, сдержанное отношение к иерархии и устремленность к монастырю

⁸⁴⁶ Феодор (Поздеевский), еп. К академическому новолетию // Богословский вестник. 1915. №9. С. 7. Цит. по: Паромов К.Я. Епископ Феодор (Поздеевский)... С. 68.

⁸⁴⁷ А. Бугаев (Белый) – Э. К. Метнеру // ОР РГБ. Ф. 167. К. 1. Д. 6. Л. 1. Об.

⁸⁴⁸ Цит. по: Колеров М.А. «Не мир, но меч». Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909... С. 266.

⁸⁴⁹ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 186.

(Оптиной и Зосимовой пустыням) было свойственно как настроению И.И. Фуделя, так и многих кружковцев.

Касательно Л.Н. Толстого следует отметить, что он занимал внимание кружковцев, а его антицерковные выпады вызывали их неприятие. Это вполне относится и к Фуделю, о чем, в частности, говорит случай с запросом отца Иосифа в Синод о действиях в случае смерти Толстого на фоне его болезни воспалением лёгких в 1900 г. Этот факт предал публичной огласке В.М. Скворцов (издатель «Колокола» и «Миссионерского обозрения»), связывавший его с последующим отлучением писателя. По словам Скворцова, один из священников, «человек широкого университетского и богословского образования, отец И. Ф–ль» обратился к нему с частным письмом, прося узнать у Победоносцева, как в случае смерти Толстого (издания антицерковных сочинений которого были широко распространены) Синод решит вопрос о возможности его панихиды и православного погребения⁸⁵⁰. По словам издателя, «духовные москвичи» с подобными запросами обращались и к иерархам, в результате чего и появился циркуляр митрополита Иоанникия «О запрещении поминовения и панихид по Л.Н. Толстом в случае его смерти без покаяния», а в церковной печати стали даже появляться прямые обвинения Синода в бездействии. При этом Скворцов считал последующую инициативу издания акта об отлучении 20–22 февраля 1901 г., исходившую со стороны митрополита Антония (Вадковского), неожиданной и несвойственной этому иерарху⁸⁵¹.

10 ноября 1915 г. Скворцов опубликовал в «Колоколе» об этом статью, в которой Фудель представал одним из зачинщиков отлучения. Это вызвало возмущенные заметки в дневнике Тихомирова, где содержатся его домыслы по

⁸⁵⁰ Отец Иосиф писал: «Моя иерейская совесть смущается, как я буду петь «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего Льва», когда я знаю, что этот самый Лев совсем не раб Христа, а Его жестокий хулител, паки распинающий и заушающий нашего Господа и Спасителя». На это Победоносцев, со слов Скворцова, ответил: «Да, позвольте, что он мудрит: ведь ежели эдаким-то манером рассуждать, то по ком тогда и петь его “со святыми упокой”. Мало еще шуму-то около имени Толстого, а ежели теперь, как он хочет, запретить служить панихиды и отпевать Толстого, то ведь какая поднимется смута умов, сколько соблазна будет и греха с этой смутой?.. А по моему, тут лучше держаться известной поговорки: не тронь...». Цит. по: *Ореханов Г.Л., прот.* Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. С. 509.

⁸⁵¹ *Ореханов Г.Л., прот.* Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010. С. 510.

поводу мотивации Скворцова и характеристика реакции отца Иосифа: «Ведь какое свинство сделал тоже в своем роде «правый», Вас. Мих. Скворцов. Ни с того, ни с сего опубликовал в своем «Колоколе», что истинным виновником отлучения Л.Н. Толстого от церкви был священник Иосиф Фудель, который об этом написал ему, Скворцову, а Скворцов доложил о настояниях Фуделя Победоносцеву. Победоносцев, дескать, сначала не хотел, но потом поддался фуделевской идее... Разумеется, такой «донос» подхвачен газетами, и на Фуделя посыпались ругательства. А он только что выдержал операцию на глаза и нуждается в полном спокойствии. Вместо того – в доме у них тревога, волнение. Сегодня уже приходил какой-то интервьюер из «Утра России», которому Фудель давал почти что «показания» по своему делу. <...> Интересно бы знать, зачем Скворцов выкинул эту пакостную штуку? Неужто в «оправдание» Победоносцеву? Но какое же это оправдание? Ведь Фудель был очень маленький молодой священник, и Победоносцев конечно не мог действовать под его влиянием. Да при том, в чем и «преступление»? Ведь Толстой, яростный ругатель Церкви и совершенно нехристианин, совершенно *сам* ушел из Церкви, и его отлучение было простым констатированием факта. <...> Оказывается, что о. Иосиф нисколько не несчастный, и отнесся к этому делу совершенно спокойно. Вполне умно. А гвалт подняла собственно Евгения Сергеевна, да и то скоро стихла»⁸⁵². Представляется, что, описывая ситуацию таким образом, Скворцов действительно пытался вывести Победоносцева из этого конфликта, а также подводил к мысли о роли отдельных священнослужителей в активизации церковной власти.

В этой связи любопытна и статья 1901 г. «О соблазнах полемической литературы», состоящая из трех частей – за авторством В.М. Скворцова, М.А. Новоселова и И.И. Фуделя. Она включала в себя три единодушных мнения о фигуре Толстого – редактора «Миссионерского обозрения», мирянина (бывшего толстовца) и священника. Статья была вызвана опасениями князя

⁸⁵² Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 - 1917 гг. М., 2008. С. 161.

В.П. Мещерского, выраженными им в журнале «Гражданин» по поводу опубликования текста «Ответа» Л.Н. Толстого на послание Синода. В своей части Фудель уже не в первый раз проводил мысль о том, что смешение понятий церкви и государства – логическая ошибка многих консерваторов: «У Церкви и у Государства орудия борьбы с врагами их различны. Государство имеет в своих руках меч, Церковь же для отражения своих врагов может пользоваться только словом (мечем духовным), и только им одним. Это не освобождает христианское Государство от обязанности своим мечом ограждать Церковь от нападений, но это последнее обстоятельство в свою очередь не лишает Церковь присущего ей права во всех случаях пользоваться своим оружием в той мере, в какой это признается необходимым церковной властью»⁸⁵³. Считая «соблазн» прямой полемики, замеченный князем Мещерским, ложным, он напоминал о тех «соблазнах», которые представляют значительно большую опасность: это «соблазн молчаливого попустительства и бездействия церковной власти по отношению к лицам и идеям, подтачивающим здание Церкви» и «соблазн лжи, сознательно или бессознательно распускаемой всюду о Церкви и о церковной иерархии и никем не опровергаемой», которым необходимо противостоять⁸⁵⁴. Вспомним и то, что М.А. Новоселов стал известен своим откровенным и обличительным открытым письмом, написанным в 1901 г. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего Синода⁸⁵⁵.

Участники «Кружка» пытались укоренить свои труды в опыте святых отцов, их сочинения носили в основном апологетический характер, но вторгаясь в область богословия они зачастую вызывали бурную полемику. В «Кружке» собирались единомышленники, сохранявшие, однако, самостоятельность и порой не совпадавшие по некоторым вопросам: расхождения касались как приходского

⁸⁵³ Фудель И.И. О соблазнах полемической литературы (по поводу опубликования «Ответа» гр. Л.Н. Толстого) // Миссионерское обозрение. 1901. Июль-август. С. С. 59.

⁸⁵⁴ Там же. С. 60-61.

⁸⁵⁵ Новоселов М.А. Открытое письмо графу Л.Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего синода. 2-е изд. Вышний Волочек, 1908.

вопроса, очень волновавшего его членов⁸⁵⁶, так и, например, спора об имяславии, в котором Ф.Д. Самарин и М.А. Новоселов оказались по разные стороны; неоднозначное отношение в кружке вызвала работа П.А. Флоренского «Около Хомякова». Т.е. в нем сохранялась некая мозаичность. В 1913 Флоренский писал В.В. Розанову: «Конечно, московская "церковная дружба" есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе это полная *coincidentia oppositorum*⁸⁵⁷. Все свободны, и все связаны: все по-своему, и все – "как другие" <...> Весь смысл московского движения в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности личных связей. Мы не пишем, а говорим, и даже не говорим, а скорее общаемся. Мы переписываемся, беседуем, пьем чай; Новоселов ради одной запятой в корректуре приезжает посоветоваться в Посад, или вызывает к себе в Москву. Но это не флюберовские запятые, да удивляется им потомство, а искание поводов к общению»⁸⁵⁸. «Кружок» сумел объединить усилия людей самых разных интересов и темпераментов: «Так верна мысль о том, что <...> надо не учить откуда-то сверху, а взаимно поучаться, в простой непринужденной дружеской беседе; духовная самобытность каждого участвующего здесь сохраняется; <...> мертвящего, надмевающего с одной стороны, принижającego – с другой разделения на учителей и поучаемых не будет»⁸⁵⁹.

Как отмечает К.Я. Паромов, «Кружку» была присуща внутренняя полярность, а самих «ищущих» не оставляло желание преодолеть разобщенность, в которой чувствовалось не уникальное своеобразие «Кружка», а скорее серьезная помеха его существованию⁸⁶⁰. Важным объединяющим началом служила издательская деятельность, начатая М.А. Новоселовым еще до формирования «Кружка» в виде «Религиозно-философской библиотеки». Позднее и в рамках

⁸⁵⁶ См., напр.: Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса. М., 1907. Дурьлин С.Н. Приход: его задачи и организация. М., 1917. Хомяков Д.А. Собор, соборность, приход и пастырь. М., 1917. Кузнецов Н.Д. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России. М., 1907. Новоселов М.А. Письма к друзьям / Е. С. Полищук, предисл., коммент. М., 1994.

⁸⁵⁷ Совпадение противоположностей (лат.).

⁸⁵⁸ Цит. по: Паромов К.Я. Епископ Феодор (Поздеевский)... С. 94.

⁸⁵⁹ В.А. Кожевников – Ф.Д. Самарину. Цит. по: Ореханов Г.Л. Ф. Д. Самарин и его архив... С. 118.

⁸⁶⁰ Паромов К.Я. Епископ Феодор (Поздеевский)... С. 75.

«Кружка» задумывался выпуск серии святоотеческих трудов, в подготовке которой участвовали П.А. Флоренский и С.П. Мансуров⁸⁶¹. Сергей Фудель так характеризовал общее устремление этого направления: «Отвергая "живоцерковничество"⁸⁶², как перенесение в Церковь идей и методов революции, и Булгаков, и Флоренский, и Свенцицкий, и Дурылин, и Новоселов, и все другие деятели и мыслители того времени одновременно ждали для Церкви возрождения в жизни истинной духовности, в освобождении от государственного и бытового обмирщения и формализма»⁸⁶³.

Примечательно, что «Кружок» способствовал тем переменам, за которыми со вниманием следил отец Иосиф еще в период работы в «Русском обозрении» – переходу интеллигенции «внутри церковной ограды». Как пишет С.М. Половинкин, «кружок помог многим, находившимся "около церковных стен", войти не только в Церковь, но и в алтарь. Священнический сан приняли о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, о. Александр Ельчанинов, о. Сергей Дурылин, о. Феодор Андреев, о. Сергей Мансуров, а М.А. Новоселов причислен к лику святых»⁸⁶⁴. Видными его деятелями были кн. Е.Н. Трубецкой, кн. Г.Н. Трубецкой, А.Д. Самарин, Н.С. Арсеньев, И.П. Щербов, кружку были близки В.М. Васнецов и М.В. Нестеров⁸⁶⁵. Деятели «Кружка» и Братства находились в постоянном контакте с тогда еще архимандритом Феодором (Поздеевским), с московским викарием епископом Анастасием (Грибановским).

Немаловажно, что в рамках «Кружка» братская идея нашла свое выражение не только в участии его членов в межприходском Братстве Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (существовавшем в 1909–1918 гг.), но и в идее о «границах Церкви», важной для его представителей. Вместо вопроса о правовом статусе прихода, который для Д.Ф. Самарина отождествлялся с

⁸⁶¹ Там же.

⁸⁶² Речь идет об обновленческом церковном движении, возникшем в начале 1920-х гг. Его представители выступали за церковные реформы, сотрудничали с советскими властями и противостояли патриарху Тихону. Подробнее см.: *Соловьёв И., свящ.* Живая церковь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 168-172.

⁸⁶³ *Фудель С.И.* Воспоминания. С. 97.

⁸⁶⁴ *Половинкин С.М.* Ревностная дружба // Переписка священника П.А. Флоренского со священником С.Н. Булгаковым. Томск, 2001. С. 6.

⁸⁶⁵ Там же.

общиной, в Братстве Святителей Московских созревает мысль о «выделении» внутри прихода некоего «целого», т. е. общины, основанной на стремлении к целостной церковной жизни⁸⁶⁶. Из этого проистекала как практическая идея формирования прихода на добровольном, а не территориальном принципе, так и богословская – о «Церкви верных» и «темном двойнике Церкви», развитая впоследствии С.И. Фуделем⁸⁶⁷.

Идея «границ Церкви» прослеживается и у отца Иосифа. Он подразумевал, что братства должны объединить вокруг священника сначала «трех-четырёх» прихожан, ищущих целостной жизни по вере и готовых посвятить все свои свободные силы служению «одной общей цели», а в дальнейшем эта новая община должна стать «тем клином, который входит постепенно все глубже и глубже в жизнь прихода, разделяя постепенно лучшие элементы прихода от худших»⁸⁶⁸. 25 мая 1918 г. на собрании пастырского союза Фудель выступил с докладом «Опыт переписи прихожан», что можно считать попыткой вернуться к восстановлению списков членов приходских общин (своеобразных диптихов)⁸⁶⁹. Эту же идею переписи продвигал С.Н. Дурылин с целью различения действительных членов приходской общины от формально приписанных⁸⁷⁰. В 1920-е гг. Новоселов, осмысляя эту проблему, предлагал, со ссылкой на А.С. Хомякова, «различать Церковь-Организм от Церкви-организации»: «не всякий, входящий в последнюю, причастен первой»⁸⁷¹.

Общей нотой для «Кружка» была идея духовного общения его членов и соборности. Они с пиететом относились к мыслям старших славянофилов (в частности статьи Д.Ф. Самарина о приходском вопросе 1860-х гг. были

⁸⁶⁶ Черепанов Д.Д. От проектов приходской реформы к вопросу о «верном»: рецепция идей Братства Святителей Московских в творчестве С. И. Фуделя // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 80. С. 46.

⁸⁶⁷ Сам С.И. Фудель, определяя круг влияний на собственное мировоззрение в своих «Воспоминаниях». Наряду с литературными влияниями – славянофилов и Достоевского, он выделял ряд людей, общение с которыми окрасило его восприятие Церкви: это не только его отец, но и «кружковцы» М.А. Новоселов, А.Д. и Ф.Д. Самарины, С.Н. Дурылин, о. П. Флоренский, С.Н. Булгаков и Л.А. Тихомиров.

⁸⁶⁸ Фудель И.И. Основы церковно-приходской жизни. М., 1894. С. 7.

⁸⁶⁹ Дашевская З.М. Обзор деятельности Братства Святителей Московских... С. 147.

⁸⁷⁰ Дурылин С.Н. Приход: его задачи и организация. М., 1917. С. 9-10.

⁸⁷¹ Новоселов М.А. Письма к друзьям / Е. С. Полищук, предисл., коммент. М., 1994. С. 12.

переизданы в 1908 г. с предисловием Федора Дмитриевича, его сына). Ф.Д. Самарин констатировал не только упадок практики богослужения (плохо поставленное пение, чтение, недостаточное понимание сути происходящего), но и отсутствие общей внебогослужебной жизни членов прихода, что вызывало их разобщенность⁸⁷². Особо важным для «Кружка» являлось осмысленное общее участие в богослужении, внешним проявлением которого могло бы стать народное пение во время службы. Главная цель при этом — добиться внутреннего соучастия в происходящем, преодолеть «внешний характер» отношения к службе⁸⁷³. Эти идеи также найдут выражение и в деятельности будущего Братства Святителей Московских, многие члены которого были участниками «Кружка», сохранявшего свою камерность и непубличность (в то время как только в состав учредителей Братства входило 55 человек⁸⁷⁴, а на 1910 г. в нем состояло 116 членов⁸⁷⁵).

Исследователями зачастую отмечается концептуальная «размытость» неославянофильства. Так, А.А. Тесля указывает, что это течение подпитывалось общностью не только идейных, но зачастую родственных и соседских связей, тесных личных знакомств (большинство наиболее заметных неославянофилов — дети собственно славянофилов: Ф.Д., П.Д. и А.Д. Самарины, Д.А. и Н.А. Хомяковы. Родовое имение Киреевых в Тамбовской губернии часто посещалось их соседями: Аксаковыми, И.В. Киреевским, Ю.Ф. Самариным, А.С. Хомяковым)⁸⁷⁶. Созвучно ему мнение историка К.А. Соловьева: «Неославянофильские концепции нельзя свести воедино, игнорируя их очевидные интеллектуальные особенности. Каждая из них предлагает особый путь адаптации славянофильских идей к условиям модернизационных процессов начала XX

⁸⁷² О задачах и характере устраиваемых «Кружком» бесед // Письма мученика Михаила Новоселова Ф.Д. Самарину, 1905–1913 гг. / Е. С. Полищук, публ., коммент. // Богословские труды. 2013. Вып. 45. С. 469.

⁸⁷³ Черепанов Д. Д. От проектов приходской реформы к вопросу о «верном»... С. 41.

⁸⁷⁴ История церковных братств в России... М., 2018. С. 109.

⁸⁷⁵ Отчет Совета о деятельности братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа за 1910 г. // Московские церковные ведомости. М., 1911. № 8. С. 195–197.

⁸⁷⁶ Тесля А.А. Неославянофильство в период первой русской революции и становления «думской монархии» (по материалам дневника А.А. Киреева 1905 – 1910 гг.). – [Электронный ресурс] – <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2224> (дата обращения: 10.10.19).

века»⁸⁷⁷. Важной особенностью неославянофильства следует признать то, что это течение не сходит на «нет», исчерпав собственные возможности в политическом плане, но сосредотачивается и активно действует в той области, которая изначально имела огромную значимость в славянофильской доктрине – в вопросах, касающихся церковного строя⁸⁷⁸.

П.А. Флоренский высоко ценил Ф.Д. Самарина, воплощавшего родовую традицию: «Первоначальное славянофильство, опираясь на дружески-родственное ядро, справедливо подчеркнуло значение дружества — познавательное и почти догматическое. <...> Феодор Дмитриевич оставался верен этой первоначальной стихии славянофильства. Он искал дружеского общения, хотел дружеского обсуждения интересовавших его богословских, философских и церковно-общественных вопросов, не доверяясь мысли одинокой и вместе не полагаясь на сношение печатное, в котором нет общения личного»⁸⁷⁹.

А Л.А. Тихомиров, записывая в 1916 г. дневнике о кончине Ф.Д. Самарина, считал ее и концом кружка: «Нынешнее время не принимает ни таких людей, как Федор Дмитриевич, ни таких кружков, как Самаринский. Этот кружок имел целью быть вольным центром свободного общественного мнения умственной аристократии Русского направления. <...> Все это уже – нечто отжившее, прошлое, последний отблеск Самаринско-Аксаковской Москвы, которой уже нет. <...> Хомяков Дмитр[ий] Алексеевич живет только как антикварный, драгоценный сосуд, разбитый, но склеенный – и тоже ненадолго»⁸⁸⁰.

А Фудель очень любил отца Павла Флоренского (что передалось и его сыну). «Встречи отца с Флоренским были редки, но я хорошо помню какую-то особенно радостную улыбку отца, когда он говорил о нем или когда при нем произносилось его имя» – вспоминает Сергей Иосифович⁸⁸¹. На Рождество 1914 г. дети подарили папе недавно вышедший знаменитый труд Флоренского «Столп и утверждение

⁸⁷⁷ Соловьев К.А. Генерал Киреев и его дневник // Киреев, А.А. Дневник. 1905 – 1910. М., 2010. С. 3-17.

⁸⁷⁸ Тесля А.А. Неославянофильство...

⁸⁷⁹ Флоренский П., свящ. Памяти Феодора Дмитриевича Самарина // Сочинения в 4 т. Т. 2. М., 1996.

С. 342. Цит. по: Паромов К.Я. Епископ Феодор (Поздеевский)... С. 74.

⁸⁸⁰ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / Сост. А.В. Репников. С. 297.

⁸⁸¹ Там же. С. 46.

истины». Эта книга во многом помогла ему «освободиться от гнета разочарования в судьбе русского народа»⁸⁸². «Мне кажется, что именно этот дар созидания и притягивал к нему Флоренского и роднил их. Отец Павел не любил то, что он называл религиозной публицистикой (Бердяев и некоторые другие писатели), за ее чисто журнальную легкость трактовки и построения трудных и антиномичных религиозных тем. В нем была глубина какого-то молчания, скорее в молчании была его сила» – писал Сергей Фудель о «родстве» Флоренского и отца⁸⁸³.

Представляется, что М.А. Новоселов и Ф.Д. Самарин олицетворяли в «Кружке» два разных типа. Мы можем заметить в нем аристократическую и архиерейскую линии, и одновременно – «интеллигентскую». Так, Ф.Д. Самарин явно не стал, да и не смог бы стать близким Фуделю, из немногих писем видна та дистанция, которая сохранялась в их отношениях. К тому же, здесь важны не столько социальные отличия, сколько особенности принятия веры. Фудель, Леонтьев, Тихомиров, Новоселов, Булгаков, Дурылин, Флоренский – пришли к православию принципиально иным путем, нежели славянофилы или представители «наследственного» духовенства⁸⁸⁴ – путем преодоления секулярной среды, а не осознания себя в православном быте и духе, «впитанном с молоком матери». Этот переход «от материализма к идеализму», сознательное обращение и принятие веры со всей ее аскетикой создавали особенный надрыв в их устремлениях к воцерковлению общества, и особенно – интеллигенции.

Как писал С.М. Сергеев о Л.А. Тихомирове, он явился преемником одновременно двух враждующих вариантов «творческого традиционализма»⁸⁸⁵ – славянофильского и леонтьевского, соединив в своей социально-политической теории и демократический, и аристократический его варианты⁸⁸⁶. В каком-то

⁸⁸² Там же. С. 56.

⁸⁸³ Там же. С. 56.

⁸⁸⁴ Исключение составляет, например, Антоний Храповицкий, происходивший из дворян. Но и не случайно, что с ним отец Иосиф вел переписку в ранние годы. См.: Преемство от отцов. С. 171, С. 197, С. 209.

⁸⁸⁵ Традиционализм «творческий» он усматривает в классическом славянофильстве 1840–1850-х гг., почвенничестве, а также мысли И.С. Аксакова, К.Н. Леонтьева и Л.А. Тихомирова (в 1880-90-е годы – в противовес «консервативному традиционализму» К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова и В.А. Грингмута).

⁸⁸⁶ Сергеев С.М. Творческий традиционализм Л.А. Тихомирова. [Электронный ресурс] – <https://www.portal-slovo.ru/history/41712.php> (дата обращения: 5.10.19).

смысле, это соединение (к которому присоединялись и многие другие элементы – народнический, толстовский, социалистический и т.д.) можно наблюдать и в идейной ориентированности новоселовского кружка, чтившего Леонтьева наравне со славянофилами. Отец Иосиф отмечал, что Леонтьев, будучи реалистом, верил в воплощение эстетического, но не религиозного идеала⁸⁸⁷ (религию он воспринял ради спасения души, а не полного воплощения в народной жизни). А Фудель искал именно последнего, и этот идеализм во многом мотивировал и принятие сана, и дальнейшую деятельность отца Иосифа. Эти устремления обернутся разочарованием (как напишет позже Сергей Фудель в стихотворении об отце – «славянофильские мечты, очищенные перед гробом»⁸⁸⁸), но не перестанут воплощаться уже с «очищенными» мотивами в его активном участии в церковной жизни Москвы.

§4. Братство Святителей Московских и приходская жизнь в 1910-е гг.

Отец Иосиф был активным членом Братства Святителей Московских с самого его открытия в 1909 г. Участники братства стремились к восстановлению соборности посредством вовлечения мирян в богослужение и церковную благотворительность и участвовали в подготовке Поместного Собора. Цели и задачи, которые ставило перед собой братство, и его деятельность уже не вмещались в рамки, очерченные «Положением о деятельности братств» 1864 г. Оно создавалось ради укрепления христианской веры, развития церковной благотворительности и духовного просвещения, активности клириков и мирян для содействия епархиальной власти. Это братство отличалось от других своими целями, составом и формами деятельности. Братство Святителей Московских не было учреждено при каком-либо храме или монастыре, а являлось межприходским, объединяя клириков и мирян. Оно объединяло людей традиционного благочестия и получило благословение московского митрополита

⁸⁸⁷ Фудель И.И. Культурный идеал К. Леонтьева // Русское обозрение. 1895. Янв. С. 261–275.

⁸⁸⁸ Фудель С.И. Воспоминания. С. 59.

Владимира (Богоявленского), который и стал его первым председателем. Задачи братства отвечали направлению масштабной деятельности митрополита в епархии (в частности, благодаря его усилиям в Москве в 1903 г. открылся епархиальный дом, ставший крупным центром просветительской и миссионерской деятельности)⁸⁸⁹.

Среди инициаторов братства мы видим авторитетных представителей как аристократических родов (А.Д., П.Д., С.Д. и Ф.Д. Самарины, Д.И. Хомяков), интеллигенции (М.А. Новоселов, Л.А. Тихомиров, В.А. Кожевников, П.Б. Мансуров, Н.Д. Кузнецов, А.А. Корнилов, А.И. Новгородцев и др.), так и духовенства (от иереев до епископов). Собрания братства, особенно в начальный его период, освещали «Московские церковные ведомости»⁸⁹⁰. Тем не менее, сведения о братстве в официальных отчетах отсутствовали (отчасти это было связано со сменой митрополита и антираспутинскими выступлениями братчиков)⁸⁹¹.

Доклад Ф.Д. Самарина в декабре 1909 г., прозвучавший на открытии братства, сразу стал событием в жизни церкви. Для созыва Поместного Собора, отмечал Самарин, требуется предварительная работа церковного сознания, чтобы и пастыри, и паства прониклись самым духом соборности, иерархия не полагалась исключительно на себя, помня, что «все верующие не лишены благодати Духа Святого»; церковь должна взять дело помощи неимущим в свои руки, а приходская община сама заботиться о своих неимущих⁸⁹². Самарин говорил и об отсутствии живой церковной среды из образованных церковных людей. По мнению Самарина, богословие «по отношению к религиозному сознанию нашего общества не только не способствует оживлению этого сознания, но действует на него прямо губительно», и, при всех заслугах, современные богословы никакого влияния на образ мысли общества не имеют, в отличие от Феофана Затворника и

⁸⁸⁹ Галкин А.К., *Дамаскин (Орловский), игум. Владимир (Богоявленский)* // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 629-634.

⁸⁹⁰ Дашевская З.М. Обзор деятельности Братства... С. 135.

⁸⁹¹ Там же. С. 145.

⁸⁹² Самарин Ф.Д. О задачах Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и о способах разрешения этих задач. Речь в Общем собрании Братства 27 декабря 1909 г. М., 1916. С. 10.

Оптинских старцев с одной стороны, и Хомякова, Достоевского и Вл. Соловьева – с другой, именно на них воспитаны целые поколения⁸⁹³. Выход из создавшегося положения, как сообщал Самарин, новое братство видит в общем стремлении к живому общению между составными элементами церковного тела, которое выразится в деле духовного просвещения. Особое внимание он уделил проблеме церковного чтения: читать вслух публично не так просто и образованному, «даже лица, прошедшие через духовно-учебные заведения, сплошь да рядом ошибаются в ударениях и неправильно произносят славянские слова», при этом важно не только правильное произношение, но и интонация, выражение – для донесения смысла⁸⁹⁴.

Устав 1909 г. определял круг деятельности братства, в который входили собеседования, чтения, издательство, устройство курсов, школ, духовных концертов, а также паломничества⁸⁹⁵. Деятельность братства стала особенно популярной в среде московского духовенства и всех живо интересующихся православной церковью. На его собраниях читались доклады, посвященные церковно-общественной жизни и духовно-просветительским темам. В частности, Совет братства устроил публичное собрание в память А.С. Хомякова в день 50-летия со дня его кончины. Собрания братства проводились примерно один раз в месяц, на них могли присутствовать все желающие, разделяющие цели братства⁸⁹⁶.

Отец Иосиф был членом Совета братства. В приходах, которые поддерживали братство, вводилось общецерковное пение на богослужении (его особую пользу Фудель отмечал еще во время северо-западного служения⁸⁹⁷). В 1910 г. братством были организованы кратковременные бесплатные курсы головщиков для подготовки лиц, способных управлять общенародным пением: заявления от желающих участвовать присылались на имя члена Совета

⁸⁹³ Самарин Ф.Д. О задачах Братства... С. 15-16.

⁸⁹⁴ Там же. С. 20.

⁸⁹⁵ Устав Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. М., 1909.

⁸⁹⁶ Там же. С. 143-144.

⁸⁹⁷ Фудель И.И. Наше дело в северо-западном крае. М., 1893. С. 26-27.

И.И. Фуделя⁸⁹⁸. В письме от 14 июля 1910 г. Фудель писал Ф.Д. Самарину: «Получил несколько прошений от лиц желающих поступить на курсы. Их немного – всего 7 человек. Есть основание думать, что поступят еще человек 4–5. И этого достаточно»⁸⁹⁹.

Сохранилось письмо отца Иосифа председателю братства Ф.Д. Самарину (ориентировочно 1911 г.), где он излагает выработанный Советом проект «Основных начал устройства прихода». Там затрагивались насущные вопросы, такие как: положение прихода в строе церкви; взаимоотношение архипастыря, Епископа, и его паствы; внутренняя организация прихода и его имущество. Члены братства постановили, что для развития церковной жизни нужно содействовать «единению Епископа, клира и мирян в таинствах, общей молитве, личном духовном общении и делах христианского благотворения» (в качестве средств к этому назывались, в частности, личное участие Епископа в приходской жизни, прекращение практики частых перемещений епископов)⁹⁰⁰. При этом Епископу должна предоставляться свобода выбора кандидатов, «но из лиц, ищущих священного сана и предлагаемых Епископу, преимущество на назначение должны иметь, при равенстве нравственных достоинств, лица получившие должную пастырскую подготовку»⁹⁰¹. Необходимым виделось вовлечение мирян в богослужение (чтение и пение) и углубление его понимания⁹⁰²; предполагалось, что «жизнь Церкви должна осуществляться не только в стенах храма, но и во всей жизни ее членов»⁹⁰³ и в ней необходима христианская общественная взаимопомощь⁹⁰⁴. Активность мирян в приходской жизни предполагалась вплоть до содействия епископу в предложении кандидатур настоятеля (при этом выбор

⁸⁹⁸ Дашевская З.М. Обзор деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (1909 – 1917 гг.)// Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Выпуск 5. М., 2012. С. 147.

⁸⁹⁹ ОР РГБ. Ф. 265. К. 205. Д. 33. Л. 9.

⁹⁰⁰ Там же. Л. 1.

⁹⁰¹ Там же. Л. 4.

⁹⁰² Там же. Л. 5.

⁹⁰³ Там же. Л. 5. Об.

⁹⁰⁴ Там же. Л. 6. Развитие взаимопомощи предполагалось в следующих направлениях: а) в содержании храма и необходимого при нем причта; б) в помощи неимущим членам прихода; в) в помощи воспитанию детей; г) и духовному просвещению взрослых.

епископа должен пасть на наиболее подготовленного к служению): «Приход в строе Православной Церкви составная часть церкви епархиальной <...> Миряне должны быть готовыми оказывать содействие своему Епископу и в делах епархиального управления, но ближайшим образом они должны оказывать это содействие при выборе настоятеля приходской церкви. Священнику они должны помогать в его пастырских трудах и должны нести труд в заботе о храме, о приходском благотворении и просвещении»⁹⁰⁵. Желательным виделось дополнить существующие приходские органы постоянно действующим советом под председательством настоятеля приходской церкви и предоставить право голоса в приходском собрании всем членам прихода обоего пола начиная с 25-летнего возраста⁹⁰⁶.

Можно заметить, что члены братства попытались совместить принципы иерархичности и соборности, настаивая на личном участии епископа в приходской жизни и содействии ему мирян в выборе настоятеля. Тема братств не получила развития в этом проекте, хотя в нем говорится о помощи прихожан священнику в делах благотворительности и просвещения. Примечателен и акцент на необходимой подготовке пастырей (заостряемый ранее как Новоселовым, так и Фуделем⁹⁰⁷).

Приостановление деятельности братства в 1917 г. было вызвано необходимостью быстрее реагировать на изменившиеся обстоятельства жизни церкви и общества и искать новые формы самоорганизации. 1917–1918 гг. были временем «кипучей, совершенно непосильной церковно-общественной работы отца Иосифа. Для него не было и не могло быть никаких иллюзий в том, что совершалось в России. Усилить Церковь, усилить ее церковно, укрепить все, что было церковно-ценного и церковно-истинного в жизни, воцерковить жизнь, а не

⁹⁰⁵ Там же. Л. 6. Об. – Л. 7.

⁹⁰⁶ Там же. Л. 7. Об.

⁹⁰⁷ Фудель И.И. Основы церковно-приходской жизни. М., 1894. С. 30.

обмирщить церковь, – вот была основная задача этой деятельности» – вспоминал современник⁹⁰⁸.

Во время революционных событий Фудель ощущал, что духовенство не предпринимает достаточных попыток усилить свое влияние на народ. С.Н. Дурылин описывает активную церковную деятельность отца Иосифа в это время: «Он начал с того, что организовал свой приход. У него, одного из первых в Москве, состоялись церковные собрания, была налажена приходская организация, создана приходская библиотека. К осени 1917 г. он уже работал – это была первая мысль в Москве – над созданием союза приходов. По его настоянию была сделана попытка издавать приходской журнал. Он много работал по приходскому вопросу. Но он видел необходимость более прямого воздействия на духовенство. Он явился основателем и деятельнейшим участником московских пастырских собраний, которые так и именовали тогда "фуделевскими собраниями"⁹⁰⁹. Касается он и заседаний новоселовского кружка по важнейшим церковно-общественным делам (например, упоминает о совещании по вопросу об организации союза христианских женщин)⁹¹⁰.

На протяжении 1917 г. в Московском епархиальном доме проходили пастырские собрания московского духовенства под председательством Фуделя – эти собрания, по-видимому, и назывались «фуделевскими». Так, 19 мая 1917 г. там обсуждалось создание «Совета соединенных общин православных приходов России». Был поднят и вопрос о совмещении гражданской службы со священным саном и ношении священнослужителями светских костюмов. Было решено предварительно обсудить этот вопрос на пастырских собраниях духовенства, а потом вынести на обсуждение Всероссийского съезда духовенства и мирян⁹¹¹ (через 10 дней прошло новое собрание, где был прочитан доклад о том, что исторически ношению светской одежды нет препятствий, и большинство

⁹⁰⁸ Дурылин С.Н. Отец Иосиф Фудель. (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко). [Электронный ресурс] – <http://politconservatism.ru/upload/iblock/dbb/dbb508257bb36c8548ef16190c498bc0.pdf> (дата обращения: 15.12.18).

⁹⁰⁹ Там же.

⁹¹⁰ Там же.

⁹¹¹ Православная Москва в 1917–1921 годах: Сб. документов... С. 66.

духовенства согласилось, что это необходимо⁹¹²). На том же заседании был поднят вопрос об участившихся случаях изгнания прихожанами своих пастырей и мерах, которые необходимо предпринять; также собрание избрало «комиссию для составления особых прошений на ектениях относительно водворения мира и спокойствия между пастырями и пасомыми»⁹¹³. На собрании московских пастырей 7 июня 1917 г. было много разговоров о выборах митрополита (выборы были уже назначены, тогда как кандидатов специальная комиссия не огласила). Было решено ходатайствовать Синоду об отсрочке выборов. Некоторые из священников говорили: «члены комиссии решили насильно собрать нас на епархиальный съезд и во время его провести угодных им кандидатов в лице петроградских архиереев»⁹¹⁴.

Летом 1917 г. на Чрезвычайном съезде Московской епархии по выбору митрополита после обсуждения были выдвинуты две кандидатуры: А.Д. Самарина и архиеп. Виленского Тихона (Беллавина)⁹¹⁵. Отец Иосиф одним из первых решительно выдвинул кандидатуру А.Д. Самарина, столь неожиданную для многих – Самарин хоть короткое время и находился на посту обер-прокурора, но все-таки был мирянином. Тем не менее он отличался той твердостью в вере и ревностью о делах церкви, которой в глазах Фуделя и других членов братства так не хватало церковной иерархии: это был бы епископ, лишенный недостатков и слабостей той среды, из которой обыкновенно оставлялись русские епископы; представитель аристократического рода при его строгой церковности казался предпочтительнее человека из духовного сословия. Примечательно, что идею поставить Патриархом всеми уважаемого в церкви благочестивого мирянина высказывал в свое время и К.Н. Леонтьев⁹¹⁶. Как вспоминал С.Н. Дурылин, в дни выборов митрополита, когда шли собрания по благочиниям, в квартиру отца

⁹¹² Там же. С. 70.

⁹¹³ Там же. С. 67.

⁹¹⁴ Там же. С. 71.

⁹¹⁵ Дашевская З.М. Обзор деятельности Братства... С. 146.

⁹¹⁶ Антоний, архиепископ. Искренняя душа // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 315. Цит. по: Резвых Т.Н. Комментарий к публикации: Дурылин С.Н. Отец Иосиф Фудель. [Электронный ресурс] – <http://politconservatism.ru/upload/iblock/dbb/dbb508257bb36c8548ef16190c498bc0.pdf> (дата обращения: 15.10.19).

Иосифа то и дело сходились обменяться с ним мыслями, поделиться впечатлениями сочувствующие его взгляду на дело священники и миряне⁹¹⁷. Выдвинутую им кандидатуру активно поддерживали М.А. Новосёлов, Н.Д. Кузнецов, князь Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков.

Но отцу Иосифу так и не пришлось голосовать за А.Д. Самарина. Своеобразную легенду об этом роковом обстоятельстве записал Дурылин: «Собираясь на выборы, на собрание, где должны были записками наметить кандидатов, он забыл, в торопях и волнении, свой удостоверительный билет дома, и его не допустили к урне. Если б он положил свою записку, Самарин получил бы на предварительной баллотировке на 1 голос больше архиепископа Тихона»⁹¹⁸. На выборах Московского митрополита на Съезде духовенства и мирян Московской епархии 20 июня 1917 г. за архиепископа Тихона и А.Д. Самарина действительно было подано равное количество голосов. Поэтому было проведено повторное голосование, но уже со значительным перевесом архиепископа Виленского и Литовского Тихона (Белавина) – будущего Патриарха⁹¹⁹. Так, забыв свой билет, отец Иосиф в каком-то смысле случайно повлиял на ход церковной истории. Как вспоминала Н.В. Угримова, отец Иосиф «был сторонником Самарина, как все "Братство Святителей Московских". Но когда был избран Тихон (затем патриарх) приветствовал (его). "Мы – приняли, подчинились, а был бы Самарин – был бы раскол"»⁹²⁰.

В октябре 1917 г. на собрании пастырей епархии И.И. Фудель был избран товарищем председателя Союза пастырей Москвы и московской епархии (председателем был священник Н.А. Любимов)⁹²¹. Торжественное открытие Союза состоялось 3 января 1918 г. под председательством Святейшего Патриарха

⁹¹⁷ Дурылин С.Н. Отец Иосиф Фудель...

⁹¹⁸ Там же.

⁹¹⁹ ОР РГБ. Ф. 26, картон 4, Д. 6. Л.70об. и Л.73об. Цит. по: «Подвигом добрым подвизался...». Материалы к жизнеописанию А.Д. Самарина (1868–1932) / Авт.-сост. С. Н. Чернышев, прот. Д. Сазонов. Кострома, 2017.

⁹²⁰ Угримова Н.В. Кусочки воспоминаний духовной дочери // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

⁹²¹ Православная Москва в 1917–1921 годах: Сб. документов и материалов / Авт.-сост. А. Н. Казакевич, В. В. Марковчин, Т.С. Тугова и др. М., 2004. С. 92.

Тихона, который назвал Союз «*совершенным по его целям*»⁹²². Начало ему положил тот самый образованный в апреле 1917 г. кружок московских священников, которые собирались для обсуждения насущных вопросов в соответствии с новыми условиями времени. С расширением круга деятельности возникла потребность упрочить организацию: в сентябре 1917 г. был выработан устав, а в октябре избран президиум, куда и вошел отец Иосиф⁹²³.

Таким образом, на общецерковном уровне братское движение было поддержано патриархом Тихоном, который призвал всех архипастырей и пастырей «немедленно устроить духовные союзы»⁹²⁴. В 1918 г. Фудель входил в президиум Союза объединенного духовенства и мирян (под председательством протоиерея Н.В. Цветкова), при котором была открыта Православная народная академия, где читались общедоступные богословские, а также высшие богословские и пастырские курсы⁹²⁵. Судя по сообщениям «Московского листка», Фудель участвовал также в собрании церковных старост и мирян, где вместе с Н.Д. Кузнецовым выступал с докладом «о настоящем положении церкви»⁹²⁶.

Примечательно прошение конца 1917 г. на имя патриарха Тихона от 145 священников Москвы и Московской епархии, первая подпись в котором принадлежала протоиерею Иосифу Фуделю. Простение было написано в связи с предпринимаемым перераспределением доходов в приходах (их увеличения у псаломщиков за счет священников) на фоне продолжавшегося обсуждения этого вопроса на Соборе. Московские священники, выступавшие «от имени всех своих собратий, рассеянных по городам и селам России», предупреждали, что подобная мера приведет к «лишению для священников и их семейств существенной доли и без того незавидного их благосостояния», «ослаблению энергии в наличном составе священников, обиженных наложением на них незаслуженного штрафа»,

⁹²² Московские церковные ведомости. 1918. №2. С. 8. Цит. по: Православная Москва в 1917–1921 годах: Сб. документов и материалов. С. 142.

⁹²³ Там же.

⁹²⁴ Православная Москва в 1917–1921 годах. С. 376.

⁹²⁵ Дашевская З.М. Обзор деятельности Братства... С. 146.

⁹²⁶ Московский листок. 1917. 26 апреля. Цит. по: Православная Москва в 1917–1921 годах. С. 43.

предсказывали в будущем понижение общего уровня пастырства и пр.⁹²⁷ Текст этого прошения печатали в т.ч. в региональной церковной прессе, в результате чего в декабре 1917 г. Святейший Синод признал невозможным обнародовать соборное определение до разрешения возникших затруднений (это был уникальный случай). В итоге на Соборе все же решили не возвращаться к прежней формуле раздела доходов. Так или иначе, данное печатное выступление, инициированное отцом Иосифом, говорит о его активном участии в жизни церкви в этот период.

30 января 1918 г. в епархиальном доме состоялось многочленное собрание: на нем был образован союзный Совет приходских советов Москвы, в который должны были войти по два представителя от каждого из семнадцати благочиний — по одному священнику-настоятелю и одному мирянину. Председателем совета был избран А.Д. Самарин, его заместителями — член братства прот. С.В. Успенский и прот. Н. В. Цветков. И.И. Фудель также входил в Совет объединенных приходов, а в исполнительном бюро Совета состояли Г.А. Рачинский, М.А. Новоселов, Н.Д. Кузнецов и М. Л. Богоявленский)⁹²⁸. Совет стал новой формой руководства приходской жизнью, основанной на соборном начале и направлял свою деятельность на защиту церкви от посягательств новой власти — в частности, он выпустил воззвание о «набатном звоне» с призывом верующим защищать храмы, содействовал организации охраны Патриарха (были образованы группы дежурных от каждого благочиния: охранявшие не имели никакого оружия, но их большая численность и быстрая передача информации играли такую же роль, как набат колокола).

На подобные меры не замедлила появиться реакция советских властей, выпустивших 30 июля 1918 г. декрет «О набатном звоне», согласно которому виновные в созыве населения набатным звоном предавались революционному

⁹²⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 447. Л. 78-87. Материалы предоставлены Г.М. Запальским.

⁹²⁸ Комиссарова Л., Яшина С. Письмо благочинным Совета объединенных приходов Москвы // Свет Христов просвещает всех: Альманах СФИ. Выпуск 25. М., 2018. С. 96.

трибуналу⁹²⁹. В 1919 г., уже после смерти отца Иосифа, были арестованы А.Д. Самарин и Н.Д. Кузнецов. Советской властью они были признаны основными вдохновителями «церковной контрреволюции». Этот процесс вошел в историю как «Дело Самарина–Кузнецова». Оба были приговорены ревтрибуналом к расстрелу, но затем приговор был заменен сроком заключения. Материалы заседаний трибунала предавались огласке. Арестованным вменялась в вину инициатива создания контрреволюционного общества в виде Совета объединенных приходов с целью организации вооруженного восстания против Советской власти. Интересный факт – на нем А.Д. Самарин отрицал инициативу создания Совета, сообщая, что она «принадлежала покойному протоиерею Фуделю» и указал, что создание Совета было вызвано необходимостью оживления жизни приходов в связи с новыми условиями жизни, открывшимися для церкви после политического переворота, и задачи этого общества были исключительно церковные⁹³⁰. После революции неоднократно подвергался арестам и будущий новомученик М.А. Новоселов, участвовавший в деятельности Совета. О кончине его существуют разные версии, вероятнее всего, он был расстрелян. Широко известен один из первых примеров церковного самиздата — его «Письма к друзьям», где автор изложил православное учение о церкви⁹³¹. 5 сентября 1918 г. был расстрелян близкий Фуделю крупный проповедник и миссионер отец Иоанн Восторгов⁹³², канонизированный как священномученик.

Активное участие отца Иосифа в церковной жизни послереволюционной Москвы дает возможность спрогнозировать, какова была бы его судьба, если бы не смерть от «испанки» в октябре 1918 г. (тогда ему было всего лишь 53 года). В лучшем случае его бы ожидали аресты и ссылки, которые достались на долю его сына. Отец Иосиф был одним из тех, кто самоотверженно стоял за дело церкви и, как показывают судьбы его единомышленников, наверняка бы пострадал за него.

⁹²⁹ Там же.

⁹³⁰ Вечерние известия. 1920. 12 января. Цит. по: Православная Москва в 1917–1921 годах: Сб. документов и материалов. С. 346.

⁹³¹ Дашевская З.М. Обзор деятельности Братства... С. 148.

⁹³² В дневнике Л.А. Тихомирова мы находим упоминания о том, что Восторгов бывал в доме Тихомировых, как и Фудель. См.: Дневник Л. А. Тихомирова, 1905-1907 гг. М., 2015. С. 289, 294.

К октябрю 1918 г. не стало газет и журналов, где печатался отец Иосиф, поэтому мы не найдем некрологов, которые непременно бы вышли при иных обстоятельствах.

Священники и миряне, активные члены братства, оказавшись в условиях нарастающих гонений, заняли ключевые позиции в церковном противостоянии агрессии богоборческого государства. Многие участники Братства Святителей Московских стали деятельными членами Поместного Собора и внесли значительный вклад в разработку итогового приходского устава, который, однако, был утвержден в консервативном варианте, не учтя многих чаяний братчиков. Судя по всему, отец Иосиф не участвовал в работе Предсоборного присутствия и Собора (в изданных документах мы не находим упоминаний об этом)⁹³³. Но известно, например, что, не будучи делегатами Собора, кружковцы М.А. Новоселов, П.А. Флоренский, С.Н. Дурылин и С.П. Мансуров 9 (22) марта 1918 г. были приглашены участвовать в разработке типа пастырских училищ (епархиальных богословско-пастырских школ с установкой на практическую подготовку пастырей), ведшейся Отделом о духовно-учебных заведениях⁹³⁴.

Подводя итог деятельности «Кружка» и Братства, к которым принадлежал И.И. Фудель, необходимо характеризовать олицетворяемое ими общественно-церковное направление. Представляется, что это течение являло собой один из вариантов адаптации славянофильства к условиям жизни начала XX в. Стоит отметить, что оно не было жестко консолидированным и еще требует дальнейшего изучения и прослеживания персональных взглядов и действий, т.к. самостоятельность его участников препятствует однозначным оценкам. Однако вышеприведенные материалы позволяют выделить некоторые черты, раскрывающие это направление в системе координат своего времени.

С одной стороны, мы можем характеризовать его как строго ортодоксальное, антиобновленческое и антимодернистское (отстоящее от сторонников «нового

⁹³³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012–2017. Т. 1–19; Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия в 4-х томах. М., 2014 г.

⁹³⁴ Паромов К.Я. Епископ Феодор (Поздеевский)... С. 71.

религиозного сознания», «Христианского братства борьбы» или зарождающегося «обновленчества») – и в этом смысле как консервативное (при том ставящее акцент на просвещение и создание альтернативы «новому сознанию»). К тому же, Фудель и его ближайшее окружение пересекались или напрямую были связаны с монархическими организациями, однако в большинстве своем отстояли от Союза русского народа, политических партий и не продвигали антисемитской риторики. При этом новоселовский кружок имел в своих сторонниках авторитетных правоконсервативных представителей духовного сословия – епископов Федора Поздеевского и Антония Храповицкого, протоиерея Иоанна Восторгова, старцев Зосимовой пустыни; Братству Святителей Московских покровительствовал митрополит Владимир (Богоявленский).

С другой стороны, деятели направления выступали за расширение участия мирян в жизни церкви, за развитие братской жизни и соборности в «демократическом» славянофильском духе (хотя в рамках славянофильской парадигмы мыслили и представители правомонархического лагеря, включая В.А. Грингмута⁹³⁵). Общими для фуделевского круга были критика засилья бюрократии (которая, однако, была характерна как для славянофильства, К.П. Победоносцева, так и большинства монархистов начала XX в.), негативное отношение к Г.Е. Распутину, определенная оппозиционность синодальному управлению и стремление к восстановлению соборности церкви. В своем роде это был консервативный проект церковной модернизации – «оживления» жизни, т.е. развития, исходящего из начал, понимаемых как «традиционные» и ортодоксальные.

Можно заключить, что, принадлежа к «Кружку» и Братству идейно, отец Иосиф выступал в них не как мыслитель и богослов, а как деятель, выполняя главную задачу своей жизни – пастырскую, которая является определяющей для церковной жизни. В начале XX в., ощущая роковые перемены в стране, отец

⁹³⁵ В.А. Грингмут также бывал у отца Иосифа и Л.А. Тихомирова. См.: *Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 22. Об.*; *Дневник Л. А. Тихомирова, 1905-1907 гг. М., 2015.*

Иосиф отстаивал именно дело укрепления Православной Церкви, не смешивая его с «национальными» или «государственными» мотивами. Предчувствуя грядущее лихолетье, он готовил к этому церковь на своем месте.

И на приходскую проблему Фудель смотрел с особого угла зрения, как священник и энтузиаст братского движения. Его позиция для среды белого духовенства, как правило консервативно или настороженно относящегося к перспективам приходских преобразований⁹³⁶, была незаурядной. Неординарными взгляды отца Иосифа и людей его круга выглядят и на общем фоне обсуждения церковных реформ среди мирян. В первую очередь, это касается идеи братской жизни как пути оживления прихода, которая виделась современникам идеалистической и оставалась в то время в меньшинстве (хотя попытки создания братств предпринимались все активнее, все же они были исключением из правил). Во многих вопросах касательно приходской реформы отец Иосиф шел в фарватере Братства Святителей Московских, членом Совета которого он был, хотя это не исключало его самостоятельной позиции, которая ярко проявилась с прекращением деятельности Братства в революционные годы. Революция 1917 г., принесла церкви немалые лишения, создала условия именно для братского пути развития церковной жизни – формирование религиозного костяка в приходе оказалось органичным и единственно возможным исходом⁹³⁷. Практика самоорганизации церкви в новых условиях доказала значительность устремлений отца Иосифа.

⁹³⁶ Беглов А.Л. Кризис «государственной церковности» в фокусе приходского вопроса. 1860-е–1917 г. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. № 1/2 (37). С. 79.

⁹³⁷ При этом уходил в прошлое и территориальный принцип организации прихода, а подлинная власть в нем была уже в руках у мирян. См. подробнее: Беглов А.Л. Приходский вопрос в истории и в трудах Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. // Документы Священного Собора... М., 2017. Т. 14. С. 71-72.

Заключение

Настоящее исследование раскрывает различные направления деятельности и идейную эволюцию Иосифа Ивановича Фуделя (1864–1918) – известного московского пастыря и публициста. Синодальный период был временем перехода от традиционного общества к обществу Нового времени, и такой священник как Иосиф Фудель является во многом ключевой фигурой для понимания сложности модернизационных преобразований, происходящих в Российской империи в этот период. Будучи священником не по происхождению, а по призванию, и оттого имея особый подход к пастырству, он предстает явлением «модерного» времени. Реконструкция разных вех его биографии и выявление мотивов ряда поступков позволяют сформировать представление об одном из представителей неославянофильского направления мысли и сложившегося на рубеже XIX–XX вв. социального типа священника «из интеллигенции».

Годы учебы в Московском Университете (1883–1888) были временем формирования взглядов Фуделя: тогда он зачитывается славянофилами и Ф.М. Достоевским, имеющими переломное значение для его мировоззрения, мечтает стать публицистом и пишет много статей для журнала С.Ф. Шарапова «Русское дело». Тогда же начинается яркий сюжет, связанный с К.Н. Леонтьевым. Дружба между молодым студентом и маститым философом повлекла за собой историографическое представление о Фуделе как «леонтьевце». Леонтьев действительно составил веху в жизни отца Иосифа, без его поддержки и рекомендательных писем юноше, не имеющему духовного образования, едва ли удалось бы принять священнический сан. Но Фудель так и не стал полноценным учеником Леонтьева: если в годы знакомства он искренне занимался продвижением и защитой идей Леонтьева, то после его смерти в 1891 г. им двигало исключительно стремление к сохранению памяти о Леонтьеве как о дорогом ему, но противоречивом «художнике мысли», в котором он ценил главным образом его значение для возвращения интеллигенции в церковь. Идейная эволюция Фуделя хоть и происходила в том же направлении

«исторического пессимизма», свойственного многим консерваторам, но была обусловлена скорее событиями эпохи, нежели его влиянием.

Можно заметить, что центральная для Фуделя проблема христианского просвещения была затронута им уже в «Письмах о современной молодежи и направлениях общественной мысли» 1888 г. Там он указывает на первостепенную важность преподавания отечественной истории, которая должна научить молодежь «мыслить по-русски», а интеллигенцию призывает встать на национальную, т.е. православную почву и только тогда «идти в народ», чтобы развить его христианские начала. Воплощением «православного народничества» для Фуделя являлись, в первую очередь, священник и учитель.

Не прослужив и года юристом, он станет священником, всю жизнь пытаюсь осуществить ту православную «теорию малых дел», к которой призывал. Теперь он как пастырь служил делу нравственной выработки личности, от которого, как он верил, зависит развитие национальной культуры и судьба всего государства. Отец Иосиф Фудель стал представителем особого социального типа, появившегося во второй половине XIX–начале XX века – не просто «вернувшегося» в церковь интеллигента, но и пастыря «по призванию» (а не «по наследству»), который своим «переходом» преодолел как сословную замкнутость духовенства, так и присущие интеллигенции индифферентизм или оппозиционность церкви. Его работа в редакции «Русского обозрения» в 1890-е гг. была попыткой создания журналистики нового типа, преодолевающей грань между «светским» и «церковным» – не только в печати, но и в обществе.

После «Писем» основной массив публицистики И.И. Фуделя носил во многом прикладной характер – он писал о реформе приходских попечительств, выступая сторонником братств как наилучшей формы приходской жизни, о народной школе, которая, по его мнению, прежде всего должна воспитывать христианское мировоззрение, о миссии церкви среди образованного слоя, которая, на его взгляд, должна была стать важнейшим направлением церковно-просветительской деятельности. С одной стороны, выступая в 1890-е гг. сторонником церковно-приходской школы как хранительницы православной веры

и «народного идеала», он шел в русле политики обер-прокурора К.П. Победоносцева. С другой стороны, будучи горячим апологетом идеи братств и увеличения участия мирян в церковной жизни, сторонником диалога с интеллигенцией и созыва Поместного Собора – он выходил далеко за пределы официального курса.

Из опыта жизни в Северо-Западном крае (1889–1892) Фудель вынес идею православных братств как наилучшей формы оживления приходской жизни, которая будет отстаиваться им в дискуссии о реформе приходских попечительств (где он выступал в числе меньшинства духовенства). В деле обрусения западных окраин Фудель отмечал необходимость разделения государственно-политических и церковно-религиозных целей и выступал противником репрессивных мер, снижающих авторитет православия.

Служение в Бутырской Пересыльной тюрьме (1892–1907) стало своеобразным «хождением в народ», где, несмотря на тяжесть условий, Фудель по-настоящему узнал и полюбил «русского мужика», облегчению участи которого он отдавал много времени. Практика подтвердила убежденность Фуделя в существовании трагической пропасти между крестьянином и интеллигентом и укрепила его на своем пути. Тюремная служба прибавила Фуделю неприятие формализма, разочарование в бездушных государственных механизмах, что усилило веру в дисциплинарное и нравственное воздействие церкви.

После Первой русской революции и особой актуальности идеологической работы в тюрьме, Фудель, отказавшийся вносить принуждение и политику в проповедь, был переведен настоятелем в церковь Николая Чудотворца в Плотниковом переулке (где прослужил с 1907 г. до своей смерти в 1918 г.). Там он оказался в достаточно традиционном месте служения (это была уже не инокультурная среда западных земель, и не пересыльная тюрьма, где не было постоянной паствы) и получил возможность реализовывать свои идеи об оживлении церковно-приходской жизни на практике. Его приход признавался современниками одним из лучших в Москве. Настоятель занимался сплочением как прихода, так и московского духовенства, уделял много внимания

благотворительности, борьбе с сектантами, был вхож в московские религиозно-философские кружки, занимался изданием собрания сочинений Леонтьева и своими силами издавал «Приходской вестник».

Если до Первой русской революции Фудель еще давал в печати оценки некоторым политическим событиям, то после – окончательно отстранился от них. В этот же период сократилась его литературная деятельность (но активно развивалась издательская). С 1907 г. он участвует в «Кружке ищущих христианского просвещения», а с 1909 г. – в Братстве Святителей Московских, включившись в их просветительскую деятельность и труды по разработке приходского вопроса. Эти сообщества олицетворяли ортодоксальное, антимодернистское течение в «религиозно-философском ренессансе» рубежа XIX–XX вв.

Отец Иосиф играл видную роль в церковной жизни Москвы не только начала XX в., но и периода Февральской и Октябрьской революций: в 1917–1918 гг. он был председателем пастырских собраний московского духовенства и инициатором создания Совета объединенных приходов. Многих его соратников впоследствии ожидали аресты, ссылки, расстрелы, а часть из них была прославлена Православной церковью в лике новомучеников и исповедников российских.

Подвижническая деятельность И.И. Фуделя отражала его мировоззрение и была чрезвычайно многогранна: это как публицистические выступления в печати (воспринимавшиеся им как проповедь), так и социальная активность (учительство, забота о заключенных и бедных, издательская деятельность, содействие «внутренней миссии» церкви среди интеллигенции, участие в кружках и в приходской жизни Москвы). Несмотря на то, что он настаивал на необходимости проповеди в печати, публицистика для него осталась лишь одним из средств влияния на общество. Отец Иосиф был священником строгого «оптинского духа», вся его деятельность воспринималась им как одно пастырское служение, и она заслужила уважение и признание многих современников.

Путь Фуделя примечателен тем, что он не остался лишь интеллигентным «служителем идеи»: в стремлении служить Богу, людям и своей стране, из сферы мысли он вышел в сферу жизни. Любимая им идея «Святой Руси» принесла сильнейшие разочарования в начале XX в., «национальное» окончательно уступило место только «религиозному». В этом специфическая черта его консерватизма, претерпевшего определенную эволюцию: от национально-романтического «религиозного идеализма» (с верой в религиозное призвание России и развитие ее культурной самобытности) до «чистого христианства» и апокалиптического настроения. В юности ему казалось, что страна стоит на распутье, и именно интеллигенции предстоит сделать решающий «национальный» выбор, но ход истории развеял эти ожидания. Разубеждение в возможности воплощения славянофильских идей в национальном масштабе и предчувствие серьезных потрясений сосредоточило Фуделя именно на церковной деятельности – он всеми силами старался возвысить и укрепить церковь. При этом неслучайным выглядит неославянофильский круг общения священника: среди его друзей и единомышленников в разные годы важное место занимали К.Н. Леонтьев, С.А. Рачинский, Л.А. Тихомиров, М.А. Новоселов, П.А. Флоренский, С.Н. Дурылин. Опыт людей этого круга представляет собой альтернативный путь развития русской интеллигенции, не ставший массовым течением, но воплощенный на личном уровне.

Ключевые жизненные выводы Фуделя, сводившиеся к примату христианского начала над политическим и даже национальным, в совокупности с опытом его пастырского служения и организации церковной жизни «снизу» (с прихода), без слепого принятия руководящих указаний церковной иерархии, оказались крайне востребованы в период, когда эта иерархия была поколеблена революцией и Русская церковь столкнулась с беспрецедентными гонениями, пророчески предчувствовавшимися Фуделем и многими входившими в его орбиту интеллектуалами. В этом смысле продолжателем дела отца и ретранслятором его отношения к церкви как к живому организму, существующему прежде всего в духовно-нравственном измерении, а уже после этого – в культурно-историческом

контексте, стала церковная и литературная деятельность С.И. Фуделя, сыгравшего выдающуюся роль в сохранении интеллектуального и духовного багажа Русской церкви и последующем его донесении до интеллигенции, обратившейся к церкви в позднесоветский период ее истории.

Приложения

Приложение 1.

Свидетельство о крещении И.И. Фуделя⁹³⁸.

25 декабря 1864 года у старшего писаря 2-го Лейб-Уланского Курляндского Его Величества полка Иоанна Дмитриева Фуделя, православного исповедания и законной жены его, Аделаиды Антоновой, лютеранского, родился сын Иосиф <...> Таинство крещения совершил января шестого числа тысячи восемьсот шестьдесят пятого года, протоиерей Дмитрий Овсянкин. Восприемниками были: подполковник того же полка, Владимир Пинский и жена Штаб-Ротмистра того-же полка Яшкина, Евдокия Емельянова.

Приложение 2.

Послужной список И.И. Фуделя 1916 г⁹³⁹.

И.И. Фудель. 52 года.

Награжден: 1891 г. 24 января за отлично-усердную службу набедренником.

В 1892 г. за заслуги по духовному ведомству благославлением Святейшего Синода без грамоты.

1895 27 июня скуфьею, 1899 г 6 мая камилавкою; 1900 г. 7 января книгою "Библия" от Св. Синода выдаваемой.

1902 г. 6 мая наперсным крестом.

1907 г. 6 мая возведен в сан протоиерея.

1899 г. 29 марта по представлению Великой Княгини Елизаветы Федоровны пожалован золотым наперсным крестом из кабинета Его Императорского Величества во внимание к безвозмездным трудам по Московскому Дамскому Благотворительному комитету.

1914 г. 6 мая Всемиловейше пожалован орденом Св. Анны 2 степени.

⁹³⁸ Студенческое дело И.И. Фуделя // ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 297. Д. 619. Л. 3.

⁹³⁹ Клировые ведомости пречистенского сорока Москвы // ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 58. Л. 192-195.

Имеет медали: серебряную в память царствования Императора Александра III, серебряную в память Коронования Императора Николая II, серебряную в ознаменование 25-летия Церковной школы; юбилейный крест в память 300-летия Дома Романовых.

Звание: Сын Титулярного советника.

Недвижимого имения нет [неразб.].

Под судом не состоял.

Жена Евгения Сергеевна. Род. 7 апреля 1865 г. Дети: Мария род. 5 апреля 1892, Нина род. 17 июля 1893 г. Лидия род. 18 февраля 1895, Сергей род 31 декабря 1900 г.

Ни с кем из причта в родстве не состоит.

Окончил курс юридических наук в Императорском Московском Университете со званием действительного студента (1888г.).

Определен кандидатом на Судебные должности при Прокуроров Московской Судебной Палаты (1888, 27 сентября).

Командирован для занятий к Судебному следователю г. Москвы (1888, 18 октября) Московским Губернским Правлением определен в число чиновников Правления (1889, 4 января). Назначен делопроизводителем (1889, 19 января). Произведен в чин Губернского Секретаря со старшинством (1888, 27 сентября). Архиепископом Литовским и Виленским Алексием рукоположен во священника к Николаевскому собору г. Белостока (1889, 16 июля). Ставленую грамоту имеет.

Назначен законоучителем приходского училища (1889) и Старосельского Железодорожного училища (1890). Назначен членом Белостокского Отделения училищного Совета (1889, 17 декабря), Собранием прихожан собора избран Председателем церковно-приходского попечительства при соборе (1890, 16 декабря). Назначен наблюдателем за преподаванием Закона Божия в народных школах уезда (1891), исполнял обязанности законоучителя Института благородных девиц (1892).

Согласно прошению Митрополитом Московским Леонтием перемещен к Московской Александро-Невской, при Пересыльной Тюреме, церкви (10 июня

1892). Назначен законоучителем церковно-приходской школы при Московской Синодальной Типографии (1896, 20 декабря). Общим Собранием членов Московского Благотворительного Комитета при Тюреме избран в директора правления оногo (1897, 20 декабря).

Определен на должность законоучителя школы тюремных надзирательниц (1899, 13 апреля).

Утвержден сверхштатным членом Московского Епархиального Училищного Совета (1899, 13 декабря).

Назначен принимать участие в заседаниях Совещания по вопросам народного образования при Московской Губернской земской управе (1900). Утвержден законоучителем женской Гимназии Фишер (1902, 10 января).

Согласно прошению Московским Митрополитом Владимиром перемещен на настоящее место (1907, 1 сентября).

Общим Собранием прихожан избран в председатели Николо-Плотниковского приходского попечительства (1907, 2 декабря).

Общим собранием членов Братства Святителей Московских избран в члены Совета Братства (1909 27 декабря).

С согласия епархиальной власти Министром путей сообщения утвержден законоучителем московского Железнодорожного училища службы движения (1913, 1 августа). Освобожден от этой должности по прошению (1915, 1 августа).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 58 – Московское губернское жандармское управление

Ф. 63 – Отделение по охране общественной безопасности и порядка в
Москве

Ф. 102 – Департамент полиции министерства внутренних дел

Ф. 122 – Главное тюремное управление при министерстве юстиции

Ф. 124 – Уголовные отделения первого департамента министерства юстиции

Ф. 634 – Тихомиров Л.А.

Ф. 1099 – Филиппов Т.И.

Ф. 3431 – Протоколы и стенограммы заседаний Поместного Собора

Дом Русского Зарубежья им. Солженицына (ДРЗ)

Ф. 8 – Семейный фонд Фуделей

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Ф. 167 – Метнер Э.К.

Ф. 265 – Самарины

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 631 – Рачинский С.А.

Российский Государственный Архив Литературы и Искусства (РГАЛИ)

Ф. 2 – Александров А.А.

Ф. 290 – Леонтьев К.Н.

Ф. 300 – Лернер Н.О.

Ф. 2980 – Дурьлин С.Н.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1574 – Победоносцев К.П.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН)

Ф. 150 – Леонтьев (Щеглов) И.Л.

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы)

Ф. 203 – Московская духовная консистория

Ф. 418 – Московский императорский университет

Ф. 623 – Канцелярия московской центральной пересыльной тюрьмы
(Бутырская тюрьма)

Ф. 1371 – Канцелярия епископа Серпуховского, викария Московского

Официальные документы

1. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012-2017. Т. 1-19.
2. Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия в 4-х томах. М., 2014.
3. Основные правила для учреждения православных братств 1864 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание 1825—1881 гг., том 39 (1864). Ч. 1. С. 409-410.
4. Отчет Совета о деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа за 1910 г. // Московские церковные ведомости. 1911. № 8. С. 194–197.
5. Отчет Совета о деятельности братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа за 1910 г. // Московские церковные ведомости. М., 1911. № 8. С. 195–197.
6. Письмо благочинным после 1-ого собрания Совета объединенных приходов / публ. и комм. Комиссарова Л., Яшина С. // Свет Христов просвещает всех: Альманах СФИ. Выпуск 25. М., 2018. С. 91-98.
7. Положение о приходских попечительствах при православных церквях 1864 г. // ПСЗРИ. Т. 39. Ч. 1.
8. Правила о церковноприходских школах от 13 июня 1884 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IV. СПб., 1887. С. 372-374.
9. Православная Москва в 1917–1921 годах: Сб. документов и материалов / Авт.-сост. А. Н. Казакевич, В. В. Марковчин, Т.С. Тугова и др. М., 2004.
10. Правые партии. 1905-1917. Документы и материалы. В 2-х тт. / Сост., вст. ст., коммент. Ю. И. Кирьянова. М., 1998.
11. Устав Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. М., 1909.
12. Устав о содержащихся под стражей (Т. 14 св. зак., по продолж. 1902 г.) / Сост. Казан. губ. тюрем. инспектор А.Н. Рябчиков. Казань, 1903.

Публицистические работы И.И. Фуделя

Брошюры

13. К реформе приходских попечительств. М., 1894.
14. Народное образование и школа. М., 1897.
15. Наше дело в Северо-Западном крае. М., 1893.
16. Нравственно-культурное значение учительства. М., 1904.
17. О значении церковной дисциплины в народной жизни. СПб., 1900.
18. Основы церковно-приходской жизни. 2-е изд. М., 1894.
19. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. М., 1888.
20. Святая Русь. Речь при открытии Общеобразовательных чтений для рабочих г. Москвы, произнесенная в Историческом Музее 16 июня 1902 г. М., 1902.

Статьи

21. «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви» // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Октябрь. С. 875.
22. Библиографические заметки // Русское обозрение. 1892. Т. 4. Июль. С. 412-417. Август. С. 824. Т. 5. Сентябрь. с. 443. Октябрь. С. 986. Т. 6. Ноябрь. С. 460.
23. Библиографические заметки // Русское обозрение. 1893. Т. 2. Апрель. С. 1044. Т. 3. Май. С. 376.
24. Библиографические заметки // Русское обозрение. 1894. Т. 4. Июль. С. 395, 397, 398. Август. С. 887.
25. Вопросы церковной жизни. Вступление // Русское обозрение. 1892. Т. 4. Июль. С. 286.
26. Воспоминания о С.Н. Фишер // Богословский вестник. 1913. № 12.
27. Восточный вопрос (памяти К. Леонтьева) // Московские ведомости. 1911. 12 нояб.
28. Высокопреосвященный митрополит Исидор // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Сентябрь. С. 384.
29. Движение к православию в Северной Америке // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Октябрь. С. 875.
30. Деятельность в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Май. С. 333.
31. Деятельность нашего духовенства во время эпидемии // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Ноябрь. С. 406.
32. Живое слово и проповедь // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Май. С. 333.
33. Из Смоленской губернии // Русское обозрение. 1896. Т.1. Февраль. С. 364.
34. Из церковной жизни // Русское обозрение. 1894. Т. 5. Сентябрь. С. 377.
35. Из церковной жизни // Русское обозрение. 1896. Т. 2. Апрель. С. 903.
36. Из церковной жизни // Русское обозрение. 1896. Т. 5. Сентябрь. С. 550. Т. 6. Ноябрь. С. 550.
37. Из-под Москвы. Отрадное явление в земской школе // Русское обозрение. 1894. Т. 2. Апрель. С. 968.
38. Интеллигенция и народ в современном их сближении // Русское обозрение. 1897. №3. Март. С. 56-83.
39. Интеллигенция и Церковь в современном их сближении // Русское обозрение. 1897. Т. 44. №3. С. 64.
40. К вопросу о «национальном» // Московские ведомости. 1890. 13 окт.
41. К вопросу о национальном. Самообман и ошибки // Московские ведомости. 1890. № 293. 23 окт.
42. К вопросу о старо-католицизме // Русское обозрение. 1893. Т. 1. январь. С. 313.
43. К вопросу об организации прихода // Московские ведомости. 1897. № 290. С.1.
44. К реформе приходских попечительств // Русское обозрение. 1894. Т. 2. апрель. С. 867.

45. К школьному вопросу // Русское обозрение. 1896. Т. 2. Март. С. 365.
46. К. Леонтьев // Вступительная статья и предисловие редактора к Собранию сочинений К. Леонтьева. М., 1912.
47. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль. 1917. № 12.
48. Крестный ход из Москвы в Троице-Сергиеву лавру // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Сентябрь. С. 384.
49. Культурный идеал К. Леонтьева // Русское обозрение. 1895. Январь. С. 261–275.
50. Леонтьев К. О вере. молитве. о немощах духовенства и о самом себе (студенту Московского университета) / Сообщ. и примеч. прот. И. Фуделя // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 3. Отд. I. С. 225-237.
51. Леснинский монастырь; краткая история его развития и современное устройство; направление его деятельности. Значение подобных учреждений для окраин // Русское обозрение. 1893. Т. 1. Февраль. С. 883.
52. Меры для подъема проповедничества // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Июль. С. 355.
53. Миссия среди интеллигенции // Миссионерское обозрение. 1901 г. Июль.
54. Московское Общество Любителей Духовного просвещения; краткий очерк его деятельности; ее желательное развитие // Русское обозрение. 1893. Т. 6. Ноябрь. С. 361.
55. Наша деятельность в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1893. Т. 2. Апрель. С. 966.
56. Некролог (памяти И. Кронштадтского) // Церковный Вестник. 1909. № 9.
57. Необходимость отдельного братства для борьбы с сектантством в образованном обществе // Русское обозрение. 1893. Т. 5. Сентябрь. С. 395.
58. Ново-Александровская школа // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Июль. С. 355.
59. Новое пострижение в монашество светских лиц // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Декабрь. С. 896.
60. Новое пострижение в монашество светских людей // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Октябрь. С. 875.
61. О соблазнах полемической литературы (по поводу опубликования «Ответа» гр. Л.Н. Толстого) // Миссионерское обозрение. 1901. Июль-август. С. 48-49.
62. О христианской публицистике. Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь.
63. Общественные паломничества: их значение // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Сентябрь. С. 384.
64. Общецерковная молитва о заблудших, как одно из могучих орудий приходской миссии. Миссионерское Обозрение. 1898. № 1.
65. Одна из наших слабостей (по поводу полемики Каткова и Герцена) // Русское обозрение. 1895. № 6. С. 899-905.
66. Основа борьбы с сектантством. Миссионерское Обозрение. 1896. № 1.
67. Основной вопрос в деле народного просвещения // Русское обозрение. 1896. Т. 3. Июнь. С. 750.
68. Отец Амвросий Оптинский и его значение в религиозном движении нашего общества // Русское обозрение. 1892. Т. 5. Октябрь. С. 875.

69. Отрадное явление нашего времени // Русское обозрение. 1893. Т. 3. Июль. С. 355.
70. Памяти В.Н. Кашперова // Русское обозрение. 1894. Т. 4. Август. С. 827.
71. Памяти К.Н. Леонтьева // Русское Обозрение. 1892. Ноябрь.
72. Переписка митрополита Москов. Филарета с С.Д. Нечаевым // Русское обозрение. 1896. Т. 1. Январь. С. 480.
73. По поводу 25-летнего юбилея Рижского Петропавловского Православного братства // Русское обозрение. 1892. Август. С. 745.
74. Поучительная история. (К школьному вопросу) // Русское обозрение. 1895. № 10. С. 756-764.
75. Православные церковные братства; их организация и деятельность // Русское обозрение. 1893. Т. 5. Сентябрь. С. 395.
76. Предстоящее чествование памяти преподобного Сергия // Русское обозрение. 1892. Август. С. 745.
77. Преемство от "отцов" (Письмо к кормчему "Благовеста") // Благовест. Вып. 5. 1890. 15 окт.
78. Распространение сознания церковного единства. как условие развития церковной жизни // Русское обозрение. 1893. Т. 1. Январь. С. 313.
79. Состояние православных храмов в Западной России. Митрополит Филарет как подвижник // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Декабрь. С. 896.
80. Судьба К. Н. Леонтьева // Московские ведомости. 1910. 12 нояб. № 261.
81. Уменьшение территорий существующих епархий // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Декабрь. С. 896.
82. Хроника // Русское обозрение. 1893. Т. 1. Январь. С. 313.
83. Хроника // Русское обозрение. 1893. Т. 5. Сентябрь. С. 395.
84. Хроника // Русское обозрение. 1893. Т. 6. Ноябрь. С. 361.
85. *Церковные ведомости* о статье Л. Тихомирова // Русское обозрение. 1892. Т. 6. Декабрь. С. 896.
86. Школьное дело // Русское обозрение. 1896. Т. 5. Октябрь. С. 807.
87. Юрий Николаевич Говоруха-Отрок // Русское обозрение. 1896. № 9.
88. *Pro duto sua*. Письмо к издателю // Русское обозрение. 1894. Т. 1. Январь. С. 479.

Публицистика других авторов

89. Аксаков И.С. В чем недостаточность русского патриотизма? // День, 1864, № 42, 17 октября.
90. Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / Сост. и коммент. С. Лебедева. М., 2008.
91. Айвазов И.Г. Антикритика на статью г. Чельцова «О некоторых писательских приемах в нашей духовной литературе» // Миссионерское обозрение. 1902 г. Сентябрь. С. 365-368.
92. Айвазов И.Г. Орловский миссионерский съезд в связи с вопросом о свободе совести (по поводу доклада М. А. Стаховича, читанного на Миссионерском съезде в г. Орле 24-го Сентября 1901 г.). Тамбов, 1901.
93. Айвазов И.Г. О свободе совести. Тамбов, 1901.

94. Булгаков С.Н. Пять лет (1917-1922) // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1997.
95. Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей 1909— 1910. М., 1991.
96. Виленский календарь на 1906 простой год. Царствования Императора Николая II год двенадцатый. Издан под редакцией Ф. Н. Добрянского. Вильна, 1905.
97. Владимиров А.П. Из Вильны // Русское обозрение, 1894, февраль. С. 1000-1001.
98. Владимиров А.П. Новая брошюра о Северо-Западном крае // Русское обозрение, 1893, декабрь. С. 1007-1014.
99. Газетные репортажи о процессе по делу А.Д. Самарина и других // Православная Москва в 1917–1921 годах: Сб. документов и материалов / Авт.-сост. А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова и др. М., 2004. С. 346-348.
100. Дурылин С.Н. Приход: его задачи и организация. М., 1917.
101. Заозерский Н.А. Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах // Богословский вестник. 1894. Т. 4. № 10. С. 174–197.
102. Кузнецов Н.Д. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России. М., 1907.
103. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
104. Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // К. Леонтьев. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. СПб., 2005. Т. 7. Кн. 1. С. 90-130.
105. Леонтьев К.Н. Наши окраины // Сочинения. СПб., 1913. Т. 7. С. 244-264.
106. Леонтьев К.Н. Передовые статьи Варшавского дневника 1880 года // Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М., 1912. Т. 7.
107. М.П.М. Московские миссионерские беседы // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1759.
108. Новоселов М.А. Письма к друзьям / Е.С. Полищук, предисл., коммент. М., 1994.
109. Новоселов М.А. Открытое письмо графу Л.Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего синода. 2-е изд. Вышний Волочек, 1908.
110. Папков А.А. Церковные братства: Крат. стат. очерк о положении церк. братств к началу 1893 года. СПб., 1893.
111. Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1896.
112. Рачинский С.А. Сельская школа. Сборник статей. М., 1891.
113. Розанов В.В. Константин Леонтьев и его «почитатели» // Розанов В.В. ПСС. Т.7. С. 557.
114. Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001.
115. Самарин Ф.Д. О задачах Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и о способах разрешения этих задач // Московские церковные ведомости. 1910. № 6. С. 104–109.

116. Самарин Ф.Д. О задачах Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и о способах разрешения этих задач: Речь в Общем собрании Братства 27 декабря 1909 г. М., 1916.
117. Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и соврем. положения: Для Комис. о мероприятиях по отмене ссылки СПб., 1900.
118. Скворцов В.М. В защиту миссии и миссионеров (письмо, посланное в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей») // Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь. С. 202-207.
119. Тихомиров Л.А. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М., 1892.
120. Тихомиров Л.А. Непризнанный пророк // Московские Ведомости. 1911. 30 июня.
121. Тихомиров Л.А. Необходимость Церковного Собора // Тихомиров Л.А. Публицистика. М., 2012. С. 139-142.
122. Тихомиров Л.А. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. № 10.
123. Тихомиров Л.А. Славянофилы и западники в современных отголосках // Русское обозрение. 1892. № 10.
124. Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса. М., 1907.
125. Тихомиров Л.А. Тени прошлого: К.Н. Леонтьев // К.Н. Леонтьев: Pro et Contra. Т. 2. СПб., 1995. С. 6-28.
126. Федотов Г.П. Трагедия Интеллигенции // Версты. Париж, 1927. №2. С. 145-184.
127. Флоровский Г.В. Воцерковление школы (На память о С.А. Рачинском) // Вопросы религиозного воспитания и образования. Выпуск II. Париж, 1928.
128. Хомяков Д.А. Собор, соборность, приход и пастырь. М., 1917.
129. Чельцов М. О некоторых писательских приемах в нашей духовной литературе // Миссионерское обозрение. 1902 г. Май. С. 1146-1153.
130. Четвериков С., священник. Возможно ли объединение интеллигенции с народом и Церковью? // Миссионерское обозрение. 1902 г. Январь. С. 109-112.

Воспоминания, дневники

131. Арсений (Ждановский), еп. Воспоминания. М., 1995.
132. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
133. Благодарю Бога моего: Воспоминания Веры Тимофеевны и Натальи Александровны Верховцевых. М., 2001.
134. Булгаков С.Н. Дела и дни. Статьи. 1903-1944. Мемуарная и дневниковая проза. М., 2008.
135. Дневник Л. А. Тихомирова, 1905-1907 гг. / Сост.: А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015.
136. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915-1917 гг. / Сост.: А.В. Репников. М., 2008.
137. Дурылин С.Н. Из «Олонецких записок» / Комм. М.А. Рашковской. Наше наследие. 2011. № 100. С. 133-155.
138. Дурылин С.Н. Отец Иосиф Фудель. (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко). [Электронный ресурс] –

<http://politconservatism.ru/upload/iblock/dbb/dbb508257bb36c8548ef16190c498bc0.pdf>

139. «Подвигом добрым подвизался...». Материалы к жизнеописанию Александра Дмитриевича Самарина (1868–1932) / Авт.-сост. С.Н. Чернышев, прот. Д. Сазонов. Кострома, 2017.
140. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990.
141. Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. М., 2004.
142. Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. М., 2014. Т. 1-2.
143. Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад, 1911. Т. 9.
144. Самарины. Мансуровы: Воспоминания родных. М., 2001.
145. Сытина В.М. Урок. Воспоминания ученицы // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20.
146. Тихомиров Л.А. Отец Иосиф Фудель // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16.
147. Трубецкой Е.Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. М., 2000.
148. Угримов А.А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.
149. Угримова Н.В. Воспоминания об отце Иосифе Фуделе // ДРЗ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 21.
150. Фудель И.И. Дневник священника пересыльной тюрьмы // Православная община. 1991, № 3. С. 61–69; № 4. С. 55–63.
151. Фудель И.И. Мое знакомство с К. Леонтьевым (письмо С.Н. Дурылину) // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012. Кн. 1.
152. Фудель С.И. Воспоминания. М., 2016.
153. Фудель С.И. У стен Церкви. Моим детям и друзьям. М., 2012.
154. Четверухин С.И. Преподобный Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. Сергиев Посад, 2013. Он же. Толмачи: Воспоминания об отце: Доп. и ред. Сергея Четверухина. М., 1992.
155. Ювачев И.П. Собрание сочинений. Дневники: в 10-ти книгах. Кн. 4. М., 2017.

Письма

156. Кристи И. Письма к К.Н. Леонтьеву. Статьи / Сост. О.Л. Фетисенко. Приложение к ПСС К.Н. Леонтьева, Кн. 2. СПб., 2016.
157. Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854-1891). СПб., 1993.
158. Переписка В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 13: Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Ред. А.Н. Николукин. М., 2001.
159. Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова / предисл. И.В. Никитиной, С.М. Половинкина. Томск, 1998.
160. Письма В.В. Розанова И.И. Фуделю // Розанов В.В. Сочинения. М., 1990.

161. Письма мученика Михаила Новоселова Ф.Д. Самарину, 1905–1913 гг. / Е.С. Полищук, публ., коммент. // Богословские труды. 2013. Вып. 45.
162. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб., 2012.
163. Пророки Византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012.

Исследования

164. Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века / Сборник статей; под редакцией Л. Манчестер, Д.А. Сдвижкова. М., 2019.
165. Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2006.
166. Андреев Н.Ю. Славянофильство и неославянофильство: единство и дифференциация // Новая правовая мысль. 2013. №3. С. 4–11.
167. Андреев Н.Ю. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2014.
168. Анашкин Д.П. Екатерина (Ефимовская) // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 117–118.
169. Балашов Н.В., прот., Сараскина Л.И. Сергей Фудель. М., 2011.
170. Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб, 1890.
171. Беглов А.Л. «Община, учреждение, братство...». Поиск идентичности православного прихода в проектах и дискуссиях конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 241–264.
172. Беглов А.Л. Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг.: (Обзор основных законодательных актов) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., СПб.: Издательство «Нестор», 2012. С. 371–388.
173. Беглов А.Л. Земские проекты переустройства православного прихода в 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 172–200.
174. Беглов А.Л. Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «История. История Русской Православной Церкви». 2014. Вып. 6(61). С. 35–57.
175. Беглов А.Л. Конформизм приходской реформы К.П. Победоносцева // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 107–123.
176. Беглов А.Л. Кризис «государственной церковности» в фокусе приходского вопроса. 1860-е–1917 г. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. № 1/2 (37). С. 58–89.
177. Беглов А.Л. Особое Совецание для выработки проекта о православном приходе 1907 года // Вестник Православного Свято-Тихоновского

- гуманитарного университета. Серия II История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. II: № 5(48). С. 39–61.
178. Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2014. № 2(57). С. 56–81.
179. Беглов А.Л. Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // Российская история. 2014. № 6. С. 104–127.
180. Беглов А.Л. Приходской вопрос в истории и в трудах Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2017. Т. 14. С. 5–81.
181. Беглов А.Л. Сословность православного приходского духовенства в России в начале XX века: региональные особенности // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Вып. 5 (21).
182. Белкина О.А. Пушкинская речь Ф.М. Достоевского в восприятии К.Н. Леонтьева // Русская литература. 1992. №3.
183. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века: (По материалам Московской епархии). М., 2010.
184. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.). Минск, 2010.
185. Бик-Булатов А.Ш. Образы и типы православного духовенства в русской журналистике XIX – начала XX века. СПб., 2018.
186. Благовидов Ф.В. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891.
187. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019.
188. Ведерников В.В. Русское обозрение // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века. Энциклопедия. Отв. Ред. В. В. Шелохаев. М., 2010. С. 432-436.
189. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.
190. Винюкова Н.В. Вопреки революции // Традиции исторической мысли: материалы Научного семинара памяти профессора В.И. Злобина / отв. ред. Г.Р. Наумова и др. Вып. 5-6. М., 2018. С. 54-70.
191. Винюкова Н.В. И.И. Фудель о народном образовании (1890-е - начало 1900-х гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С. 100-109.
192. Винюкова Н.В. И.И. Фудель о проблеме воцерковления интеллигенции // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 1. С. 39-53.
193. Винюкова Н.В. Иосиф Иванович Фудель в начале пути: идея «православного народничества» // Сретенские чтения. Материалы XXIV

- научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов / Сост. З.М. Дашевская. М., 2018. С. 194-199.
194. Винюкова Н.В. К.Н. Леонтьев и И.И. Фудель: к вопросу о преемственности // Вопросы философии. 2019. №9. С. 150-161.
195. Винюкова Н.В. Священник Иосиф Фудель: уроки служения на западных рубежах // Сретенские чтения. Материалы XXV научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов / Сост. З.М. Дашевская. М., 2019. С. 227-233.
196. Винюкова Н.В. Священник на рубеже XIX-XX вв.: И.И. Фудель глазами современников // Человек и культура. 2019. № 6. С. 226-241.
197. Винюкова Н.В. Служение в Бутырской Пересыльной тюрьме: опыт И.И. Фуделя (1892–1907) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 90. С. 22-38.
198. Волкогорова О.Д. Константин Леонтьев. М., 2013.
199. Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале 20 века. М., 2008.
200. Гаврилин А.В. Рижский период служения священноисповедника митрополита Агафангела (Преображенского) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 18. С. 47-61.
201. Гайда Ф.А. И.В. Воронцова. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века: М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. 424 с. [Рец.:] // Российская история. 2011. № 2. С. 201-202.
202. Гайда Ф.А. Интеллигенция и Церковь: из истории взаимоотношений. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pravoslavie.ru/46664.html> (дата обращения: 22.11.2017).
203. Гайда Ф.А. Произведения С.Н. Булгакова 1909 – 1917 гг.: политический контекст. [Электронный ресурс] – <http://religionandculture.ru/page3872791.html> (дата обращения: 15.10.19).
204. Гайда Ф.А. Христианство и миссия интеллигенции в публицистике русского освободительного движения (1882–1909) // Вопросы философии. 2019. №9. С. 141-149.
205. Галкин А.К., Дамаскин (Орловский), игум. Владимир (Богоявленский) // Православная энциклопедия. М., 2004.
206. Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Раскол в консерваторах (Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев в споре об общественном идеале) // Неоконсерватизм в странах Запада. Ч. 2. М., 1982.
207. Гордеева И.А. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003.
208. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1946.
209. Гоголев Р.А. "Ангельский доктор" русской истории: философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. М., 2007.
210. Головкова Л. Бутырский тюремный храм: (из истории Бутырской тюрьмы) // Моск. журн. 1993. № 2/3. С.33-37
211. Голубинский Е.Е. О реформе в быте русской церкви. М., 1913.

212. Голубцов С., протод. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999.
213. Горбунов В.В. Русская идея // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Журавлев В.В. (ред.). М., 2005. С. 463-465.
214. Грабко М. Е. Деятельность Русской Православной Церкви в рабочей среде Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2015.
215. Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ: (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 1969.
216. Дашевская З.М. Обзор деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (1909 – 1917 гг.) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Выпуск 5. М., 2012. С. 131-150.
217. Детков М.Г. Исполнение наказания в дореволюционной России: организационно-правовые аспекты становления и развития системы исполнения наказания в виде лишения свободы. М., 1990.
218. Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. М., 1883–1893.
219. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
220. Журавский А.В. Братства православные // Православная энциклопедия. Т. 6. С. 205.
221. Западные окраины Российской империи / Ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006.
222. Запальский Г.М. Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. М., 2009.
223. Захарова И.Е. Гавриил Иванович Чернышевский – представитель элиты провинциального духовенства первой половины XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011.
224. Зеленогорский [Гринберг] М.Л. Жизнь и деятельность архиеп. Андрея (кн. Ухтомского). М., 1995.
225. Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра Великого. Казань, 1873.
226. Знатнов А.В. Востоков // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 471-473.
227. Зубанова С.Г., Рузанова Н.П. Русская Православная Церковь в России в XIX веке (социальный аспект деятельности). М., 2011.
228. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1984.
229. Иванов А.А. Русские консерваторы: взгляд на проблемные точки Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014.

230. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010.
231. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. Он же. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010.
232. Извеков Н.Д. Некоторые черты деятельности митрополита Макария (Булгакова) по управлению Литовской епархией // Богословский Вестник. 1892. №12. С. 411-434.
233. Иларион (Алфеев), архиеп. Имяславие // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 457-495.
234. Ильяшенко Ф.А. Отец Иоанн Кронштадский в восприятии современников: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
235. Интеллигенция и церковь: прошлое, настоящее, будущее: Материалы XV Междунар. науч.-теорет. конф., Иваново, 23-25 сент. 2004 г. / В.С. Меметов (отв. ред.). Иваново, 2004.
236. Исхакова Р.Р. Создание церковно-приходских школ России в 1880-х гг.: политический курс и идейная борьба. Казань, 2002.
237. Каблиц И. (Юзов). Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886.
238. Камнев В.М. Хранители и пророки: Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб., 2010.
239. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959.
240. Касаткина Т.А. Феномен «Ф.М. Достоевский и рубеж XIX - XX веков» // Достоевский и XX век. Т. 1. М., 2007.
241. Китаев В.А. Славянофилы после отмены крепостного права. Волгоград, 1994. Он же. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород, 2008.
242. Киценко Н. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006.
243. Козырев А.П. Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // К. Н. Леонтьев. Pro et contra. Антология. В 2 кн. СПб., 1995. Т. 1.
244. Колеров М.А. Не мир, но меч: Рус. религиоз.-филос. печать от "Проблем идеализма" до "Вех", 1902-1909. СПб., 1996.
245. Колоницкий Б.И. Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец 19 – начало 20 в.) // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001.
246. Колоухин С.О. Власть духовная и власть светская: направления взаимодействия с последней трети XIX века - по февраль 1917 года: по материалам Московской епархии: дисс. ... канд. ист. наук. Коломна, 2012.
247. Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.
248. Комиссарова Л., Яшина С. Письмо благочинным Совета объединенных приходов Москвы // Свет Христов просвещает всех: Альманах СФИ. Выпуск 25. М., 2018. С. 91-98.

249. Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX — начало XX века). Челябинск, 2006.
250. Котов А.Э. "Царский путь" Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016.
251. Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова: монография. СПб., 2013.
252. Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870 — 1890-х гг.: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010.
253. Котов А.Э. Священник Иосиф Фудель и полемика о национализме // *Russian Colonial Studies*. 2019. № 2. С. 56-75.
254. Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен. М., 2012.
255. Кузнецов В.Д. Российское студенчество в 1890-1917 гг.: между верой и неверием. СПб., 2005.
256. Курляндский И.А. Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский и Коломенский. М., 2002.
257. Лазарева А.Н. Интеллигенция и религия. К историческому осмыслению проблематики «Вех». М., 1996.
258. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах. М., 1981.
259. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX-начале XX вв. М., 2002.
260. Леонтьева Т.Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.; Тверь, 2012.
261. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2009.
262. Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // *Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, май 1997.* Сост. Б. А. Успенский. М., 1999.
263. Лютко Е.И., диакон. Понятие «Филаретовское духовенство» в контексте развития пастырского богословия в России на рубеже XIX–XX вв. // *Филаретовский альманах*. 2019. № 15. С. 43-60.
264. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России М., 2015.
265. Медведев С.В. Эксперимент Зубатова: легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018.
266. Медоваров М.В. Александр Киреев. СПб., 2019.
267. Медоваров М.В. О редакционной политике журнала "Русское обозрение" (по материалам базы данных содержания журнала) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. № 1. 2019. С. 44 - 54.
268. Медоваров М.В. Проблемы православия на страницах журнала «Русское обозрение» в период редакторства А.Ф. Филиппова (1901–1903 гг.) // *Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVI Международной научной конференции*. Иваново: ИГУ, 2017. Ч. 1. С. 167-173.

269. Медоваров М.В., Снежницкая С.И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887– 1897 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №5. С. 38-47.
270. Милевский О.А. Л. Тихомиров о взаимоотношениях православной церкви и самодержавного государства (1892-1905 гг.) // Вестник Томского гос. пед. университета. Вып. 3. Томск, 1997. С. 37-44.
271. Миллер А.Л. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
272. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 2.
273. Мокшин Г.Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007.
274. Мокшин Г.Н. К. Н. Леонтьев, И. И. Фудель, Л. А. Тихомиров о проблеме сближения образовательного общества с народом // Власть и общественное движение в России имперского периода. Воронеж, 2005. С. 353—368.
275. Мокшин Г.Н. Русское легальное народничество 60-90-х гг. XIX века: очерки истории и историографии. Воронеж, 2005.
276. Мокшин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX-начале XX вв. Воронеж, 2010.
277. Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006.
278. Нетужилов К.Е. Либерализм в церковной журналистике начала XX в. // Вестник РХГА. Т. 14. Выпуск 2.
279. Нетужилов К.Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2008.
280. Никитина И.В., Половинкин С.М. «Московский авва» // Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 9– 38.
281. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930.
282. Ореханов Г.Л., прот. Отлучение или отпадение? Смысл синодального акта о Льве Толстом // Родина. 2009. № 11. С. 60-63.
283. Ореханов Г.Л., прот. На пути к собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.
284. Ореханов Г.Л., прот. Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010.
285. Ореханов Г.Л., прот. Ф.Д. Самарин и его архив // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института, 30 янв.- 1 февр. 1997 г.: Материалы. М., 1997. С. 117 - 120.
286. Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений. 1917-1922. М., 2011.
287. Панкрат Т.В. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы: вторая половина XIX-начало XX столетия. М., 2011.
288. Папков А.А. Братства: Очерк истории зап.-рус. правосл. братств. Сергиев Посад, 1900.

289. Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб., 1903.
290. Паромов К.Я. Епископ Феодор (Поздеевский) и "Кружок ищущих христианского просвещения": по переписке участников // Христианское чтение: Научно-богословский журнал. 2012. №3. С. 66 - 108.
291. Паромов К.Я. Политическое и церковное в мировоззрении "славянофилов" начала XX в. (А. А. Киреев, Ф. Д. Самарин, Д. Н. Шипов) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Март-Апрель 2016. № 2 (69). С. 31 - 48.
292. Полищук Е.С. Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М.А. Письма к друзьям. М., 1994.
293. Половинкин С.М. Ревностная дружба // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 5–15.
294. Половинкин С.М. Фудель Иосиф Иванович // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. То же в: Русская философия: Энциклопедия. Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2007.
295. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
296. Полунов А.Ю. Славянофильское министерство. Победоносцев и граф Игнатъев в начале 1880-х годов // Родина, 2015, № 2. С. 31-34.
297. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
298. Преображенский И.В. Духовенство и народное образование. СПб., 1900.
299. Прокофьев А.В. Приходская реформа 1864 года и ее влияние на самосознание приходского духовенства. М., 2010.
300. Пушаев Ю.В. Отношение К.Н. Леонтьева к коммунизму/социализму. О несостоявшемся «союзе социализма... с русским самодержавием и пламенной мистикой» // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 81. С. 71-88.
301. Радченко А.А. Славянофилы об «обрусении» Северо-Западного края Российской империи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Выпуск № 13 (84), том 15, 2010. С. 140-145.
302. Резвых Т.Н. «Апокалипсис и Россия»: эсхатологическая тема у С.Н. Дурылина // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 (59). С. 83-118.
303. Резвых Т.Н. «Я чувствовал себя как бы его внуком – через сына – через о. Иосифа...» (Отец Сергей Дурылин – исследователь творчества К.Н. Леонтьева) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 257-357.
304. Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25 (I). С. 5-11.
305. Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. 2010. Т. 10. С. 10-40.

306. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.
307. Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX - начало XX веков). М., 2006
308. Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.
309. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). М., 1999.
310. Рогозный П.Г. Григори Фриз – американский историк русского православия // Фриз Г. Губительное благочестие: Российская церковь и падение империи. СПб., 2019.
311. Рогозный П.Г. Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917-1920. М., 2018.
312. Рогозный П.Г. Церковная революция 1917 года: (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.
313. Русская интеллигенция: История и судьба / Рос. акад. наук. Науч. совет по истории мировой культуры; [Редкол.: Д.С. Лихачев]. М., 1999.
314. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Ред. Гросул В.Я. М., 2000.
315. Русское православие. Вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989.
316. Сдвижков Д.А. Сравнить несравнимое: общее и особенное в понятиях «образованного человека» // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 31-55.
317. Сергеев С.М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80-90-х гг. XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.
318. Сергеев С.М. Проблема позднего славянофильства – [Электронный ресурс] – <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php> (дата обращения: 10.08.2019).
319. Сергеев С.М. Творческий традиционализм Л.А. Тихомирова. [Электронный ресурс] – <https://www.portal-slovo.ru/history/41712.php> (дата обращения: 5.10.19).
320. Сковородин А.Н. Взгляды и деятельность Льва Тихомирова в контексте обсуждения реформы русского прихода в начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Выпуск 3 (144). 2014. С. 22-29.
321. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700-1917. М., 1997.
322. Соколова Т.Ф. Три поколения семьи Фуделей: по архивным материалам Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына // Ежегодник ДРЗ им. Александра Солженицына. М., 2010. С. 479-490.
323. Соловьев А.А. Интеллигенция и церковь в интеллектуальном поле России в конце XIX - начале XX века. Кострома, 2007.
324. Соловьёв И., свящ. Живая церковь // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 168-172.
325. Соловьев К.А. Генерал Киреев и его дневник // Киреев, А.А. Дневник. 1905 – 1910. М., 2010.

326. Соловьев К.А. Кружок "Беседа". В поисках новой политической реальности, 1899 – 1905. М., 2009.
327. Соловьев К.А. Кружок москвичей // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века. М., 2010. С. 256-257.
328. Тепикин В.В. Интеллигенция: культурный контекст. Иваново, 2008.
329. Тесля А.А. "... для сохранения и постоянного подновления любви": о переписке К. Н. Леонтьева и О. И. Фуделя. Хабаровск, 2012. С. 3-18.
330. Тесля А.А. Константин Леонтьев в кругу собеседников и учеников [рец.] // «Новое литературное обозрение». 2013. № 3 (121). С. 352–356.
331. Тесля А.А. Концепция славянофильства Анжея Валицкого в историографическом кругу // Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019.
332. Тесля А.А. Неославянофильство в период первой русской революции и становления «думской монархии» (по материалам дневника А.А. Киреева 1905 – 1910 гг.). – [Электронный ресурс] – <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2224> (дата обращения: 10.10.19).
333. Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014.
334. Тесля А.А. Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.
335. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1908-1909.
336. Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2006. С. 7-54.
337. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003.
338. Феофанов А.М. Корпоративная идентичность православного духовенства Российской империи: историография вопроса // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 90. С. 9-21.
339. Фетисенко О.Л. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012.
340. Фетисенко О.Л. Достоевский, "русские мальчики" и "православные немцы" ("Годы учения" Иосифа Фуделя) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2010. С. 203-221.
341. Фетисенко О.Л. «Отче и друже мой»: отец Иосиф Фудель – друг, ученик и издатель К. Леонтьева // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб., 2012.
342. Фетисенко О.Л. Призвание, служение и таинственное исчезновение Ивана Кристи // Кристи И. Письма к К.Н. Леонтьеву. Статьи / Сост. О.Л. Фетисенко. Приложение к ПСС К.Н. Леонтьева, Кн. 2. СПб., 2016. С. 5-52.
343. Фирсов С.Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М., 2011.
344. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002.

345. Флоровский Г.В., прот. Воцерковление школы (На память о С.А. Рачинском) // Вопросы религиозного воспитания и образования. Выпуск II. Париж, 1928.
346. Флоровский Г.В., прот. Пути русского богословия. М., 2009.
347. Фриз Г. Губительное благочестие: Российская церковь и падение империи / Сост., вступ. ст., комм. П.Г. Рогозного. СПб., 2019.
348. Фудель И.И. // ЭСБЕ. Т. XXXVIa. Спб., 1902.
349. Фудель С.И. Наследство Достоевского. М., 2016.
350. Хатунцев С.В. Константин Леонтьев. Интеллектуальная биография, 1850-1874 гг. СПб., 2007.
351. Хатунцев С.В. Фудель И. И. // Русский консерватизм середины XVIII - начала XX века. Энциклопедия. Отв. Ред. В. В. Шелохаев. М., 2010. С.449-551.
352. Ходыкин И. Миссионерское служение в местах лишения свободы: дис. ... канд. богословия. М., 2001.
353. Хондзинский П.В., прот. Приходское духовенство конца XIX – начала XX века в русской духовной традиции: Доклад на ежегодной научно-богословской конференции в Санкт-Петербургской Духовной академии 30 сентября 2015 года. – [Электронный ресурс] – http://www.pstbi.ru/news/show/132-doklad_prot_Pavel_Khondsinskiy#cite_note-15 (дата обращения: 10.11.2019).
354. Хорошева А.В. Конфликт двух исторических систем [рец.] // Российская история, 2014, №2. С. 31.
355. Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986.
356. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700-2005. М., 2012.
357. Черепанов Д.Д. От проектов приходской реформы к вопросу о «верном»: рецепция идей Братства Святителей Московских в творчестве С. И. Фуделя // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 80. С. 37-51.
358. Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010.
359. Шевченко М.М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
360. Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. 2002. № 4. С. 89–104.
361. Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 г. М., 1976.
362. Freeze G. The Parish Clergy in nineteenth-century Russia: Crisis, reform, counter-reform. New Jersey: Princeton Universiti Press, 1981.
- 363. Справочники, энциклопедии**
364. Вся Москва. Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов. М., 1908, 1911, 1916.
365. Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. / Журавлев В.В. (ред.). М., 2005.

366. Православная энциклопедия. М., 2000–2019. Т. 1-56 (издание продолжается).
367. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. Русская философия: Энциклопедия. Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2007.
368. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. Отв. Ред. В. В. Шелохаев. М., 2010.
369. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008.
370. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.